ЧАРЛИ ДАЙРОФФ

ОДИНОЧЕСТВО & КОМПАНИЯ

У Дайрофф талант описывать простую красоту человеческого контакта, и она внятно, настойчиво подталкивает нас отвести взгляд от гаджетов и посмотреть друг на друга.

Southwest Review

Одиночество и компания
Чарли Дайрофф

Аннотация
Чарли Дайрофф. Одиночество и компания
Пролог
Часть первая
  Глава 1
  Глава 2
  Глава 3
  Глава 4
  Глава 5
  Глава 6
  Глава 7
  Глава 8
Часть вторая
  Глава 9
  Глава 10
  Глава 11
  Глава 12
  Глава 13
  Глава 14
  Глава 15
  Глава 16
Часть третья

Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Эпилог
Благодарности

Аннотация

Ли, блестящей студентке, трудоголику и любимице преподавателей, сулят успешную карьеру в одном из ИТ-гигантов и увлекательные, важные для человечества проекты. Но выходит иначе: Ли оказывается в захолустном, одряхлевшем Нью-Йорке, в никому не известной компании. У компании, впрочем, и впрямь важная миссия: по заданию Правительства она решает проблему одиночества. Ли и ее коллегам предстоит обучить искусственный интеллект быть другом человеку.

Люди не знают даже слова «одиночество» – это слишком сложная эмоция, и много лет назад ее вычеркнули из всех словарей в надежде, что вместе со словом исчезнет проблема. Однако одиночество захлестывает мир, с каждым днем случаи множатся, и от работы Ли зависит жизнь людей. ИИ должен получить и обработать как можно больше данных, а для этого Ли должна почувствовать и пережить как можно больше и как можно скорее. До каких пределов способен дойти человек, привыкший добиваться успе-

ха вопреки всему, если поставить перед ним задачу просто жить на всю катушку?

«Одиночество и компания» – дебют Чарли Дайрофф, еще до публикации включенный в многочисленные списки самых ожидаемых книг. Это история об одиночестве, которого мы не сознаем. Это история о дружбе, которой мы не понимаем. Это история о своем пути, который невозможно предугадать.

Впервые на русском!

Чарли Дайрофф
Одиночество и компания

Charlie Dyroff
Loneliness and Company

© Charlee Dyroff, 2024
© И. Н. Залогина, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

Бруксу, моему брату и лучшему другу

Я начинаю понимать, что внимание без чувств – всего лишь отчет.

***Мэри Оливер*[1]**

Одиночество, томление не означают, что у человека ничего не получилось, – они означают, что он жив.

***Оливия Лэнг*[2]**

---

[1] Примечания: 1

Цитируется текст американской поэтессы, лауреата Пулицеровской (1984) и Национальной книжной (1992) премий Мэри Оливер (1935–2019) из ее совместной с фотографом Молли Мэлоун Кук книги «Our World» («Наш мир», 2007). — *Здесь и далее примечания переводчика.*

[2] Примечания: 2

Цитата из книги британской писательницы и критика Оливии Лэнг (р. 1977) «Одинокий город. Упражнения в искусстве одиночества» («The Lonely City: Adventures in the Art of Being Alone», 2016), перевод Шаши Мартыновой.

Пролог

Я огибаю угол, огни включаются, я ускоряюсь. Шаги эхом отражаются от стен; я ходила здесь каждый день последние шесть лет, но сегодня все как-то иначе. Знакомый коридор превратился в люминесцентный туннель. Простой. Стерильный. Прекрасный.

Я осторожно держу награду в руках и удаляюсь от шума. Прочь от разговоров, доносящихся из зала, где вручали дипломы. Прочь от смеха в столовой, где однокурсники празднуют единственный в году вечер, когда подают спиртное, прочь от тихих прощаний в общежитии, где уже собирают вещи. Утром придут Распределения, и мы разъедемся по миру.

Распознав мое лицо, стеклянные двери в конце коридора расступаются, за ними — высокий потолок лаборатории. Стремительно минуя ряды блестящих инструментов и эргономичных испытательных станций, иду в угол, к своему столу, и ставлю награду ровно напротив экрана. Теперь, когда я наконец-то одна, можно себе позволить ее рассмотреть: глобус, вращающийся туда и сюда,

и небольшая табличка над ним. Когда я приближаю к ней лицо, она мерцает, подсвечивая гравировку с моим именем.

Когда меня сегодня вызвали на сцену, никто не удивился. Я опубликовала больше всех статей и получила высшие баллы. Я понимала, что выиграю, но меня поразили аплодисменты, грянувшие, когда объявили мое имя. Видеть серьезные лица преподавателей, искаженные улыбками, пожимать ладони, сухие, как папирус, — все это было немного чересчур. Я еле дышала, не говоря уже о том, чтобы разглядывать награду.

Но сейчас, в пустой лаборатории, привычной и любимой, я рассматриваю ее, и волна гордости накатывает при мысли о том, как все радовались; как ментор Маша понимающе глянул на меня, коротко, но значительно, когда я наконец подняла на него глаза.

При мысли о Маше вспоминаю, что до завтрашнего отъезда нужно проанализировать еще один набор данных. Можно, конечно, оставить это младшим коллегам, но меня учили: как ты делаешь одно, так же и все остальное, и я хочу закончить свою Программу, как начала, — с усердием.

Кроме того, когда придет Распределение, я хочу

быть именно здесь, в комнате, которая меня сформировала. Хочу именно здесь удостовериться в том, о чем и так все догадываются: меня возьмут в одну из вожделенных компаний Большой пятерки, у которых лучшие в мире научно-исследовательские центры.

«Соберись», — думаю я, тыча в экран. Отключаюсь от лаборатории, от мыслей, вопросов, надежд, погружаюсь в данные, и время летит незаметно. Только закончив работу, я замечаю, что по полу растекся мягкий утренний свет: почти пора. Отправив Маше последний анализ, я проверяю свой проектный портал — все готово. Теперь только ждать, и я меряю шагами просторную лабораторию, поглядывая на большие угловатые цифры на стене, отмечающие время.

Когда прохожу мимо стола, моя награда снова чудесно мерцает; я замираю на миг, отступаю подальше, возвращаюсь — и вот опять. Ну конечно. Награда запрограммирована сиять, когда я рядом, и от этого открытия она становится еще ценнее. Как и все здесь, она продуманна. Сделана с умом. Совершенна.

Продолжаю расхаживать, размышляя о том, что будет дальше. Работа, о которой мечтают все. Шанс, о котором Маша впервые упомянул, когда

начал натаскивать меня на втором году учебы. В животе ворочается предвкушение. Кто из Большой пятерки меня возьмет? В какую команду я попаду? Каким будет первое задание?

Награда сияет, цифры на стене медленно превращаются одна в другую. Смотрю на часы, время падает каплями, и наконец мой экран чернеет.

Вот оно! Распределение! Подбегаю, склоняюсь к экрану. Так близко, что чувствую тепло — мое будущее. Летит сквозь эфир прямо ко мне.

Проходит две секунды, три. Вот оно. Слова пробиваются сквозь черноту и каплями стекают по экрану. Моргаю, пытаясь распознать название. Неизвестная мне компания. А я знаю их все, или, во всяком случае, все стоящие.

Распределение исчезает и снова вспыхивает на экране. Я смотрю на немыслимое, на эти чудовищные блестящие буквы, и горло перехватывает.

«Дыши», — говорю я себе, когда лаборатория начинает кружиться и становится слишком горячо, слишком ярко.

Этого не может быть. Так неправильно.

Часть первая

Глава 1

Открываю глаза в незнакомой комнате с голыми бежевыми стенами, и такое чувство, что вообще не спала, или, может, проспала всю жизнь и наконец просыпаюсь. Кровать еще не подладилась к моему телу. В комнате сыро и душно. Даже простыни не те — не гладкие, а колючие, как будто крахмальные.

Изучаю мазки краски на стене. От окна спускается трещина, тонкая как волос, и я смотрю на нее, изо всех сил пытаясь ни о чем не думать. Но оказывается, если стараешься о чем-то не думать, оно-то и лезет в голову. Так что я болтаюсь туда-сюда, думая и не думая, не зная, что с собой делать.

Когда лежать дольше уже невозможно и телефон предупреждает, что я опаздываю, — заставляю себя встать и натянуть джинсы, неловкими со сна пальцами едва справляясь с холодной металлической пуговицей. Достаю белую футболку из верхнего ящика, куда, должно быть, сложила одежду вчерашней мутной ночью.

Тащусь в коридор, надеясь раздобыть кофе, и тут из ванной высовывается голова Вероники,

моей новой соседки, и я подскакиваю.

— Ой нет. Переоденься, — говорит она, покачивая тюрбаном из розового полотенца. Лицо распаренное, без макияжа.

Я так старалась привести мысли в порядок, что забыла о существовании Вероники. Забыла, как вчера вечером, когда я приехала, она полезла обниматься, как будто мы знакомы сто лет. Забыла про ее улыбку с ямочкой, идеальные светлые кудряшки, большую грудь. И до чего она — как и все вообще — подавляет.

— Нельзя приходить в таком виде в первый день, — говорит она, как будто это само собой разумеется.

Моргаю, не понимая, развернуться мне или идти дальше. Всерьез она или хочет меня рассмешить.

— Давай помогу. Первое впечатление важнее всего.

Вероника закрывает дверь и через пару секунд выходит в розовом халате, в тон полотенцу на голове. Идет в мою комнату, открывает ящики и копается там, превращая в руины тщательно сложенные стопки.

Вытягивает из этого бедлама кремовые слаксы, голубой свитер и кладет их на кровать.

— Свитер подчеркнет твои глаза, — заявляет она и возвращается в ванную.

Я смотрю на очертания человека на кровати. Шесть лет я носила униформу и забыла, что у меня вообще есть эти штаны и свитер. В Программе мы все носили черное. Наши навыки, наши исследования, наши таланты — вот что нас различало. А не внешний вид. Можно ли скучать по жесткой униформе? Искать безопасности в простоте?

Вероника всегда будет так делать? Высказываться о моей одежде, привычках, о моей жизни?

У меня никогда не было соседки, и теперь очень странно с кем-то делить пространство, втискивать две жизни в одну квартиру. Я привыкла к маленькой, опрятной комнате в общежитии. К тихой рутине. К размышлениям без помех.

Я знаю, что это все не сон. Касаюсь руки — и она теплая, с волосками, настоящая. Жму пальцем на глаз, и из него текут слезы. Но по краям все такое размытое, как будто время идет быстрее, чем я успеваю подумать. Мой однокурсник опубликовал статью о мгновении, когда решение уже принято и человек застревает между тем, что было, и тем, что будет. Назвал это серой зоной.

Ну, бывший однокурсник. Экс-курсник? Как надолго человек может застрять в серой зоне, если решение принимал не он?

Быстро переодеваюсь в слаксы и свитер. Формально решение было мое, напоминаю я себе. Я поступила в Программу, отдавая себе отчет, что, получив степень, год отработаю там, куда меня направит Система Распределения. Обычно Система направляет человека туда, где у него будет больше возможностей для личного развития и где полезнее для Страны. Но это назначение, кажется, не отвечает ни одному из критериев. В сущности, в нем вообще нет логики.

Мне непривычно в своей одежде, но, когда я выхожу из комнаты, Вероника опять выглядывает из ванной — на лицо уже наложен тон — и одобрительно кивает.

Офис находится прямо у воды в Трайбеке, чуть севернее того, что прежде называлось Уолл-стрит, если верить «Картам», где мелкие точки очерчивают границу того, что не существует.

Втискиваюсь в вагон метро вместе с толпой,

поезд несется в даунтаун[3], и никто не снимает куртку, поэтому я тоже не снимаю и руки потеют в рукавах. Реклама крутится-вертится и обращается ко всем входящим.

Прибыв по адресу, разглядываю ветхое каменное здание. Пожарная лестница цепляется за него сбоку, точно моллюск, и, похоже, держится только на ржавчине. Я поднимаюсь к двери и врезаюсь в стекло — думала, дверь откроется, но она упорно не желает. Потирая лоб, отступаю и дергаю за ручку. Мне в лицо мигает маленькая камера.

Слишком низкий уровень. ОТКАЗАНО В ДОСТУПЕ.

Дверь не открывается. Я жду на морозе, думаю, как быть, и наблюдаю, как мое дыхание вырывается паром изо рта и зависает в воздухе. Нам выдали приветственный пакет, но я не продралась сквозь текст. В норме я бы прочитала его три или четыре раза. В норме я готова к любым неожиданностям. Но тут первый же раздел оказался полон тупой, пустой туфты: «Иногда

---

[3] Примечания: 3

Даунтаун (Downtown Manhattan) — Южный (Нижний) Манхэттен, включая Файненшл-дистрикт (Уолл-стрит), Бэттери-парк и окрестности; деловая и историческая часть в «нижнем» конце острова Манхэттен.

незаметные мелочи могут изменить мир...», бла-бла-бла. К тому же чем меньше я знаю, тем меньше это все похоже на реальность.

Утром я на всякий случай проверила телефон, примерно в тысячный раз. Вот-вот они обнаружат ошибку. Позвонит представитель Системы Распределения и все исправит. Я, конечно, отнесусь с пониманием. «Бывает», — спокойно скажу я, хотя ничего такого не бывает. Система практически непогрешима, по крайней мере была до сих пор.

Сзади кто-то покашливает, и я отхожу в сторону: крупный мужчина смотрит в камеру и улыбается, уставшее лицо становится восторженным. Дверь со щелчком открывается, он заходит внутрь, улыбка стекает с лица, дверь захлопывается.

Восхитительно.

Даже не пойму, антикварная это система или новая. Странно у них тут — все напоказ. У нас в Программе все запускалось незаметно, не привлекая внимания. Здание просто сканировало людей без лишнего шума.

Снова подхожу к двери, смотрю в камеру и, повторяя за мужчиной, напрягаю мышцы, которыми давно не пользовалась. Выдавливаю широчайшую улыбку, камера моргает, и экран

вспыхивает зеленым.

Уровень энтузиазма 91 %. Продуктивного дня!

Дверь сдвигается, и я победительно шагаю вовнутрь, но тут до меня доходит, что я сделала. Я вошла в офис.

Глава 2

Глядя на знакомые лица выходящих из лифта людей, Джанет не может сдержать улыбку. Она рассматривает их через стекло конференц-зала и, пусть никогда не встречала раньше, узнала бы где угодно. Так здорово увидеть их во плоти. Джанет нравится, когда ее идеи воплощаются в жизнь.

Рядом Тору пишет что-то в телефоне технической команде, раскиданной по всему земному шару. Джанет подталкивает его, и он быстро оглядывает полукруг людей, собравшихся в центре офиса, кивает и возвращается к телефону. Они давно работают вместе (господи, сколько уже, пятнадцать лет?), и Джанет знает, что такой кивок — это как большой палец вверх. Она знает, что Тору выражает эмоции, особенно хорошие, с головой уходя в работу.

Джанет тянет время, водя пальцем по экрану. Они с Тору основали не одну компанию, и Джанет умеет собрать успешную команду. Знает, что в первые несколько минут всем бывает неловко, но это критически важный момент для будущих отношений.

Всего несколько дней назад они с Тору сидели в этой самой комнате и шерстили профайлы в Системе Распределения. Они преодолели бесчисленные проволочки, убеждая Правительство, что для них прежде всего важна точность. Контроль. Не то чтобы они не доверяли Системе найти качественных кандидатов, просто у них задача совершенно нового типа. Для такого людей еще не подбирали.

Когда Правительство нехотя дало им зеленый свет, Джанет попросила своих разработчиков перепрограммировать Систему Распределения с учетом очень специфических критериев. И уже потом они с Тору выбирали новых сотрудников.

Профайлы кандидатов проецировали на стену, Тору листал, а Джанет терпеливо следила. Первых четверых нашли без проблем. Система выявила их сразу. А вот с последней было сложно. Тору стоял у стены и легким движением запястья отбрасывал многочисленных кандидатов одного за другим.

Щелк, щелк, щелк. Мелькали в ночи лица. Сотни людей возникали и исчезали. Узкий подбородок. Большие глаза. Крупный лоб. Веснушки под неровной челкой. Красные губы, сложившиеся в очень большую, очень печальную улыбку.

Джанет и Тору моргали, усмехались, пожимали плечами, а потом она или он замечали красные пометки сбоку — критерии не совпадают; щелк — и лицо исчезало.

Наконец спустя много часов они нашли пятую, и последнюю кандидатку. Пока Джанет заполняла бланки для Распределения, Тору развлекался с Системой, листая профайлы талантливых выпускников и ворча, что чем жестче Программы, тем однообразнее умы они производят. Молодежь обтачивают, превращая в болванки.

Джанет кивнула, не отрываясь от работы. Она и раньше слышала от него такие тирады, но каждый раз Тору выдавал новые перлы. За это она его и любит — за то, как он мыслит. Как подходит к решению проблем: с умом и нередко с нужной долей бесстрашия. Он не боится пробовать, экспериментировать.

И Джанет тоже не боится. В том числе поэтому им так хорошо работается вместе, поэтому они так успешны. Оба амбициозны и готовы подходить к задачам нешаблонно. Свободно. И именно поэтому так поразились, когда Правительство пригласило их работать на проекте. «Пригласили». Так это называет Тору, но оба понимают, что это было не приглашение, а приказ.

Джанет закончила заполнять бланки, а Тору замолчал. Перестал скроллить лица. Она подняла глаза и увидела, что он разглядывает лицо на стене. Обычное лицо, без макияжа, волосы собраны в низкий пучок. Девушка рассказывала о своей программе, своем исследовании и наградах. Рассказывала с раздражающей уверенностью и самоотверженной наивностью.

Джанет подумала, что Тору хочет на ее примере показать, как Программы делают всех одинаковыми. Но нет. Они дослушали до конца, и напоследок девушка просто сообщила, что она лучшая на курсе. Произнесла это, не моргнув глазом, без улыбки, глядя прямо в камеру.

— Мы же закончили, — сказала Джанет, закрывая свой экран. — Нам больше никто не нужен.

Тору хмыкнул, показывая, что услышал. Но что-то пробудило его любопытство, и он открыл профайл кандидатки. Интеллект, трудовая дисциплина, самоотдача: по качествам оценки высокие. Научно-исследовательские методы, анализ данных, критическое мышление: по навыкам оценки даже выше. Формально она правда была лучше всех, кого они видели.

— Интересно, — сказал Тору, листая ее публикации, рекомендации и поведенческую карту.

— Она не подходит, — возразила Джанет, с облегчением заметив, что Система Распределения выявила у этой кандидатки отсутствие ключевого критерия. И подсветила его красным.

— Верно, — сказал Тору, не отводя взгляда от файлов. — Но по остальным параметрам она превосходит всех. И ей… Похоже, ей скучно. Слышно по голосу. А неудовлетворенные люди…

— Всегда хотят большего.

— Именно. И та роль, которую ты придумала, Джей, великолепная. Но это не для слабонервных, — сказал Тору, все еще копаясь в файлах. — Решать тебе. Я просто рассуждаю вслух. В таких вещах я доверяюсь тебе.

Его телефон зазвонил, Тору ответил, кивнул и вышел, оставив Джанет с изображением кандидатки на стене. Что-то в этой девушке отталкивало. Может, то, что она ни разу не улыбнулась, но ни разу и не нахмурилась. Или то, как уверенно держалась, словно вся ее жизнь уже распланирована. Но Тору прав: по их критериям она превосходит всех. Еще один талантливый исследователь не помешает же?

Кто-то толкает Джанет плечом. Она моргает, перед ней стена, теперь пустая. Тору постукивает пальцем по часам и показывает на стоящих кру-

гом людей. Пора.

Джанет медленно встает, чтобы открыть дверь и впустить в конференц-зал свою новую команду. За секунду до того, как все начнется, она смотрит на них через стекло: они переминаются с ноги на ногу, смеются слишком громко или серьезно молчат. Открывая дверь, она уже чувствует к ним странную привязанность. Желание защитить, но не очень понятно от чего.

Глава 3

— Добро пожаловать в ваш новый дом!

Стоя перед стеклянной стеной конференц-зала, высокая белая женщина широко поводит рукой. Я вспоминаю все, что видела по дороге сюда: разномастные стулья, доски для мозговых штурмов, чьи-то экраны, беспорядочно раскиданные наушники. Позорище, а не офис.

Я откидываюсь на спинку стула, разглядываю женщину и остальных, прикидывая, кто чем занимается и кто насколько важен. Очевидно, люди во главе длинного стола друг друга знают — судя по тому, как они переговариваются или спокойно сидят молча.

Еще пятеро — новички, как и я. Ерзают на стульях, озираются исподтишка. Напротив мужчина в костюме кивает после каждого слова. Рядом с ним женщина в больших очках в проволочной оправе. Красивые длинные черные косы, руки скрещены на груди.

Еще долговязый прыщавый парень, шумная девушка, которая пронзительно хохочет, хотя нет ничего смешного, и еще одна, с зелеными кошачьими глазами. Она смотрит на меня, я на нее,

ни одна из нас не хочет первой отвести взгляд.

— Мы так рады, что вы все здесь! — продолжает женщина во главе стола. Странная, похожа на птицу. Улыбается, не разжимая губ.

— Я Джанет, а это Тору.

Тонкие золотые браслеты скользят по запястьям, когда она указывает на мужчину-азиата рядом с собой — тот быстро кивает, не поднимая глаз.

Его черные волосы топорщатся, как иглы у дикобраза. Он яростно тапает по экрану, как будто у него нет времени на всю эту приветственную чушь. Он уже нравится мне больше всех остальных.

— У нас впереди много работы. Вы все уже подписали соглашение, и теперь нам с Тору не терпится с головой погрузиться в наш проект.

Соглашение? Какое соглашение? Перебираю в памяти файлы, пытаясь понять, когда и что я подписала.

Последние трое суток как в тумане. Вот я в ярком свете ламп в ледяной лаборатории анализирую последний набор данных. Вот хожу кругами, дожидаясь Распределения. Вот смотрю, как оно вспыхивает на экране.

Дальше воспоминания превращаются в кашу

из четких кадров и черных дыр. Молния на чемодане. Одинокое облако в небе над общежитием, когда я ухожу, не прощаясь. Родители, Грег и Синди, босиком сидят за деревянным кухонным столом в доме, где я росла, а я собираю вещи. Ем гамбургер в самолете и не чувствую вкуса.

Но среди хаотичных воспоминаний в закоулках сознания я нахожу то самое. Под ложечкой тянет, когда оно встает на место. Я в лаборатории, пытаюсь остановить это все. Нелепые блестящие слова — название компании, о которой я никогда не слышала, в городе, куда никто не хочет ехать. Компания без репутации, без узнаваемого бренда, без успешных кейсов.

Я просто хотела убрать это Распределение с глаз долой, избавиться от него, сделать так, чтобы эти чудовищные безрадостные искры не стекали по экрану снова и снова.

Воспоминание становится четче. Вот я, потрясенная, тычу в экран, подписывая соглашение, лишь бы все это пропало с глаз долой.

Да и какой у меня был выбор?

Женщина по имени Джанет все говорит и говорит. Судя по ее монологу, мы будем разрабатывать искусственный интеллект, который должен выполнять функции друга. Она объясня-

ет медленно, будто осторожно подбирая слова, словно делится с нами секретом. Цель — создать нечто настолько реальное, настолько естественное, чтобы его было не отличить от человека.

— Но опять же, что сегодня реальное, а что подделка? — смеется Джанет. — Вот такие вопросы вам придется задавать.

Ее губы шевелятся, а у меня в голове, пробиваясь сквозь туман, роятся другие вопросы.

Кто эти люди? Они из других Программ? Почему штаб-квартира — в городе-призраке? Какое у нас финансирование? Какие стратегии выбраны для обучающих технологий? Зачем создавать еще один ИИ, когда их и так слишком много? Даже в этом безнадежном Распределении часть меня все еще силится понять, разобраться, помочь.

В Программе вопросы считались моей сильной стороной. Маша всегда поощрял меня спрашивать. Один вопрос может запустить годы исследований, привести к открытию. Распахнуть новые горизонты и породить новые идеи, говорил он. И куда в итоге привели меня вопросы?

— У нас есть прототип. — Джанет сияет напомаженной улыбкой. — Но работы еще много. Мы рассчитываем на всех вас — наших консультантов в области человечности. Вы поможете

направлять и развивать когнитивные навыки и человечность нашего продукта.

Консультанты в области человечности? Я бы предпочла миллион других занятий где-нибудь не здесь. Джанет все говорит, на разные лады повторяя одно и то же. Видимо, хотела бы рассказать больше, но не может. Что-то в ней вызывает подозрение. Что-то в ее обаянии и живости кажется фальшивым. Отрепетированным и пустым.

— Ее зовут Вики, — вставляет Тору.

Голос его громче, взволнованнее, энергичнее, чем я ожидала. Все это время Тору молчал, словно поглощенный другими делами.

— Верно, Вики. — Джанет улыбается так, словно делится тайной. — По крайней мере, мы так ее называем.

Вики. Какое странное имя. Я вспоминаю все, что мне о нем известно: женское, не самое популярное в рейтинге имен. Означает «победа» или «триумф».

В голове порхают образы, оставшиеся от прошлых исследований. Женщина в фиолетовых очках. Рыжая. Сумасшедшая тетушка. Соседка по комнате, в носках с лягушками. Возможно, учительница химии в старшей школе. Или звукорежиссер, записывает звуковые эффекты для

рекламы пиццы.

«Ее зовут Вики», — гордо сообщили они, как будто это что-то выдающееся — назвать искусственный интеллект в честь того, кого я вроде знаю, но никогда не встречала.

Я была права. Двое сотрудников в первом ряду, сидящие ближе всех к Тору и Джанет, здесь уже несколько месяцев. Они покажут нам офис. Назвались Тед и Никита — руководители отдела отношений, что бы это ни значило.

Я несколько раз повторяю их имена, чтобы потом разузнать, откуда они и чего добились. Тед крупный и похож на мальчишку, у него глуповатая улыбка и ярко-голубые глаза. Никита — крошка рядом с ним, у нее длинные хрупкие руки и длинные красные ногти. Они показывают нам кухню, туалет, кладовку, дартс и холодильник, забитый крафтовым пивом.

— Серьезно?! — переспрашивает девушка с пронзительным голосом.

И смеется в той же октаве. Поверить не может, что бывает отдельный кулер для собак. И что чашки меняют цвет в зависимости от настроения. И что на каждом столе есть зарядные станции. И что у нас вообще есть столы. Серьезно?!

Тед и Никита объясняют, что свободные столы

— это для совершенно потрясающей технической команды, ребята из нее иногда заходят в офис, но в основном работают удаленно. Мы тоже можем работать из дома, когда захотим. Почти все отделы работают из дома в понедельник, вторник и пятницу. Все отмечают это в телефонах, и я тоже.

Отработав ориентацию новичков, Тед и Никита садятся на звонки. Говорят, что проведут на звонках целый день, устанавливая связи. Какие связи? С кем? Почему они все так темнят? Я хочу расспросить, но не хочу привлекать внимание. Нужно слиться с толпой, пока не придумаю, как сбежать.

Вслед за другими консультантами в области человечности иду к рабочему месту: ряд из шести столов, на каждом стопка новеньких принадлежностей. Краем глаза наблюдаю за всеми, радуясь, что я позади всех. Высокий долговязый парень все время потеет. Женщина в очках в проволочной оправе ничего не трогает, руки все так же сложены на груди. Финансист и Пронзительная Хохотушка флиртуют по дороге на кухню.

— Видишь чипсы? — говорит он, кивая на стену из пачек. — На прошлой работе я собрал целое портфолио о корреляции количества соли с продажами.

— Серьезно?! — отвечает она и смеется в этом своем почти восхитительно высоком регистре.

Я беру со стола новые вещи и верчу в руках. Экран. Адаптер. Какой-то энергетический батончик. Термостойкая футболка с цветочным запахом. Глядя на эту футболку, невольно вспоминаю Грега. На всех его вещах логотипы компаний: на карманах, на спине, вдоль рукавов. В детстве я думала, что он носит их из гордости, как сувениры с любимой работы.

Но, становясь старше, я все чаще спрашивала Грега о работе, а он просто отмахивался: ну, работа. Странно. Зачем бросать меня одну, чтобы я ужинала едой из доставки, а самому сидеть в офисе наверху и копаться в электронных письмах? Зачем тратить столько времени на то, от чего чувствуешь себя бесполезным? На то, что и правда бесполезно?

Синди была такой же. Они оба работали координаторами проектов, и их постоянно донимали звонками, звали на встречи, заставляли в последний момент завершать проекты для боссов, которых они презирали. Родители прыгали между компаниями и должностями в поисках чего-нибудь получше, — по крайней мере, так мне казалось. Они старались заработать, но, даже

когда появились деньги, хороший дом, хорошая одежда, они как будто не радовались. Им как будто нравилось болтаться между стрессом и скукой, спуская время в черную дыру, а не заниматься чем-то по-настоящему важным.

Я беру футболку со стола, от нее пахнет цветами. Кошачий Глаз следит за мной, поэтому я притворно зеваю и сую футболку в сумку, на случай, если уже вечером смогу отсюда выбраться.

А дальше старательно делаю вид, что остаюсь, беру новый рабочий экран, вынимаю его из коробки осторожно, чтобы не встряхнуть.

При первой же возможности я ухожу. На улице, отойдя на несколько кварталов, встаю в тени дверного проема и прикидываю варианты. Теперь, когда я здесь, когда увидела офис, посмотрела на людей, я понимаю, что Распределение настоящее. Не ошибка. Не сбой. Я за тысячи миль оттуда, где должна быть, и с этим нужно что-то делать.

С хрустом разминаю шею и пытаюсь сосредоточиться. Можно прямо сейчас поехать в аэропорт. Сесть на первый же рейс в Миннеаполис, вернуться в Программу и все объяснить. Но если я уеду без спроса, то нарушу соглашение, так?

Я слышала истории о тех, кто дезертировал до

окончания положенного года, — их пересказывали шепотом. Дезертиров полностью исключали из Системы Распределения, и они потом с трудом находили работу. Хуже того, они полностью теряли репутацию.

С хрустом разминаю пальцы и говорю себе: «Думай». Нельзя нарушить условия Распределения. Я никогда в жизни не нарушала правила. К тому же мне нравятся правительственные программы и системы. Они никогда меня не подводили.

«До сих пор», — возникает голос в голове. Мелкая, бесполезная мыслишечка.

Я ее отбрасываю. Что-то же можно сделать, чтобы выбраться отсюда и вернуться на правильный путь. Не для того я впахивала, чтобы пропасть в городском подбрюшье, в компании, на которую всем плевать.

Мимо проносится машина, за ней еще одна. Что, если позвонить Маше? Наверняка он уже видел результаты Распределения и тоже сбит с толку. Он подскажет, что делать. Достаю телефон, начинаю набирать его имя, но тут же стираю, и жар разливается по лицу. Что я делаю? Я выпустилась лучшей на курсе. Последние несколько семестров я преподавала методы критического мышления первокурсникам, и вот она я — совсем

ошалела. Паникую, не имея полной информации. Нельзя просто позвонить Маше и попросить о помощи, сначала нужно собрать данные. Все, что найду об этой компании.

Полная решимости, открываю поисковик и начинаю искать их слабые места. Ввожу название компании, но нахожу только бесконечные страницы неведомых чайных брендов, велотуров и барбершопов. Добавляю к названию компании «Тору» и «Джанет» — ничего. Неужели компания правда настолько мелкая, что даже не засветилась в «Поиске»?

Воздух прохладный, после дождя пахнет землей. Прислонившись к холодной, в трещинах стене, я ввожу запрос за запросом.

Нужно понять, во что я вляпалась. Куда я попала? Копаю глубже, ищу Теда и Никиту, для более конкретных результатов загружаю сделанные украдкой фотографии. Поисковик замирает, а затем показывает парней, похожих на Теда, но это не Тед. Девушек, похожих на Никиту, но в школе красоты в Норвегии.

Загружаю свой приветственный пакет, адрес офиса — по-прежнему ничего. Что происходит? Я получала лучшие результаты и с худшими данными. Чем больше я копаю, тем более жалкой

себя чувствую. Компания выглядит маленькой и незначительной, как муха. Даже отличный сотрудник здесь пропадет, забытый, похороненный.

Честно? Такая возможность никогда не исключалась: Распределение в какую-нибудь жуткую дыру. Но шансов было так мало. Есть же закономерности. Прецеденты. Ожидания! Студенты вроде меня получают определенные должности. Нас к этому готовят. Говорят, что́ нужно сделать, чтобы Система распределила нас в лучшую компанию. Это необязательно жульничество, просто надо знать, как работает Система, и планировать соответственно.

Я делала все, что мне говорили. У меня были самые высокие баллы на тестах, больше всего курсов, я прошла все дополнительные тренинги. До меня все выпускники с такими же достижениями попали в компании Большой пятерки, в солидные места с ресурсами и весом. В команды с умнейшими людьми, влияющими на мир. Я должна была однажды возглавить такую команду. Преподаватели говорили, что так и случится, если я буду впахивать. Я достаточно впахивала? Может, надо было больше?

Зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, заме-

чаю, что рукав пальто намок. Пошел дождь. С неба падают капельки, скользят по стене и двери какого-то случайного дома, где я стою наполовину под крышей, наполовину на улице. Открываю «Карты», и они показывают маршрут к дому, на север через небольшой парк. Я и не сообразила, что это так близко, — можно было дойти пешком. Мне в любом случае нужен свежий воздух, движение, надо дать мозгу подышать.

По дороге впервые замечаю, как жутко выглядит город. Здания скрываются в тумане. Мимо идут силуэты, плывут по тротуару, как призраки. До чего стыдно здесь оказаться. Я слышала, что почти все уехали из Нью-Йорка много лет назад, когда началось наводнение. Стараюсь не думать об этом, шагаю прямо на голубя, и он до последнего даже не думает улетать. Холодные капли падают гуще, бьют по щекам, по рукам.

В сознание проникает маленькая, совсем крошечная мысль и тяжко разрастается: а что, если выхода нет, потому что мне следует быть именно здесь?

Холод бежит по загривку.

А что, если со мной все не так хорошо, как я всегда думала? Что, если Маша и остальные преподаватели всегда знали, что я безнадежна?

Жалели меня? Я была для них экспериментом? Шуткой?

Нет. Не может этого быть. Меня бы не взяли в Программу.

Все это просто сводит с ума. Неопрятный офис, знакомство, мои коллеги, которые, похоже, *радовались*, что там оказались. Все сбивает с толку. Просто нужно дышать. Продолжать двигаться.

Сосредотачиваюсь на тротуаре, чтобы прочистить мозги, и замечаю, что он мокрый. Возле бордюра кто-то написал пальцем на асфальте, пока тот еще не застыл: «Я здесь был».

Вот. Единственное, что я знаю об этом городе, — здесь я быть не хочу.

«Расскажи про Нью-Йорк», — говорю лежащему в кармане телефону под статику дождя, умолкающую на тротуаре. Из кармана доносится:

Нью-Йорк состоит из пяти районов. Город расположен на месте впадения реки Гудзон в Атлантический океан.

На Манхэттене пустой болтовне конец, там правит стритфуд, а незнакомцы добры, но не любезны.

Про этот город, знаешь ли, болтают всякую чушь, но никто ничего толком не знает. Открою тебе всю правду, и правда в том, что на Уэйверли-

плейс дьявольски вкусные печенья с шоколадной крошкой, если знать, где искать.

В Нью-Йорке есть все, о чем только можно мечтать, и все, что можно ненавидеть.

Вечно изменчивая Мекка с замашками божества.

Нью-Йорк — подходящее место, чтобы целоваться с незнакомцами в темных углах, и оступаться, и смотреть, как оступаются другие, и ловить свое отражение в брошенном зеркальце на мостовой, и понять: вот она, жизнь.

Впереди вырастает мой новый дом, темно-серый, как небо над ним и улица внизу. Становится ли мостовая древнего города тверже от миллионов ног, что прошли по ней? Возможно ли, что слишком много кофе на голодный желудок усиливает склонность сомневаться? Капли падают не одновременно, но почему все равно кажется, что они бьют по тебе все разом?

Носки промокли и противно натирают. Поднимаюсь на крыльцо и прижимаю палец к датчику. Дверь распахивается, я в коридоре, и подошвы пульсируют, потому что сегодня я прошла гораздо больше, чем за все последнее время. Смотрю в «Карты» и вижу: маленькая синяя точка благополучно достигла заданной цели.

Глава 4

Я узнала о Программе, когда мне было тринадцать. Мы только переехали в Миннеаполис, по непонятным мне причинам. Синди и Грег постоянно переезжали, когда я была маленькая: выбирали новые места в надежде оживить монотонные дни.

Но Миннеаполис их вроде бы устроил. Их притягивали бесчисленные перспективы Среднего Запада, шанс сделать что-нибудь со своей жизнью, хотя я ни разу не видела, чтобы они этим шансом воспользовались. Наверное, им нравилось думать, что они могут, если захотят, стать людьми, которые ходят на званые ужины, прогуливаются после бокала вина, заглядывают в музеи просто для удовольствия. Мне тоже хотелось, чтобы они были такими людьми, а не такими, кто только хочет ими быть.

Поняв, что мы там задержимся, я записалась в беговую команду. Мне нравилось проверять, как далеко я смогу убежать после школы, на сколько хватит легких. В этом, казалось мне, было что-то стоическое. Интересно наблюдать за телом на пороге коллапса, и каким властным, каким же-

стоким может быть разум. Мы бегали по стадиону после уроков, потом все расходились по домам, а я продолжала бегать.

Однажды я забежала дальше, чем обычно, и остановилась на мосту возле огромного кампуса с высокими серебристыми зданиями. Я пыталась отдышаться и смотрела, как по кампусу ходят люди в черном. Целеустремленно, расправив плечи и высоко подняв голову. Шагают быстро, увлеченные разговором. Не знаю, как объяснить, но даже издалека я ощутила разницу. Даже с моста почувствовала их энергию.

Я бегом вернулась домой и принялась искать информацию. Руки и ноги едва шевелились от усталости, но я все читала и читала. Оказалось, это Исследовательская Программа мирового уровня. Я прочитала про миссию, классы, преподавателей, проекты и награды. Посмотрела видео про студентов, которые проводили новаторские исследования и создавали реальность, в которой все остальные просто существовали.

Студенты и преподаватели говорили с такой страстью, какую я мало у каких взрослых видела. Как будто им разрешили проявлять любопытство и задавать вопросы. Позволили творить. Сама того не подозревая, именно это я искала.

Узнав об этой Программе, я уже не хотела ни в какую другую. Чем больше я читала, тем отчетливее понимала: я сделаю все, что в моих силах, чтобы меня приняли.

Так, хватит!

Спрыгиваю с кровати в новой незнакомой комнате. Кровь отливает от головы, и стены кружатся. Слишком быстро встала, но воспоминания навели на мысль о том, откуда я пришла, о том, что у меня есть прошлое, а значит, если запустить поиск по своему имени, я найду какие-нибудь новости, хотя бы объявление из Программы — куда распределили нашу когорту и чем мы занимаемся.

Дальше я смогу отследить свой путь до этой компании, а от компании — к другим сотрудникам. Когда все разузнаю, у меня будет больше контекста, больше ответов. Я выясню, чем мы тут на самом деле заняты и кто такие Джанет и Тору.

Вбиваю свое имя, ожидая увидеть исследования, где я была соавтором, конкурсы, которые выиграла, фотки из моего профайла и с того ужасного забега (я хотела попросить, чтобы их удалили), объявление о Распределении, но ничего подобного. Вбиваю свое имя снова и снова. Но, если верить «Поиску», меня никогда не су-

ществовало.

* * *

На следующий день календарь напоминает, что я работаю из дома, хотя все еще понятия не имею, что именно предстоит делать. Когда Вероника клац-клац-клацает каблуками по коридору и выходит из квартиры, я беспрепятственно перебираюсь в маленькую кухню-гостиную и приступаю к обустройству рабочего места. Смахнуть крошки с шаткого белого стола, поставить посередине экран. Финальный штрих — положить рядом и тщательно выровнять телефон.

И что теперь? Несколько раз обхожу квартиру. Я не привыкла к праздности. Можно ли так и застрять? Никогда ничего не делать? Где разница между чем-то и ничем? Или это всего лишь субъективное мнение?

Свалиться в черную дыру экзистенциальных размышлений я не успеваю, потому что на экране появляется сообщение от некоего Криса. Я навожу курсор на имя и выясняю, что он глава отдела данных. И вероятно, мой босс.

Сообщение Криса сбивает с толку. Проглядываю текст, встаю, открываю все шкафчики на кухне и обозреваю груды чашек, мисок и столовых при-

боров. Не хочу, чтобы меня заинтересовало это странное сообщение от этого странного человека. Но любопытство же не всегда вопрос долга? Каждым хорошим исследователем движет глубинное любопытство, правда же? Закрываю шкафчики, сажусь за стол, наклоняюсь ближе и снова читаю сообщение.

Если подумать, человек — это совокупность переживаний. Каждый день нас формируют те, кого мы встречаем, то, что видим, слышим, принятые нами решения и так далее.

Поскольку наша цель — сделать Вики другом, ИИ должен понимать все виды человеческого опыта и сопереживать им. По сути, он должен стать похожим на человека.

Вот тут-то и понадобишься ты. Я буду поручать тебе собирать данные и опыт для определенных категорий. Ты будешь загружать результаты своего ресерча в программу данных, а она потом преобразует их в подходящий для Вики формат.

Обрати внимание, что на время проекта твоя личная информация была заархивирована. Как только мы завершим работу, все восстановится как было.

Неудивительно, что мои запросы не принесли результатов. Пожалуй, есть смысл избавиться от предвзятости, не смешивать наши данные и те, что мы собираем. Я чувствую толику уважения к этому Крису, хотя ему не мешало бы научиться лаконичности.

Дочитываю, закрываю письмо, и тут автоматически загружается программа данных, перенаправляя меня на страницу с черными квадратами. В лаборатории мы использовали похожую программу, так что интерфейс знакомый. Судя по всему, тут можно добавлять ссылки, сортировать комментарии, выделять и отмечать важные аспекты. Можно загружать изображения, видео и записи, а мой телефон синхронизируется автоматически.

Когда я печатаю в одном из полей, буквы появляются фиолетовые, а не белые. Прекрасный, насыщенный аметистовый цвет.

Играюсь с программой данных, и вроде бы я уже все освоила, но тут жму на какую-то кнопку, которая запускает оповещение безопасности, и экран вопит: Тревога! Тревога! Тревога рифмуется с дорога! Не пей прокисшего грога! У меня нет рога, потому что я тревога!

С подоконника срывается птица. Я быстро вы-

хожу из программы данных, запомнив эту кнопку на будущее.

* * *

«Представь, что каждый проект — это человек», — сказал мне однажды Маша, пока мы смотрели, как в комнате наблюдения ребенок разговаривает с роботизированной мышью.

Великолепная комната, моя любимая. Ее можно было настроить так, чтобы она воспроизводила любой интерьер, и, что лучше всего, можно было наблюдать сквозь стены.

Для того исследования я настроила комнату наблюдения так, чтобы дети попали в приятную, знакомую обстановку детского сада. Мы изучали, как влияет игра на их развитие, и мыши были запрограммированы взаимодействовать с объектом больше или меньше, в зависимости от тестовой группы.

Я хорошо помню тот проект, потому что Маша впервые позволил мне вести и именно тогда преподал мне важнейший урок о том, как быть исследователем. Я делала записи, когда он возник рядом и стал разглядывать ребенка в комнате. Посмотрел на мальчика и мышь, потом на мои записи. На мальчика, на записи, на мышь, на

записи.

— В чем смысл этого исследования? — спросил он, и я дословно повторила то, что мы написали в заявке.

— Нет. — Он покачал головой. — Мысли шире, Ли. Какова причина этого исследования? Почему это важно?

Помню, как сильно мне хотелось ответить правильно, но я не знала, что сказать. После долгой паузы он повернулся к комнате с ребенком:

— Когда смотришь на мальчика, не видишь его руку или нос. Видишь мальчика, который хочет играть. Любое исследование больше, чем просто сумма его частей. У любого проекта есть своя причина для существования, так же как у этого мальчика. Как у тебя и меня.

Маша говорил медленно, и я ловила каждое слово, не отрываясь смотрела на его профиль, наблюдала, как ледяные голубые глаза следят за ребенком.

— Глядя на эту комнату, не ищи данные для публикации. Не делай заметки ради заметок. Учись относиться к проекту как к человеку. Узнай, чего проект хочет, зачем существует, ищи истинные причины его появления — и тогда найдешь лучший способ его реализовать.

И вот я разглядываю старомодную эклектичную квартиру. Потертый зеленый диван. Громоздкие шкафы. Несмотря ни на что, стараюсь сосредоточиться. Если я смогу отнестись к проекту «Вики» как к человеку, возможно, примирюсь с Распределением. Если разберусь, что стоит за этим квестом с искусственным другом, может, мне удастся решить задачу быстрее и выбраться отсюда.

Проблема в том, что я поверить не могу, что ИИ типа Вики еще не создан.

Должно же быть что-то подобное; я точно с чем-то таким уже сталкивалась. Запускаю поиск и нахожу сотни ИИ в разных отраслях, для разных целей и услуг, но выясняется, что ни один из них не смог стать настоящим другом. Кажется, я вот-вот пойму. Пойму, для чего мы здесь, *зачем* все это.

Проект «Вики» хочет запуститься и работать, это само собой, но должна быть более глубинная причина. Я знаю, чувствую, но никак не ухвачу суть.

Снимаю наушники и разминаю спину, так что позвонки щелкают, нарушая тишину и напоминая, как тут тихо. Над холодильником на стене маленькая черная точка. Вероника вчера при-

несла домой звуковой поглотитель. Наверное, ей нужно тестировать новые продукты, чтобы потом их предлагать.

Поглотитель не больше моей ладони, высасывает из комнаты внешний шум, чтобы мы не слышали гудки, грузовики и разговоры прохожих. Вероника говорит, это здорово, потому что, когда она смотрит телевизор, они ей мешают. К тому же ее нервируют «скорые», объяснила она, с усилием мышц прилепляя девайс на стену.

Раньше мне нравилась тишина, но в этой квартире она тяжелая. С этой штукой на стене слышно только отсутствие. Звенящая пустота, где есть только я и воздух.

Поворачиваюсь к экрану, чтобы выяснить, зачем понадобилось создавать искусственного друга, и тут всплывает сообщение.

крис [10:00]
доброе утро, ли
как прошли выходные?
ли [10:00]
хорошо
а у тебя?
крис [10:01]
круто, круто
были на концерте в Бодеге

новая точка прямо под магазином на Линдене
годная
барабанные перепонки чуть не лопнули,
но в хорошем смысле
ли [10:02]
круто
крис [10:03]
любишь панк-рок?
ли [10:03]
конечно
крис [10:04]
тогда послушай вот это
скажи как тебе
[Spritzy.m43]
ли [10:04]
ок

Ссылка нетерпеливо ерзает на экране, я жму на нее, с экрана выплескивается шум. Вопли, звон, грохот, барабаны. Эхо разносится по квартирке, и я быстро выключаю звук, сижу пару секунд, потом включаю снова — а вдруг это какой-то тест и Крис видит, дослушала я до конца или нет. Истошно воет какофония. Вот так мы теперь получаем задания?

Когда песня наконец-то стихает до сердитого шепота, пишу Крису.

ли [10:06]
вполне себе
крис [10:06]
норм??
в следующий раз тогда идем с нами
ли [10:07]
отлично
крис [10:08]
кул кул отлично
значит, первая категория «коммуникация»
не просто данные о том, как люди разговаривают
но где, почему, когда…
всё вообще
вопросы?
ли [10:08]
нет
отлично

В программе данных мне назначен новый раздел — «Коммуникация». Белый курсор Криса мигает пару раз и пропадает, оставляя меня наедине с пустой черной ячейкой, которая так и ждет, чтобы ее наполнили.

Расширяю экран вверх и в стороны, чтобы он был вокруг меня. Заныриваю, открывая разнообразные базы данных, с которыми работала

раньше. В каждой вбиваю: «как люди коммуницируют». Тут же загружается тысяча ссылок. Как сказать что-то не словами, а фырканьем. Как стать человеком, которому люди хотят доверить свои тайны. Как подбодрить собеседника. Как давать и принимать советы.

Каждый запрос ведет к следующему. Так приятно и успокоительно рыться в архивах, базах данных и порталах — точно снова глубоко вдохнуть после нескольких дней без воздуха. Этому меня учили, и кажется, что только это и важно. Собираю все доступные данные. Забываю про обед. Забываю, где я. Проходят часы, и снаружи, укутывая город в тусклый бархатный свет, наступает вечер.

Уже поздно, но я ни капельки не устала. Спустя часы парсинга я бодра. Но есть что-то еще — знакомое беспокойство.

Иду к себе в комнату, отыскиваю беговые кроссовки, натягиваю. В Программе у нас был фитнес по расписанию и чудесный зал с тренажерами. Я годами не бегала на улице, в последний раз — когда жила с Синди и Грегом.

Начав бежать, я могу продолжать вечно. Мне хорошо и свободно. Оказывается, я скучала по этим ощущениям: словно сухой картон в горле,

когда телу не хватает кислорода, каждый шаг глухо отзывается в суставах. Я забыла, как освежает недостаток воздуха.

Проношусь по районам, где никогда не бывала, и в нескольких милях от дома замечаю, что здания здесь совсем другие. Из ржавого металла, сияющего алюминия или крошащегося камня. Высокие и узкие, приплюснутые и широкие. У одного на остроконечной крыше присела статуя дряхлого ангела с раскинутыми крыльями. Столько лет жить в одном месте — теперь каждая деталь дарит ощущение новизны. Обращает на себя внимание.

В квартире на другой стороне улицы включается свет — там кто-то ходит туда-сюда. Вспоминаю, как впервые увидела Машу во плоти. В первую неделю в Программе я гуляла поздно вечером по кампусу, чтобы освоиться, завернула за угол в пустом крыле и увидела силуэт в конце коридора за стеклянной дверью. Кто-то работал за полночь — стоял перед экраном, увлеченно передвигал на нем объекты.

Маша. Человек, у которого столько идей и так мало времени их воплощать. Прославленный ученый-бихевиорист — в том числе из-за него люди и стремились попасть в эту Программу. В

его лаборатории не только учились — это был полноценный исследовательский центр. Его работы не пылились в архивах — они очевидно влияли на жизнь людей.

Помню, как читала, что одно из его ранних исследований мимимишности трансформировало систему образования для маленьких детей. Маша выяснил, что способность детей фокусироваться увеличивается с высвобождением в мозгу химических веществ, которые образуются при виде щеночка или котика в смокинге.

Помню, как читала его исследования про серотонин и норадреналин, о том, что движение в определенных интервалах гормональных циклов может уменьшить печаль и чувство потери. Его применили в программе фитнеса: разработали упражнения для людей с диагностированной депрессией. И это помогло миллионам.

Конечно, о Машиных работах я знала все еще до поступления в Программу. И знала, что только избранные попадают в его лабораторию, в основном на старших курсах. Но через три недели после поступления все преподаватели представили списки, и в Машином было четверо шестикурсников, один пятикурсник и я. Единственный первогодок на стажировке у Маши за

всю историю программы.

Я бегу, и подошвы стучат по мостовой, задавая ритм мыслям. Поворачиваю за угол и пролетаю мимо темных магазинов: ставни опущены и заперты. Сонно мигают пара неоновых вывесок.

Скучаю ли я по Маше?

Разумеется, нет.

Я знала, что после выпуска все изменится. У него появятся новые студенты и новые эксперименты, уже без меня. А у меня будет мое Распределение.

И все же он везде мне мерещится: его жилистые руки в тусклом, сыром свете подземки по утрам, его высокая фигура в уличной толпе после работы.

Однажды я услышала раскатистый смех (только он так смеется); сердце екнуло, я оглянулась и увидела низкого, полного мужчину, смеющегося в гарнитуру телефона. Ничего общего не было у него с Машей, которого серебристые волосы и точеные нордические черты молодили, хотя ему было уже сильно за шестьдесят. Разум меня подводит.

«Проблема, — думаю я, перепрыгивая трещину на асфальте, — в том, что я в фазе адаптации. Фронтальная кора работает с перегрузками и

жаждет видеть знакомое, а не эти чужие, разбитые тротуары».

Я просто привыкла к лаборатории и к тому, что Маша всегда рядом и с ним можно обсудить идеи, особенно если я застряла с проектом. Он первый внушил мне, что мои вопросы имеют значение, первый, кто принял всерьез мою любознательность. И он был так не похож на Синди и Грега, уставших от всего.

Мерцают уличные фонари, освещая ямы на дороге, сорняки на тротуаре, жестянку от газировки с вытекающим нутром, промасленную коробку от пиццы, полуоткрытую, с двумя недоеденными кусками.

Нет, я не скучаю по Маше. Если уж на то пошло, я скучаю по себе в Программе.

Мне не хватает точного понимания, что делать, куда идти. Мы провели много времени вместе, но вся суть наставника в том, чтобы научить ученика справляться в одиночку.

Но я-то ведь не справляюсь, да? Я отношусь к этой работе не так, как меня учили. Я сидела и ждала у моря погоды. А Маша всегда говорил, что можно выбрать, как относиться к миру.

Подошвы стучат по тротуару все быстрее, быстрее, быстрее. Я прошу «Карты» отвести ме-

ня домой, они командуют, где свернуть налево или направо, и я бегу наперегонки с расчетным временем. Кирпичи, цветочные ящики, битое стекло, сверкающее в лунном свете, проносятся передо мной кинокадрами.

У меня есть выбор.

И если то, что я читаю, правда и никто, включая компании Большой пятерки, не смог еще создать ИИ, способный быть другом, я могу сделать нечто революционное. Представить только, что обо мне скажут, если я вытяну такое дело в этой странной, безнадежной, мелкой компании.

Легкие горят, и я работаю руками, ускоряясь к финишу. До меня наконец-то дошло. Теперь я знаю, что делать. Раз уж я застряла в этом Распределении, пусть оно работает на меня. Я сделаю так, чтобы год того стоил. И когда он закончится, меня уже не смогут не взять в Большую пятерку.

Ноги несут меня вперед. Быстрее, быстрее, быстрее. Отчаянно пытаясь вдохнуть, представляю, как Маша улыбается и одобрительно кивает.

* * *

Быстро выясняется, что Вероника из тех, кто не может не шуметь. Даже если никого больше нет рядом. Иногда я слышу из своей комнаты, как

она на кухне роняет блеск для губ и он катится по полу, как она швыряет сумку на стол, открывает кран на полную мощность, так что вода грохочет о раковину, и все это усиливается в вопиющей тишине, созданной звуковым поглотителем. Как будто Вероника боится остаться наедине с собой, поэтому постоянно шумит.

Когда мы сталкиваемся на кухне или в ванной, она спрашивает, как прошел мой день, и я не совсем понимаю, что ответить, поэтому говорю, что все было хорошо, и пытаюсь ускользнуть. Но про свой день она рассказывает мне в подробностях. Так я узнаю, что Система назначила Веронику сюда за несколько недель до меня. Что она окончила программу в Чарльстоне, специализировалась на продажах и, похоже, довольна своим Распределением. Я стараюсь быть любезной и не тратить ее время, но она, кажется, добивается обратного.

Сегодня, когда Вероника возвращается домой, я работаю за шатким белым столом в кухне-гостиной, но она не обращает внимания. Начинает рассказывать, едва шагнув на порог, что Джаред, или «симпатичный парень из бухгалтерии», как его знают почти все ее друзья, дважды прошел мимо ее стола, хотя мог бы не проходить.

— И прикинь, — говорит она, разбрасывая по

квартире сумку, пальто и обувь, — вчера моя школьная подруга сделала каминг-аут, и ее отец, который типа суперкатолик, не хочет с ней разговаривать.

Когда ты с головой погружен в исследование и вдруг кто-то громко к тебе обращается, это выбивает из колеи. В лаборатории такого не случалось. Там ценят продуктивность и сосредоточенность, они священны.

— В смысле, такая жуть, — говорит она, опираясь на столешницу и морща лоб от волнения. — Каждый должен иметь возможность любить кого захочет, да? И делать что захочет. Но папу мне жалко тоже, ему ведь заморочили голову, вроде как запрограммировали паршивыми идеями. Не знаю. Вообще не знаю, что говорю.

Смотрю на экран, потом на Веронику, опять на экран. Пока она чешет языком, вернуться к работе без шансов, но я не знаю, что ответить. Перебираю в уме все, что знаю о католицизме, гендере и отношениях, пытаясь понять, что тут может пригодиться. Ничего.

— Просто дикая ситуация и всем фигово, — продолжает Вероника и как-то странно шевелит щеками: надувает их и выпускает воздух обратно. — Особенно ей, конечно. Не могу представить,

чтобы мой папа перестал меня любить из-за того, с кем я встречаюсь. В смысле, мы с папой даже не особо дружим. Не то чтобы я звонила ему и рассказывала все подряд. Он помогает мне с собеседованиями, такие у нас отношения, хорошие, но он не то чтобы мой лучший друг, да? И мне не нравятся девушки, так что кто я такая? Я не разбираюсь. То есть мне нравятся девушки, но ты меня поняла. Они мне не *нравятся.*

Я правда не понимаю, зачем она мне все это рассказывает. Это же вроде ее личное дело. Лучше бы она не засыпала меня вопросами и не рассчитывала на ответы. Любой хороший исследователь знает, что ответы требуют времени; требуют изысканий и обработки.

Может, если я подышу свежим воздухом, удастся подумать и найти для нее адекватный вариант. Я медленно встаю и снимаю пальто со спинки стула, просовываю в рукава руки — сначала одну, потом другую.

— Ну вот что мне делать? — говорит она, всплеснув руками. — У нее в жизни полный бардак, а я тут просто сижу, телик собираюсь смотреть.

Подмышки взмокли, и я вспоминаю, что не пользовалась сегодня дезодорантом. Если я не выйду на холод в ближайшие две минуты, то вся

взопрею. Я по чуть-чуть продвигаюсь к двери, придумывая, как сбежать, и внезапно ответ находится. Сегодня утром я прочитала кое-что на тему коммуникации. Люди пишут друг другу сообщения, чтобы поддержать в трудной ситуации.

— Может, просто написать ей, — выпаливаю я.

Вероника на мгновение задумывается.

— И что я напишу? «Приветик, я слыхала, тебе нравятся женщины и твой отец теперь тебя ненавидит, надеюсь, ты в порядке?»

Она достает из шкафа чашку и бухает ее на столешницу с бездумной резкостью. Я смотрю на нее. Внутри черепа тучей набухает мигрень. Я совсем не это имела в виду. Засада какая-то. Тянусь к дверной ручке, и тут Вероника выдыхает, как паровоз, и улыбается, отчего на одной щеке появляется ямочка.

— Нет-нет, ты совершенно права. Боже, я просто так стрессую — работа, то-се. Я напишу ей, типа все как обычно. Типа спрошу, как она. Так хорошо, да? Не странно?

— Нет, да, идеально, — отвечаю я.

Вероника отталкивается попой от столешницы и подходит ко мне, раскинув руки.

— Спасибо за помощь, Ли. Я так рада, что ты здесь поселилась. Нам будет весело!

Она обнимает меня, а я стою в пальто и не понимаю, что делать. В первую секунду приятно, потом становится слишком, начинает душить.

— Ладно, пока, — говорю я, вырываясь, распахиваю дверь и несусь вниз по лестнице, в ночь, и воздух охлаждает мое лицо, как влажное полотенце.

Дни пролетают в мареве контента. Мне нравится открывать новое, словно мир полон пасхальных яиц, стоит только приглядеться. Крошечные всполохи восторга пронизывают меня, когда я что-то узнаю. Например, как одна женщина называет партнершу по игре «Цуг» или «Цугги», потому что у нее такая напористая манера, что вынуждает противников обороняться, а если копнуть глубже, «Цуг» — это производное от «цугцванг», немецкого слова, означающего именно это, вынужденное движение или перемещение. В этом есть что-то прекрасное — тайное прозвище, образованное от такого уникального слова. Такого особенного. Как будто у этих геймеров свой собственный язык, созданный из языка.

Все упирается в язык и общение. Прозвища могут быть милыми или раздражать, в зависимости от того, как возникли, что означают и кто их использует. Такие тонкости могут понадо-

биться Вики, чтобы люди с ней чувствовали себя комфортно, чувствовали, что их видят и поддерживают, когда она дружит с ними.

Я загружена, но иногда, рано утром после пробуждения, мои мысли блуждают. Я смотрю на стену, на трещинку возле окна и думаю о том, чего хотела. Чего все еще хочу.

В лаборатории я делала проект о том, как мозг воспринимает информацию. Как люди ведут себя в зависимости от ситуации, от окружения. Как внешние стимулы влияют на колебания чувств из «Эмоционального перечня». Как люди взаимодействуют с технологиями и наоборот. Меня это все завораживало. До сих пор завораживает.

Удивительно, сколько всего мы еще не знаем о мире. И *могли бы* узнать. Я всегда представляла, что мои исследования — как фонарик, узкий луч света посреди невежества. И что, может, они способны помочь людям.

Лежу в пустой спальне со скрипучими полами, и разочарование из-за Распределения все еще теснит в груди. Не знаю, смогу ли когда-нибудь восстановиться, вернуться на свой путь, к своим целям. Будет ли когда-нибудь моя работа что-нибудь значить.

Недолго жалею себя, потом вспоминаю Машин

совет: принимай вызовы, берись за работу. Выскакиваю из кровати, готовлю первый за день кофе и погружаюсь в работу, полная решимости сделать все возможное и невозможное, чтобы завершить это ужасное Распределение с лучшим результатом.

* * *

Знакомый логотип вращается, переливается, делает лунную походку, сальто, разлетается на куски и снова появляется в центре экрана.

Вперед, войди в свою жизнь.

Я не хотела заходить в «Дом». Боялась. Знаю, что, едва войдя в систему, увижу, куда распределили остальных и как у них все прекрасно, пока я торчу здесь, в глуши, пытаясь сделать невозможное.

Но войти придется. В конце концов, именно тут происходит большая часть общения в мире. Я никогда не чувствовала себя в «Доме» полностью собой, но деваться некуда. «Дом» повсюду; так было всегда, сколько я помню.

Хрустнув костяшками, жму на экран, чтобы залогиниться.

Учетная запись не найдена. Пожалуйста, зарегистрируйтесь.

Странное, сладкое облегчение. Я и забыла, что меня полностью архивировали. А можно же сделать новый аккаунт — для исследований. И это могу быть не я. Просто использую его, чтобы посмотреть, что делают другие, узнаю подробности и выйду.

Создаю аккаунт, предоставляя как можно меньше информации. Пропускаю загрузку фото, появляется предупреждение: без четкого изображения у меня будет на 30 % меньше друзей. Соглашаюсь, вхожу, и на меня обрушивается водопад цветных картинок. Лица, слова, звуки, видео, статьи. На моем экране весь мир, и он поглощает меня целиком.

«Дом» предлагает нового друга: Аманду Турнель. Я мешкаю, рассматривая ярко-синие дверные проемы (медовый месяц в Греции) и видео с ее тридцатилетия, где кто-то уронил на пол домашний клубничный торт.

тааак красиво
люблю тебя
миленько
душой с вами

Ребята, я в шоке
Прическа…!

В обычной ситуации я бы даже не стала тратить время на такое, но что, если этот случайный «друг» мне поможет? Раз уж я создала профайл ради Вики, чтобы изучать человеческое общение, надо быть открытой для всех, правильно?

Я жму «принять».

«Дом» предлагает еще полсотни друзей. Человек с одной и той же зажатой улыбкой на всех фото. Человек в темных очках в кафе. Человек, снятый сверху, лежащий на траве такой зеленой, что больно глазам. Некоторые публикуют бесконечные ролики с шампанским: крупным планом бутылки, извергающие струю, крупным планом застывшие в воздухе пузыри.

* * *

В пятницу на кухне я наливаю воду в стакан, и в телефоне всплывает уведомление о письме от Криса. Ставлю стакан в раковину и открываю почту, надеясь, что это апдейт по первой категории.

Поздравляем с завершением первого задания! Вся наша команда собрала 64 % ожидаемых дан-

ных, которые, по расчетам, понадобятся Вики для изучения более сложной человеческой коммуникации. Неплохо для первого коллективного раунда.

Неплохо? Даже если цели были завышены, шестьдесят четыре процента — объективно низкий уровень.

— Это что за звук? — В коридоре слышится топот, и на кухне появляется Вероника.

Стакан в раковине дрожит и плюется, словно тонет под краном.

— Вот черт. — Выключаю воду.

Стакан в последний раз булькает и затихает.

— Хотела убить бедняжку?

— Читала кое-что.

— Да я шучу. Я даже не знала, что они такое могут. Наверное, запрограммированы, чтобы люди воду зря не тратили.

— Ага, — отвечаю я и думаю, что в Миннеаполисе вода просто выключается, а стаканы не устраивают драм. Но я пока не распарсила письмо Криса.

— Я иду ужинать с друзьями, хочешь тоже? — спрашивает Вероника, копаясь в сумочке.

— Ты вроде вчера ужинала? — говорю я.

Вероника трясется от смеха, издавая пронзи-

тельный вой гиены. Не понимаю, что смешного.

— Да, но людям надо есть каждый день, Ли, — говорит она, торопливо накладывая помаду. Пятна вокруг губ исчезают, появляется ровная подводка цвета спелой клубники. — Мы же не роботы.

Она права, нам нужна еда. Но есть же специальные полнорационные напитки или витамины, после которых по крайней мере пять часов есть не хочется. К тому же любую еду доставляют почти мгновенно.

— Значит, да? — спрашивает Вероника. — Будет весело. Ты всем понравишься.

— Не могу. Надо работать.

— Ладно, тогда в другой раз.

На ее телефоне видеовызов. Вероника отвечает, болтает с кем-то, машет мне рукой и захлопывает дверь.

Интересно, куда она идет и с кем? Тут я вспоминаю, что размышления о других не позволяют реализоваться в полную силу. Я выяснила это в самом начале в Программе. Некоторые студенты проводили свободное время вместе, но преподаватели не одобряли того, что отвлекало от расписания, составленного для высокой производительности.

Возвращаюсь к письму, перечитываю еще раз. Крис объясняет, что Вики использует наши находки и будет дальше на них учиться. Ни для какой категории никогда не получится собрать достаточно данных, пишет он, но надо двигаться вперед, чтобы уложиться в график.

В конце ссылка на раздел программы данных под названием «Мастер». Жму на нее, и экран затопляет радужная стена текста, ссылок, видео и голосовых заметок. Мои фиолетовые данные смешиваются с неоново-розовыми, небесно-синими, кислотно-оранжевыми, вишнево-красными и лаймово-зелеными. Похоже, тут собраны все данные консультантов в области человечности.

Бегло просматриваю всё, сравнивая, как они бьются с моими. Судя по всему, моя работа самая тщательная, и это не удивительно, но кое-что привлекает мое внимание в розовых разделах.

Этот консультант, кто бы он ни был, изучал, как бренды используют потребительские предпочтения. Загрузил сотни интервью с экспертами по речевой терапии, посмотрел, как люди общаются друг с другом в офисе и на свиданиях, и прикрепил расшифровки разговоров подростков о картошке фри, геометрии и самых противных чертах лица.

Судя по всему, этот кто-то собирает информацию по базам данных и онлайн-порталам, но не только. Еще он извлекает опыт из физического мира.

Разминаю пальцы, пространство между суставами увеличивается, происходит разрыв газовых пузырьков, костяшки щелкают. Откуда розовый взял такую стратегию? Это вообще стратегия или какое-то недоразумение?

Все человеческие переживания документируются онлайн — так эффективнее собирать точные данные, особенно если знаешь, как правильно. А для детальных исследований существуют комнаты наблюдения. Но такие исследования требуют времени. Они чрезвычайно полезны для некоторых проектов, но здесь вряд ли понадобятся, потому что ИИ требуется огромный объем данных. Надеюсь, Джанет, Тору или Крис поправят этого розового. И поскорее бы, потому что мы явно не справляемся. Никогда у меня не было такого низкого результата — 64 процента.

Крис еще не выдал нам следующую категорию, поэтому я закрываю экран и ложусь на кровать прямо в одежде. Мышцы тяжелые, но сна нет как нет. Под закрытыми веками скачут данные: оранжевые и розовые, фиолетовые и красные, зеленые

и синие. Тысячи бит информации преобразуются для Вики. Тысячи переживаний нарезаются, крошатся и уменьшаются до нулей и единиц, нули и единицы, ноль, ноль, один, один.

Глава 5

За три недели мы обработали категории «Верования», «Эмоции», «Деньги», «Детство». Соберись, говорю я себе, добавляя данные о том, как деньги влияют на язык. Люди больше не отвечают «Хорошо» на вопрос «Как дела?», а чаще говорят «Дел полно» или «Устал», и это связано с идеей о том, что время имеет свою цену.

Соберись. Данные об информационной грамотности. При виде чисел проникаешься доверием.

Соберись. Данные о том, как меняется печаль.

Добавляю сколько могу и, раз уж мне известно, что так можно, жму на «Мастер». Приятно видеть собранные в одном месте данные. Как они упорядочены, обширны и подчинены цели; информация превращается в своего рода искусство. Для меня, по крайней мере.

Этим утром я жму на кнопку кофе-машины и устраиваюсь за столом, дожидаясь следующей категории. Открываю «Мастер» и не могу не отметить, что неоново-розовый продолжает бездельничать и добавляет меньше остальных, потому что все еще собирает данные из физического мира. Не пора ли Крису вмешаться? Меня

тревожит, что Крис никак не реагирует, особенно если учесть, что у нас такие низкие показатели — в среднем около 71 % эффективности.

Отхлебываю кофе — приятно, как глоток солнца, — и думаю: а может, и хорошо, что у нас низкие показатели, что мы отстаем в сборе данных. Так у меня появится шанс показать себя. Восполнить нехватку.

Представляю себя в будущем: маленькая фигурка за работой допоздна, руки-ноги исхудали от стресса, взгляд сосредоточенно остекленевший. Вот она я: физическое торжество целеустремленности. Достигаю пределов, о которых большинство даже не помышляет.

Вот меня забирает из Нью-Йорка в Миннеаполис сияющий транспортер: одежда на мне болтается, может, даже лицо грязное. Мешки под глазами — свидетельства самоотдачи. Новостные каналы умоляют об интервью: расскажите, как вы это сделали? Как вытянули такой сложный проект? Как создали друга для всех, используя такие ограниченные ресурсы? Как?…

Блям.

Грезы рассеиваются. На экране всплывает сообщение от Криса. Десять ноль-ноль. Ну, он хотя бы предсказуем.

Хочу обсудить с ним, как нам улучшить работу, данные других консультантов, но пока не знаю, как к нему обратиться, а между тем он уже разглагольствует о том, как яичница отражает индивидуальность типа Б. Не успеваю я ответить, он желает мне удачи и кидает ссылку на программу данных. Открываю ее и вижу новую категорию — «Еда», и снова ныряю в портал, горя желанием улучшить показатели нашей эффективности.

В Сети я нахожу тысячи фотографий едящих людей. Они кусают, жуют, хлюпают. Улыбаются и держат в руках миску со спагетти — словно позируют с другом. В «Доме» женщина подцепила суши палочками, подпись «Королева суши». В комментах люди сходят с ума.

ОМГ, ты правда как будто королева суши!

Так на тебя похоже!

Обожаю такое, обожаю тебя.

Ты — то, что ты ешь, отвечает она с подмигивающим эмодзи.

Не знаю, как можно описывать себя посредством суши и подходят ли такие данные для Вики. На первый взгляд иррелевантно: как можно быть королевой блюда азиатской кухни? Но может, так

она раскрывается с какой-то важной стороны? Если она провозгласила себя повелительницей суши, может, она жаждет власти? А может, круто связывать свою идентичность с шариком риса и ломтиком сырой рыбы? Помещаю пост и комменты в программу данных.

Добавляю исследование по нутрициологии, проведенное в начальной школе, с детьми из разных районов, и групповой чат, где участники коллективно пришли к выводу, что шоколадный сироп — вот это жизнь. Я брожу среди кибертако. Плаваю в пиксельном имбирно-чесночном супе. Так углубилась в контент про еду, что снова забыла пообедать. Только когда Вероника вечером приходит домой и раскидывает везде свои вещи, мой желудок вежливо булькает, как будто напоминая о себе.

Наконец-то я двигаюсь в хорошем темпе. Я либо надеваю нормальную одежду и еду на метро в офис, либо прямо в пижаме шаркаю на кухню, чтобы сделать кофе. Не важно, где я, исследования — моя стихия.

Иногда это происходит в офисе. Я вся в работе, но Джанет и Тору влетают вихрем, задают вопросы, раздают указания и созывают внезапные летучки.

На летучках показывают презентации о ви́дении компании, Джанет все говорит и никогда не переходит к сути. Странно. Не хватает структуры — в Программе мы знали, чего от нас ждут в каждый конкретный час, и не было места импровизациям на лету, — но не только в этом дело: я как будто все жду, когда в центре спирали ее долгих речей что-то проявится, но нет.

Сегодня после такого вот долгого собрания я иду в кухню за добавкой кофе и в изумлении вижу, что Финансист и Пронзительная Хохотушка держатся за руки. Они тут же расцепляются и принимаются шарить в шкафчиках. Я молча подливаю себе кофе, ухожу за свой стол, и моя кружка заливается дымчато-красным.

* * *

Розовые данные в «Мастере» начинают меня нервировать. Я захожу порадоваться, как много данных я собрала, но в глаза упорно лезет настырный розовый. Его данные неожиданно подробны, и сегодня, пока я их скроллю, в голове всплывает досадливая мысль: «А вдруг это хорошо?»

Маша говорил, что обучение — это бесконечное дерзание. Сам он приверженец порядка и систематизации, но все равно настаивал, что нужно

уметь адаптироваться. Нельзя зацикливаться на процессе — надо уметь взглянуть на него со стороны.

Встаю и меряю шагами нашу кухню-гостиную, обмозговывая это все. Кажется, я наконец-то понимаю, что имел в виду Маша. Даже если мой метод собирать данные хорош, все же стоит разобраться, как работает новая, незнакомая мне тактика. Или доказать, что она не работает. Снова кошусь на «Мастер», хватаю пальто и выбегаю на улицу.

Холодный ветер мгновенно пробирает до дрожи, а я не подумала, куда идти, что делать и даже как собрать опытные данные из реального мира. Стою на тротуаре, парализованная, а паника выбивает стаккато в жилах.

Розовый консультант учился этому или просто придумывает на ходу? Есть ли у него план? Откуда он знает, куда идти?

Все хорошо, говорю я себе. Можно взять новый сценарий и применить к нему мои навыки, а значит, у меня есть пространство для развития. Кроме того, я провела сотни часов в комнате наблюдения. Здесь будет то же самое, только в реальной жизни. Неконтролируемая среда, но я все равно смогу использовать свои навыки.

Можно прийти, понаблюдать, сделать заметки, уйти. Нужно только найти людей.

«Карты» ведут меня на улицу в нескольких кварталах от дома; там несутся машины, обдавая меня воздухом, и мигают при свете дня флюоресцентные короба витрин. Улица похожа на те, что дома. Такие же чистые фасады, большие магазины, в высоких стеклянных витринах вращается одежда. Мужчина в черном шарфе тянется к дисплею, на котором танцуют сальсу два манекена. Он прижимает палец к стеклу и выбирает одну вещь, вторую, третью.

Что-то в его глубоко посаженных булавочных глазках или в том, как агрессивно он давит пальцем на экран, настораживает. Но я собираю данные для категории «Еда», поэтому иду дальше. Лучше найти тех, кто ест. Ресторанов тут полно, однако везде, куда я заглядываю, дроны пакуют биоразлагаемые коробки и запускают в воздух, тихонько гудя.

Спустя почти вечность натыкаюсь на дайнер[4] в переулке и удивляюсь. Внутри все такое ржавое и тусклое, что я едва не прохожу мимо. Такие еще остались? Я про них только читала.

Нарезаю круги, заглядываю в окно и вижу в основном свое отражение, которое пялится на меня, робкое и встревоженное. Я и забыла, что под пальто у меня пижама.

На четвертом круге вхожу.

С потолка веет теплым воздухом, я ищу экран для заказов, но вижу только расшатанные столики и сидящих людей. Откуда они взялись? Маленькая табличка на стене сообщает, что заведение работает уже более ста семидесяти пяти лет.

— Входи, входи. — Я подскакиваю от неожиданности, когда ко мне приближается пышнотелая женщина.

Озираюсь, но вроде бы она обращается ко мне.

---

[4] Примечания: 4

Дайнер — формат ресторана быстрого обслуживания в США, возникший в XIX веке из передвижных фургонов. Классический дайнер — чаще всего «вагончик» с неоновой вывеской, мягкими диванами в стиле 1950-х, с музыкой в зале. В меню сытная «рабочая» еда: бургеры, хот-доги, картошка фри, омлеты, оладьи, вафли, молочные коктейли. Кофе подают в огромных кружках или доливают из общего кофейника. Дайнеры работают допоздна или круглосуточно, в Нью-Йорке это классический и аутентичный формат заведений, особенно в даунтауне и на Таймс-сквер.

У нее характерный акцент, и я роюсь в памяти. Восточная Европа? Может, русский.

— Только глянь-ка, кожа да кости. Прямо по адресу.

Озадаченно смотрю на женщину: почему она обсуждает мое телосложение? И раз уж на то пошло, почему в таких выражениях?

— Идем, — говорит она.

Иду за ней к кабинке у окна. Там истертые бордовые подушки.

— Садись, — командует она.

Не знаю, что еще сделать, и сажусь.

— Ты одна? — спрашивает она.

— Да. Одна. В смысле, я. Только я.

Пытаюсь вдохнуть. Не ожидала, что мне придется с кем-то разговаривать; я планировала только наблюдать.

— Без проблем, деточка, — говорит она и уходит, оставляя мне большую прямоугольную пластиковую штуку, которая раскладывается вверх и вбок.

Деточка? Зачем называть деточкой человека двадцати семи лет? Смотрю на складную пластиковую штуку, которую она сунула мне в руки, и до меня медленно доходит, что это список блюд, и они, кажется, разделены по категориям. Зачем

она мне это дала? Если я положу это на стол, будет очень невежливо? Я смотрю по сторонам, и тут до меня доходит: это же настоящее олдскульное меню. Я только в онлайне на фотографиях видела такие артефакты. Восхитительно. И примитивно — еда рассортирована по категориям на ламинированном листе. Кладу его на стол, и женщина снова подходит:

— Что будешь?

Наверное, стоит заказать что-нибудь, раз уж она обратила внимание на мои кости, но я не знаю что. Хорошо бы она предложила что-нибудь, что мне понравится, вот как «Еда» в телефоне.

— Яичницу? — подсказывает она.

— Нет, спасибо.

— Вафлю?

— Нет, спасибо.

— Тост с арахисовым маслом?

Да сколько можно. Я соглашаюсь.

— Да, — говорю я, но она не двигается.

Я начинаю сомневаться в своем выборе. Может, стоило прочитать все варианты. Я вспоминаю ресерч для Вики и что шоколадный сироп — вот это жизнь.

— И можно еще шоколадный сироп?

Она озабоченно кивает и уходит. Никто нико-

гда прежде не осуждал мои заказы. Это же вроде как интимное — знать, что ест другой человек. Оглядываю комнату и замечаю компанию женщин лет семидесяти — они сгрудились вокруг одного телефона и неудержимо хихикают. За другим столиком двое подростков спорят, кто съест последний оладушек.

Наконец, спустя целых шесть минут женщина возвращается с тарелкой, где лежит ломоть поджаренного хлеба, шарик арахисового масла и керамическая мисочка с блестящим шоколадным сиропом. При виде всего этого у меня текут слюнки. Размазываю все по горячему хлебу и поднимаю глаза к потолку, ослепленная первым кусочком. Когда вкусы сталкиваются друг с другом, я понимаю, пусть всего на мгновение, почему еда может быть характеристикой идентичности и откуда взялись многие тысячи записей о том, кто что мечтает съесть.

Когда я приканчиваю первый ломоть, женщина приносит еще один, и еще. Из динамика в углу доносится приятный джаз. Легонько царапают по тарелкам ножи, скрипят по полу ножки стульев, когда кто-то отодвигается от стола. Пахнет омлетом. Соль, масло, нота сладкого сиропа. Звенят чашки, что-то шипит, а русская женщина кружит

по залу, разносит еду и всех называет «деточка».

Только выйдя из дайнера, я понимаю, насколько объелась. В жизни не знала, что арахисовое масло может быть таким нежным, а ведь я пробовала его раньше, да? Никогда не думала, что шоколадный сироп блестит под лампой. Или что слушать музыку во время еды так приятно. Чувства обострились от запаха, шума, от людей! Так много людей в одном месте.

В животе тяжесть, но шаги мои легки. Последние лучи солнца медленно тают, целуя тротуар. Не думала, что так поздно. Взбегаю на крыльцо, закрываю за собой дверь квартиры, все еще в эйфории. И тут мой экран мигает с колченого кухонного стола. И я как будто тону. Проверяю программу данных на телефоне и понимаю, что сегодня ничего не загрузила, вообще ничегошеньки.

Мне становится жарко. Меня распирает. Озираюсь — квартира завалена хламом, невыносимо допотопные предметы не сочетаются между собой. Сегодня я так отвлеклась, что не вынесла из дайнера никаких данных.

В ванной я брызгаю водой в лицо и, подняв взгляд, фокусируюсь на подбородке, где собираются капли, лишь бы не смотреть себе в глаза. А

потом скорее сажусь за экран, загораживаюсь им со всех сторон и возвращаюсь на портал, чтобы наверстать упущенное.

Глава 6

Тору в худи и штанах цвета хаки вылетает из лифта. Он шагает по лабиринту офиса и похож на целеустремленного ребенка. За ним грациозно следует Джанет в темно-синих джинсах и белоснежной блузке. Они объявляют летучку, мы берем вещи и торопливо идем в стеклянный конференц-зал.

В этот раз Джанет не читает нам обычную бессмысленную лекцию, а молча смотрит с вымученной улыбкой, от которой у меня волоски на шее встают дыбом.

— Входите, входите, — говорит она, пока Тору возится со своим экраном. — Сегодня мы с Тору собрали вас всех, потому что решили, что пора вам чуть больше узнать о нашем проекте. Понять, зачем мы здесь.

Тору находит нужное и транслирует на стену. Шторы опускаются, гаснет свет, в комнате мгновенно темнеет, остается только проекция: графики и диаграммы, пульсирующие синим. Приподнимаюсь на стуле, чтобы получше рассмотреть. Я видела сотни отчетов, но до сих пор ничего подобного.

Джанет откашливается.

— Что ж, увиденное может шокировать, но мы постараемся все объяснить, — раздается ее голос в темноте. — Кто-нибудь из вас слышал об одиночестве?

Одиночестве?

Я отчетливо помню слово — это был единственный раз, когда я почувствовала себя дурочкой, задав Маше вопрос. Однажды в архивном исследовании я наткнулась на строчку, где упоминался странный термин, о котором я никогда раньше не слышала, — «одиночество», и я решила спросить Машу. Его лицо на мгновение побледнело, потом он взял себя в руки, натянуто рассмеялся, забрал у меня экран и тут же удалил файл.

— Осторожнее с тем, что впускаешь в свой разум, — сказал он, постукивая пальцем по виску. — В мире много ерунды, много данных, которым нельзя доверять. Никогда больше не упоминай этот термин. Его не существует.

Маша сказал это тихо, но так, что я почувствовала себя глупой. Помню, как возвращалась в лабораторию ошарашенная, пристыженная. Меня никогда так не одергивали.

— Одиночество, — говорит Джанет, возвращая меня обратно в конференц-зал (и само слово ме-

ня нервирует), — это эмоция, состояние бытия, если точнее, полностью исключенное из «Эмоционального перечня» несколько десятилетий назад. От одиночества много раз пытались найти лечение, а потом научное и медицинское сообщества пришли к выводу, что единственный способ решить проблему — полностью искоренить явление. Какое-то время стратегия вроде бы работала, но этот доклад свидетельствует об обратном: даже не зная об одиночестве, даже не зная такого слова, люди все равно его чувствуют.

Я дергаю заусенец. Выходит, поэтому Маша был так строг? Поэтому не хотел, чтобы я знала? Несколько минут мы сидим в тишине и изучаем странный доклад. Он весь в голубых точках. Картинка движется, увеличивая разные части мира, а точки все появляются, веснушками усеивая стену.

— Одиночество… Видите ли, объяснить это сложно, потому что оно проявляется у всех поразному. Но в сущности, это когда человек почти не чувствует связи с миром, с другими людьми, — говорит Джанет, — да и вообще ни с чем.

Мой мозг работает на предельных оборотах. Это какая-то проверка? Джанет и Тору проверяют, что мы знаем, насколько мы легковерны? Я молчу,

губы как будто склеились. Маша велел никогда больше не произносить это слово. Я полностью стерла тот момент из памяти, вычеркнула его, и теперь вернулись разом и воспоминание, и слово, и Машино отвращение, его резкий тон, хотя обычно он такой терпеливый.

Я сижу, прямая как палка. Стоило ли тогда расспросить Машу? Настоять, чтобы он объяснил? Почему он так резко среагировал? Если это по-настоящему, если одиночество правда существует или существовало когда-то, может, он был среди тех, кто выступал за его удаление?

Продолжаю отрывать заусенец, дергаю туда-сюда. Прикусываю щеку. Не поднимаю взгляда. Не знаю, что думать, во что верить. Пытаюсь убедить себя, что Джанет все выдумала, но впервые за долгое время она вроде бы говорит свободно. Как будто ей наконец-то разрешили сказать то, что она давно хотела сказать.

— Простите, Джанет, но мне трудно вас понять. Разве можно удалить эмоцию из «Перечня»?

Финансист возле меня говорит натянуто-вежливо. Но в его глазах светится какое-то чувство. Страх, замаскированный под недоверие, замаскированное под разочарование. Я и забыла, что в комнате есть другие люди. Скорее всего, они

никогда не слышали об одиночестве.

— Да, и я не понимаю, — высоким голосом соглашается Пронзительная Хохотушка; в темноте ее не видно, только на кончике заостренного носа бликует свет от экрана. — Что это за доклад и почему мы его не видели раньше?

Я впервые чувствую толику уважения к другим консультантам, которые, похоже, задаются теми же вопросами, что и я.

— Хорошие вопросы, — терпеливо отвечает Джанет. — Видите ли, это был первый раз, когда из «Перечня» попытались удалить эмоцию. И, как я уже сказала, первые несколько десятилетий вроде бы все неплохо работало. Но недавно выяснилось, что все равно есть тысячи случаев. Люди не знают, что чувствуют, у них нет для одиночества названия, или они называют его другим словом, но все равно страдают.

Никто не двигается. Не дышит. Кровь стучит в ушах, а на стене продолжают мелькать графики. И правда интересная теория. Если что-то не назвать, как можно его определить? Если не знать про эмоцию, можно ли ее почувствовать?

— Понимаю, вам трудно разобраться, — говорит Джанет, — но когда несколько ученых поняли, что одиночество никуда не делось, они

начали наблюдать, тайно. И сейчас мы смотрим на результат их работы — доклад об одиночестве. Когда случаев снова стало много, вмешалось Правительство. Они собрали маленькую группу изобретателей и предпринимателей, чтобы найти новое решение. Вот почему мы здесь. Это пока еще строго секретно, поэтому всё — данные об этой компании, о Тору, и обо мне, и о вас — пока скрыто. И хотя мы не знаем, какие еще команды участвуют и над чем они работают, мы уверены, что Вики — лучший вариант.

Правительство? Оно вкладывается только в престижные, стоящие компании и проекты. Вглядываюсь в Джанет очень внимательно. Потом смотрю на Тору, который яростно набирает что-то в телефоне, расхаживая взад и вперед. Кто эти люди? И почему они понадобились Правительству?

Если это правда такой высокоуровневый проект, обратились бы к Маше или другим преподавателям из Программы. Маша уже работал с Правительством. Как и многие другие преподаватели. Может, Джанет и Тору преподавали в такой же Программе? В голове сгущается туман, мешает думать.

— В любом случае, раз уж мы вместе создаем Вики, мы подумали, что это справедливо — вы

должны узнать больше. Нам нужно, чтобы вы поняли, насколько все серьезно. — Джанет прищуривается в полумраке. — Почему мы создаем этот ИИ и почему так важно, чтобы он стал как настоящий друг, способный находить контакт с людьми.

Все это трудно осознать. Тысяча вопросов всплывают в голове, как пузырьки в газировке. Я дергаю заусенец так сильно, что он отрывается и вдоль ногтя кровит.

Оглядываюсь вокруг: все ерзают на своих местах.

Наконец тишину нарушает Кошачий Глаз, а потом вступает целый хор. Смущенные, сердитые, потрясенные голоса:

— Почему мы не слышали об этом раньше?

— То есть можно просто удалить…

— Откуда эти данные?

— …эмоцию?

— Я даже никогда о ней не слышала.

— Что такое…

— …одиночество?

— Это проверка?

— Кто-нибудь может объяснить, что происходит?

— Хватит! — раздается из глубины зала голос

Тору. — Джанет, ты попросила Криса собрать для них материалы?

Джанет кивает.

— Мы понимаем, что все это слегка чересчур, — угрюмо говорит Тору. — Так что вот как мы поступим. Сегодня вы идете домой. А дома вас будут ждать материалы об одиночестве, у вас в почте. Прочитайте исследование, ознакомьтесь с этой эмоциональной концепцией, а затем мы ответим на любые ваши вопросы.

Тишина. Похоже на какой-то нелепый сон, и я не знаю, что думать, куда смотреть.

— Мы хотим, чтобы вы были полностью сосредоточены на успехе Вики, — говорит Тору, прожигая нас взглядом. — Нужно повысить эффективность сбора данных. И двигаться гораздо быстрее. Если вы прочитаете и решите, что больше не согласны с нашей миссией, можете покинуть компанию. Мы вас отпустим.

Доклад об одиночестве завис на стене. В воздухе сгустилось напряжение. Очевидно, вокруг этого Джанет и ходила кругами: вот зачем нужен проект, вот причина его существования.

Тору говорит, что летучка окончена, и выскакивает из комнаты, но больше никто не двигается, все застыли, шокированные. Смотрю через стол

на Кошачий Глаз, она смотрит на меня, и ее зеленые радужки мерцают в свете доклада.

— Странно, да? — Джанет протягивает руку и касается стены, где доклад переключился на новую локацию; голубые точки снова падают дождем, обозначая случаи в этой области. — Можно прожить годы, даже десятилетия, ни в чем не сомневаясь. И всего за тридцать секунд представление о мире рассыпается на куски.

Джанет смотрит как будто мимо нас, в другую жизнь, но через мгновение моргает, жмет на экран, и доклад исчезает. Включается свет, поднимаются жалюзи, в окна врывается день, ослепляя нас.

— Как и обещал Тору, секретные материалы об одиночестве будут ждать вас в почте. И конечно, мы ответим на любые вопросы после того, как вы все обдумаете. — Джанет медленно собирает вещи. — Мы знаем, что это трудно, но мы верим в вас.

Фраза повисает в воздухе.

Консультанты разбегаются. Я иду домой, кровь все еще стучит в ушах, пульсирует в ладонях. Хочется посмеяться над всем этим. Мозг работает на пределе, но, когда я поднимаюсь на крыльцо нашего дома, в голове что-то щелкает: я вспоминаю

слова Тору. Они раздуваются в моем сознании в такт шагам: «Мы вас отпустим».

Вот оно. Выход. Путь назад в Миннеаполис. Мое Распределение будет считаться завершенным, и с помощью Маши я смогу подать заявку в Большую пятерку. Они точно примут меня, узнав о достижениях в Программе и о моей стойкой работе тут. Вот и все. Все, что нужно сделать, — сказать Тору и Джанет, что я больше не верю в этот проект. Просто сказать это и стать свободной. Правда же?

Распахиваю дверь квартиры, бросаю сумку. Несложное решение. Просто позвонить Тору и Джанет прямо сейчас. В Большой пятерке мои исследования повлияют на продукты, которыми пользуются миллионы людей. Я буду сотрудничать с такими людьми, как Маша, и они оценят мою работу, поймут меня. И кроме того, все в Программе ждут, что я буду там. Меня готовили к этому. И именно поэтому меня выбрали стипендиатом, вручили награду на выпускном. Нельзя всех подвести. Нужно вернуться на эту дорогу.

Но я не беру телефон, а хожу взад-вперед по квартире. Правда в том, что я никогда не слышала, чтобы что-то удаляли из «Эмоционального перечня». Никогда не слышала ни о чем подоб-

ном. Секретный недуг? Одиночество? Не могу такое вообразить, не могу уложить в голове. Это опасно? Вот почему Маша так резко меня осадил?

Инстинкты подсказывают узнать больше. Я никогда не сталкивалась с концепцией, которую не хотела бы понять. Никогда не встречала нечто новое, что не хотела бы покорить. Когда я что-то знаю, я чувствую, что держу все под контролем, и такого я не ощущаю больше нигде. Если я уйду, не разобравшись, что такое одиночество, существует ли оно вообще, эти вопросы останутся со мной навсегда, так?

На кухне я открываю ящики с завалами столовых приборов, сортирую их и думаю. Если термин удалили из публичных источников, единственная доступная информация находится в файлах, которые прислал Крис. Там может быть полно лжи. А вдруг они все выдумывают? И если я прочитаю эти файлы, то поверю во что-то несуществующее? Что, если Маша меня защищал?

Когда все вилки лежат в своем отсеке, перехожу к ложкам, потом к ножам. Джанет сегодня казалась не в себе, ее как будто потрясло наше потрясение. А что, если она наконец-то сказала правду о проекте? Если Правительство дей-

ствительно участвует и это конфиденциальная, срочная задача?

Тогда понятно, почему меня сюда назначили. И серьезной ошибкой было бы бросить проект, за которым стоит Правительство; тут даже Маша согласился бы.

Но именно это труднее всего понять. Почему Маша или кто-то из сотрудников Программы не знает о докладе, который нам сегодня показали? Если доклад настоящий, если задание поступило от Правительства, Маша бы знал. Он эксперт. Правительство постоянно полагается на его советы в других проектах.

А если бы он знал, то сказал бы мне или связался со мной до Распределения. По крайней мере, подал бы знак, что все нормально, все правильно.

Заканчиваю наводить порядок и смотрю на результат: разномастные столовые приборы аккуратно лежат в своих отсеках. Мысли роятся, но я верю, что порядок существует. Ничто из случившегося сегодня, ничто из случившегося в этом году не вяжется ни с какой логикой. Смотрю на рассортированные вилки и ложки и думаю, как здорово, когда все на своих местах.

Закрываю ящик, иду к себе в комнату и вытаскиваю из-под кровати чемодан. Глупо поддавать-

ся хаосу. Верить в драматическую историю о том, что будто бы из общества удалили эмоцию. Глупо упускать шанс вернуться на правильный путь. Глупо сомневаться в Маше. Надо верить тому, кем я была прежде. Верить, что мои мечты — все еще мои мечты, а моя воображаемая жизнь в Большой пятерке — все еще то, чего я хочу.

Жизнь, где есть сила, репутация, цель.

Блям.

крис [13:31]
привет, ли
чокак
много надо переварить
ли [13:33]
привет

Набираю объяснение, удаляю. Пишу вопрос, удаляю. Сказать ли Крису, что я собираюсь уйти? Хочется спросить его обо всем, что было сегодня. Об одиночестве. А вдруг все реально? Хочется спросить про доклад, про участие Правительства. Пишу и стираю. Пишу и стираю.

Бросаю вещи в чемодан, даже не пытаясь складывать. Нужно выбраться отсюда. Пока все не запуталось слишком сильно. Лучше уйти сейчас, пока еще можно.

крис [13:39]
посмотрела файлы, которые я отправил?
крис [13:40]
прочти первые несколько
думаю, это поможет
крис [13:41]
и потом маякни мне
я тут
перетрем

«Осторожнее с тем, что впускаешь в свой разум», — говорил Маша. Нахожу письмо Криса с данными об одиночестве и удаляю. Следующий рейс вылетает сегодня вечером. Приземлюсь и поеду прямиком в лабораторию.

Достаю телефон из кармана и ищу его имя. Рядом красный флажок — предупреждение: я не имею права контактировать ни с кем из прошлой жизни.

Все равно пишу ему, не успевая подумать, что делаю, к чему это может привести. Подумать о бездне вопросов, разверзшейся внутри.

Маша, мое Распределение не удалось.
Ужасная ошибка. Вы наверняка видели.
Я нашла выход. Я возвращаюсь.
Увидимся завтра.

А потом выхожу на короткую пробежку, чтобы боль тела заглушила смятение ума.

Глава 7

Джанет входит в комнату, полную звуков, и тихонько закрывает за собой дверь. Кругом разработчики, инженеры и аналитики: сидят и лежат на животе на полу, развалились в офисных креслах. На стену проецируется разноцветный массив данных. Оранжевые, розовые, фиолетовые, синие, зеленые, красные. Она сразу же их узнает: пакеты данных от консультантов в области человечности обрабатываются и превращаются в код.

Неудивительно, что Тору не отвечает на звонки, думает Джанет, снимая пальто и бросая его на стул. Неудивительно, что он приходит на встречи с мешками под глазами. В энергии этой комнаты легко потеряться. Забыть про время. Когда он в последний раз спал?

Несколько недель назад они перевезли сюда техотдел, чтобы все некоторое время поработали в Нью-Йорке. Это была идея Тору. Предлагая этот шаг, он ссылался на древние теории о прямой передаче знаний, о повышении эффективности, когда люди находятся рядом друг с другом физически. Теории, с которыми именно Джанет

познакомила его два проекта назад. Она согласилась и сразу же принялась за работу: искала жилье, заполняла бесконечные формы, документировала каждый шаг для Правительства.

Они с Тору всегда были хорошей командой. Тору ведет продукт и разработку. Джанет управляет процессами и персоналом. Но решения они всегда принимают вместе. Теперь, когда Джанет наконец удалось оторваться от работы и все увидеть своими глазами, она осматривает комнату — и она довольна.

Вон Тору, переключается между цветными таблицами, задает вопросы группе и делает заметки. Что-то в его движениях, нервных и беспокойных, живых в этом хаосе, напоминает Джанет об их первой встрече.

Худшая неделя в ее жизни. Тот период она почти целиком вычеркнула из памяти. Ее только что выставили из Программы, и шок и стыд (хотя стыдиться нужно было вовсе не ей) всплывают в голове по сей день.

Джанет помнит, как пришла на конференцию, где изначально должна была выступать, полная решимости найти преподавательницу и доказать свою правоту. Сделать все возможное, чтобы обелить свое имя и вернуться в Программу.

В выставочном центре стенды тянулись докуда хватало взгляда. Джанет бродила там в поисках преподавательницы и забрела в центр лабиринта, где студент соединял провода так, что вылетали искры. Сначала синяя. Потом красная. Потом зеленая. Джанет смотрела, завороженная. Такие простые, такие красивые в гнетущем свете выставочного центра.

— Чего смотришь? — спросил мальчик, не поднимая взгляда.

Вырвал еще один провод из какого-то большого устройства и с его помощью создал оранжевую искру.

— Я? — спросила Джанет.

— Да, ты.

— Зачем тогда ставить стенд, если не хочешь, чтобы на тебя смотрели? — огрызнулась Джанет. Нужно было идти дальше. Искать преподавательницу. Все равно непонятно, зачем нужен этот стенд, громит его мальчик или строит.

— Я об этом не просил. Просто Программы любят хвастаться лучшими учениками.

Джанет фыркнула. Нашелся умник. Занятный тип: кожа такая бледная, что на руках проступают вены. Темные волосы оттеняют черноту глаз. Она слегка попятилась.

— Выглядишь ужасно, — сказал мальчик, выбивая очередную искру.

— Грубо, — сказала Джанет.

— Верно. Но, по крайней мере, теперь ты знаешь, что я не вру.

Джанет потерла глаза; головная боль разрасталась. Накануне она не спала, потому что не хотела идти домой, и теперь была в той же одежде, в которой ее вышвырнули. Наверняка выглядела ужасно, и после всего пережитого приятно было услышать от кого-то правду.

— Есть хочешь? — спросил мальчик, распутывая другой провод, красный и гораздо длиннее прочих.

Джанет кивнула. Она умирала с голоду. Даже не помнила, когда в последний раз ела.

— Тогда встретимся снаружи через пять минут, — сказал мальчик; волосы у него топорщились во все стороны.

— Что?

И тогда он мельком глянул на нее, как бы говоря: «Смотри», — а потом прикоснулся красным проводом к другому, поменьше, и создал гигантскую искру. От нее занялось пламя. Джанет глазам не поверила: мальчик поджег свой стенд.

Он встал на стул и повел речь об электрических

токах, плазменных каналах, электронах. Энергии. Как она может изменить атмосферу в комнате. Вокруг собралась небольшая толпа, и он заговорил быстрее, громче, показывал на растущее пламя и рассказывал о передаче тепла. О силе, скрытой внутри машин, внутри технологии. Если не интересоваться тем, как все устроено, говорил он, если не тратить время на понимание систем, они могут вас предать.

Публика не знала, что и думать о нем. И до сих пор не знает. Но в тот день Джанет увидела, как все тянутся к нему. Заинтригованные. Очарованные — пока не поняли, что огонь не входил в план показа. Пока не поняли, что Тору его не контролирует.

— Ведь что такое контроль, почему мы так его жаждем? Что именно мы хотим контролировать? — вещал Тору, стоя на стуле.

Когда охранники стащили его вниз, он подмигнул Джанет, и она улыбнулась — впервые за несколько дней. Она еще никогда не встречала человека, который устроил бы шоу и добровольно погубил собственный проект ради бургера и разговора. Погубил бы так умно и так красиво.

И пусть Тору уже под пятьдесят, Джанет видела, сколько радости он все еще получает от хаоса,

работая в этой комнате.

— Наслаждаешься видом? — кричит Тору.

Он ее наконец-то заметил. Она идет к нему. Раз он шутит, значит все идет как надо.

— Как дела?

— Хорошо. У нас тут интересный паттерн, — говорит он, глядя на данные, и снова склоняется что-то записать.

В его заметках дикое количество вопросительных знаков.

— С данными что-то… — подключается к разговору одна из инженеров.

— …странное, — договаривает другой.

Челси и Эрик. Разнояйцевые близнецы. Джанет помнит, как их нанимала. У Челси ярко-розовые волосы. Нервные, татуированные руки. Эрик сосет электронную сигарету, голос плывет, как воздух.

— Нам нужно больше информации… — начинает Эрик.

— …и больше времени, — заканчивает Челси.

— Чтобы выяснить, является ли этот паттерн…

— …глюком или трендом.

— Глюком или трендом? — повторяет Джанет.

— Именно! — подтверждает Тору, отвлекаясь от заметок.

Эрик кивает и выпускает облачко тумана. Они с Челси снова надевают наушники, машут Джанет на прощание и поднимают вокруг себя экраны.

Тору поворачивается к большому массиву данных на стене и принимается объяснять Джанет разные паттерны, один из них начал выделяться среди остальных. Она слушает и не может не думать о консультантах. Глядя на их данные, даже в виде кода, она чувствует, как внизу живота оседает чуждая тяжесть.

Это Джанет придумала их нанять. Хотя Тед и Никита прекрасно справляются, скупая массивы данных и получая их от партнеров, Джанет всегда знала, что Вики потребуются и более изощренные изыскания. Ведь нет ничего более личного, более конкретного, чем быть кому-то другом.

Джанет думает о людях, наполняющих это исследование данными. О тех, чьи лица сегодня утром исказились от потрясения. Голос в голове Джанет твердит, что она дура, не надо было так внезапно вываливать на них доклад. Конечно, переварить такое чудовищно сложно в любом случае. Но она могла бы лучше их подготовить. Она же знает людей, знает, как с ними обращаться. Есть миллион других способов, можно было…

— Хватит, — говорит Тору.

— Что? — удивленно спрашивает она.

— Не думай об этом. — Тору листает заметки на экране. — Встреча прошла нормально. С ними все будет в порядке.

— Я и не думаю. Что ты говорил про…

— Думаешь. По глазам вижу.

— Ты даже не смотришь на меня.

Тору бросает работу и встает перед ней. Он на целую голову ниже. Вокруг рта морщинки, потому что он постоянно хмурится. Джанет помнит морозную ночь в Москве, когда он ее поцеловал, — они тогда оба напились после церемонии награждения. Прошли годы, но они никогда об этом не заговаривали. Ни разу. Мысль о том, что они могут стать парой, померкла, стала постыдной, смешной, стала ничем. Джанет смотрит на Тору сейчас и благодарна за то, что у них есть. Не страсть влюбленных, а нечто большее — глубокое понимание. Такое бывает у людей, которые давно вместе.

— Все будет в порядке, — говорит Тору и поворачивается к экрану. — Кроме того, пусть лучше всё узнают сейчас, а не работают вслепую. Это не ловушка. Мы дали им возможность уйти, если они считают, что не справятся с этой ролью.

«Но мы им не рассказываем всего», — думает

Джанет.

В памяти всплывает, как они меняли настройки Системы Распределения, устанавливали новые критерии. Но Джанет отгоняет эти мысли — пока не время. Не стоит об этом думать, они слишком заняты, уже слишком поздно менять то, что было изначально необходимо.

— Вот этот паттерн, — говорит Тору, снова оборачиваясь к ней. — Хочу тебе показать. По-моему, тут что-то интересное.

Джанет кивает и отгоняет лишние мысли. Наклоняется и смотрит на графики, но тут шум в комнате заглушается сигналом тревоги и к ним поворачиваются как минимум пятьдесят голов.

Дзинь. Блям. Динь-дон. Дзинь! Блям!

Экран эффектно вибрирует, угрожая свалиться со стола. Тору успевает его подхватить и смотрит, в чем дело.

— Нарушенное соглашение, — говорит он.

Но пока Тору перечисляет подробности — кто, как, с кем пытался связаться, — Джанет уже идет к двери мимо десятков лиц: ее инстинкты проснулись. У двери она подхватывает пальто и выходит решать проблему.

Глава 8

Я со свинцовыми мышцами возвращаюсь в квартиру, а там Вероника на диване болтает с подругой. Вот только подруга сидит с прямой спиной, изящно скрестив ноги, и никакая это не подруга.

— Ли! — взвизгивает Вероника, оглядываясь на меня. — Ты не рассказывала, что у тебя такая классная шефиня! — И поворачивается обратно к Джанет: — Ли такая скрытная, знаете? Ну, в хорошем смысле.

Джанет тихонько смеется. Ее короткая каштановая стрижка не шелохнулась. Она раньше смеялась? Я думаю сбежать, но ноги не слушаются.

— Она замечательная, — соглашается Джанет, по обыкновению спокойно и сдержанно.

Что она здесь делает? Странно видеть ее не в офисе. Она такая строгая на этих облезлых подушках, на выцветшем зеленом диване.

— Может, вина? — предлагает Вероника, заполняя паузу. — Вот мне вино всегда поднимает настроение. Никогда не подводит. Ну, иногда я от него становлюсь слишком чувствительная, вроде

того, но по-моему, это и не плохо. Я теперь стараюсь принимать и взлеты, и падения. Говорят, нужно сохранять баланс, но мне больше заходят крайности, а вам?

Она вскакивает с дивана и мчится на кухню:

— Ты бегала? Так, у меня есть красное. Но можно заказать белое или игристое, если хотите.

— Очень мило. — Джанет встает и разглаживает несуществующие складки на брюках. — Но боюсь, не смогу задержаться. Я просто была неподалеку и решила заскочить к Ли.

Вероника сердито смотрит на нас из кухни.

— Ладно, — говорит она, — но, может, как-нибудь соберемся? Я тоже приглашу друзей с работы. Устроим такую меганеформальную тусовку, да?

— Отличная мысль, — говорит Джанет, растягивая в улыбке губы.

Вероника, кажется, довольна. Джанет берет сумку с дивана.

— Проводишь меня? — спрашивает она.

Это не вполне вопрос, а я все еще не пришла в себя от шока, который испытала при виде ее в нашей квартире, поэтому послушно иду в коридор, вниз по лестнице и дальше на холод.

— Вы не просто оказались неподалеку, — наконец выдавливаю я, констатируя очевидное.

— Нет, не просто, — соглашается она, и ее честность раздражает.

Мы идем в никуда, шагая в ногу. Левой, правой, левой, правой. Мои кроссовки, ее туфли тихонько щелкают по тротуару. Суставы плохо гнутся, но я не отстаю. Пусть Джанет заговорит, пусть объяснит, зачем она здесь; но мы просто идем, окутанные тихими звуками города.

— Я ухожу, — вырывается у меня в нескольких кварталах от квартиры.

— Знаю, — негромко говорит она, глядя на тротуар.

— Да?

— Нам приходит уведомление, когда кто-то нарушает соглашение. — Тон у нее почти извиняющийся. — Когда ты попыталась связаться со своим преподавателем, соглашение запустило сигнал тревоги. Я подумала, что ты, наверное, хочешь вернуться к прежней жизни.

Да, я видела флажок рядом с именем Маши, но все равно отправила сообщение. Зачем? Могла бы подождать несколько часов, сесть на самолет и вернуться домой. Я обычно внимательнее отношусь к деталям. Веду себя умнее. Хотела ли я, чтобы кто-то узнал, что я ухожу? Нет, конечно нет. Просто ошибка. Просто выдался слишком

длинный день. Длинные два месяца.

И в каком смысле «к прежней жизни»? Там и есть моя настоящая жизнь, а не это вот. Прошло время, но ничего же не изменилось. Я могу вернуться, и все будет как было.

Но, даже не додумав эту мысль, я знаю, что это неправда.

В молчании мы проходим квартал. Потом еще один. Джанет кажется намного выше, намного старше, когда мы шагаем рядом.

— Не будете убеждать меня остаться? — спрашиваю я, огорошенная.

— Нет-нет. Это бесполезно. Сдаешься — дело твое. Я просто пришла попрощаться.

Джанет тщательно подбирает слова, четко выговаривает. Чем медленнее она говорит, тем больше я раздражаюсь.

— Я не сдаюсь.

И никогда ничего не бросаю. Я не хотела быть здесь и все равно усердно работала. Она что, не видела мои данные?

— Верно, — говорит она, и я слышу, что на самом деле она не согласна.

— Я просто в это не верю, — пытаюсь объяснить я. — Маша говорил, что это не стоит внимания, и я…

Джанет резко останавливается. Вынимает из сумки телефон, что-то набирает, бросает его назад, и он с глухим стуком падает на дно. Джанет смотрит на меня, и я не могу прочитать, что там в ее ореховых глазах.

— Для нас было честью работать с тобой в одной команде, Ли. Желаем тебе всего наилучшего.

Она протягивает мне руку. Ладонь холодная, влажная. Подъезжает черная машина, Джанет открывает дверь и садится.

— И все? — кричу я ей вслед. — И это все?

— Никто не может решить за тебя, Ли. Никто не может приказать тебе думать так или иначе. — Она медлит секунду. — Если ты сама не позволишь.

Дверь закрывается, и машина уносится прочь. Габаритные огни становятся все меньше и меньше, превращаются в две светящиеся точки в темной зимней ночи.

* * *

Если я раньше и бывала в бешенстве, то никогда этого не осознавала. Чем-то похоже на удушье. Кровь горячая, несется по венам. Какая наглость. Явиться без предупреждения. Заявить, что я неудачница. Что я не могу думать самостоя-

тельно. Так легко от меня отказаться — как будто я одноразовая!

В программе нас учили, что как ты делаешь одно, так же и все остальное. Очевидно, Джанет ничего обо мне не знает. Очевидно, не понимает, что я всегда выкладываюсь на сто десять процентов, но я не собираюсь торчать тут и вытаскивать ее из этой глупейшей дыры, куда она сама себя загнала.

Хожу вокруг квартала, а когда пальцы уже немеют от холода, возвращаюсь в квартиру, где Вероника открыла бутылку вина.

— Хочешь…

— Не сейчас, — говорю я, проходя мимо.

Не могу думать за себя, бормочу я. Не могу сама принимать решения. Слабачка. Да кем она себя возомнила, эта Джанет? В своей комнате хватаю экран, возвращаю материалы об одиночестве из мусорной корзины и читаю.

Я покажу этой Джанет. Я все обдумаю, тщательно рассмотрю со всех сторон, а потом все равно приму то же решение — и уйду.

Одиночество связано с биологической реакцией «бей или беги». Миллионы лет назад приматы выживали, собираясь группами для охоты и сбора пищи. Если по какой-то причине примат оказы-

вался в изоляции, происходила физиологическая реакция: чтобы он понял, что он в опасности, что под угрозой его жизнь.

Одиночество — это очень осознанное чувство, что ты отделен от других. Одинокие люди не могут — или считают, что не могут, — установить значимые связи с другими.

Как правило, одиночество — настолько болезненный опыт, что люди даже подсознательно делают все возможное, чтобы его избежать. Они избегают тех, кто одинок или выказывает признаки одиночества.

Как только человек справляется с одиночеством, он часто забывает, как остро оно переживалось, и не понимает тех, кто его испытывает.

Одиночество переливается всеми цветами радуги. Оно меняется в зависимости от человека, который его испытывает.

Одиночество приводит к еще большему одиночеству. Люди, переживающие одиночество, становятся застенчивыми. В ужасе и смущении из-за этого чувства и от мысли, что с ними что-то не так, они разрывают связи с другими, лишь усугубляя свое состояние. Они не хотят показывать его другим, и это может привести к их полной изоляции от общества, по крайней мере на ка-

кое-то время.

Я читаю, и в материалах появляются расхождения. Теории начинают противоречить друг другу. Появляются вопросы, сомнения, разные точки зрения. Некоторые исследования доказывают, что люди могут испытывать целый спектр эмоций, поддающихся измерению и активирующих выработку определенных химических веществ, но одиночество, утверждается в этих исследованиях, — это нечто другое.

Одиночество — это ложное эмоциональное состояние. Это выдумка. Такое искажение в сознании невозможно отследить, и следует немедленно удалить его из «Эмоционального перечня», пока оно не навредило еще больше.

Что первично? Название или болезнь? Если мы обозначаем одиночество словом, а оно на самом деле сочетание уже известных нам эмоций — печали, гнева, стресса, — мы навязываем людям иллюзорное состояние, а потом они сами себя в нем убеждают. Поэтому мы предлагаем удалить одиночество из общества, чтобы спасти от него людей. Они смогут обратиться за помощью при тревоге, депрессии или другом известном и легко поддающемся лечению состоянии.

Смотрю видео. Сотни лучших ученых, исследователей и врачей собрались на конференцию, чтобы обсудить свои находки. Они утверждают, что название придает явлению силу и что, если допустить концепцию одиночества, люди с большей вероятностью будут думать, что одиноки, и от этого страдать.

Принято решение считать одиночество ложной концепцией. Это уловка разума, а не реальное состояние.

Следующие материалы созданы спустя десятилетия. Совсем недавние. Я читаю секретные исследования, отслеживающие появление у людей странного чувства. Подпольные научные и медицинские сообщества вместе собирают данные для доклада, делятся изысканиями. Тот самый доклад, который показывала нам Джанет.

Просматриваю все секретные материалы от начала до конца, дважды.

А потом закапываюсь в источники. Отслеживаю каждую статью, все видео, записи, и, к моему удивлению, все они, похоже, достоверны. Некоторые даже приводят меня обратно к Программе! Снова и снова просматриваю все, а потом в глазах режет, как будто песка насыпали, и они сами

собой закрываются.

Внезапно я уже не в полутемной спальне. Я в ледяной лаборатории. Ничего не записываю и не провожу исследования. Не на своем месте, не сортирую данные. Я в комнате наблюдения, но на этот раз внутри, по ту сторону стекла.

Комната абсолютно, гнетуще пуста. Меня окружает безупречная белизна, чистота и бесконечность. Густая, белая, как молоко. Я знаю, что одна стена прозрачная с той стороны, но не знаю которая. Знаю, что Маша смотрит на меня. Чувствую, что он там, но не могу дотянуться. Открываю рот, чтобы его позвать, но звука нет. Пытаюсь кричать, но оглушительная тишина давит на барабанные перепонки, забивается в горло, и я луплю кулаками в стену, чтобы мне помогли, но никто не приходит меня спасти.

* * *

На следующее утро я плюхаюсь на бордовые подушки дайнера, а русская женщина опять попрекает меня, что я тощая. И идет на кухню за арахисовым маслом, тостом и мисочкой шоколада.

Мне нужен был воздух, движение. Нужно было где-то подумать, и ноги сами привели меня сюда,

где шумно и густые запахи.

Женщина ставит тарелку на стол, показывает на мешки у меня под глазами, говорит, что я плохо выгляжу, уходит и возвращается с дымящимся кофейником, наливает кофе в кружку и ставит передо мной.

— За счет заведения. — Она подмигивает.

Выдавливаю улыбку, благодарю как можно более искренне, потому что никогда еще я не нуждалась так сильно в кофе, и делаю пометку узнать, что значит «за счет заведения». Потягивая кофе, наслаждаюсь волшебным вкусом обжаренного зерна. Потом не спеша намазываю арахисовое масло на тост, до самых краев. Аккуратно поливаю сверху шоколадным сиропом, рисуя идеальную спираль. Восхищаюсь своим творением, кусаю и жую, глядя в окно. Тусклое отражение жует и глядит на меня в ответ.

Она видит меня насквозь.

Знает, что я тяну время.

Знает, что нужно принять решение, а я просто сижу и смотрю, как я ем тост. Я глотаю и отвожу взгляд.

Штука в том, что я не могу выбросить из головы прогулку с Джанет. И данные, которые прислал Крис. И свой сон. Не могу избавиться от глубоко

укорененного ощущения, что совершаю ошибку, и при этом не знаю, в чем ошибка: остаться или уйти.

Вся моя жизнь до этого Распределения была черно-белой. Каждое решение — простым. Что угодно, лишь бы подальше от убогой, посредственной жизни Синди и Грега, от их возмутительной манеры просто допускать события. Я хотела чего-то другого. У меня были цели и амбиции. Контроль. Предназначение.

Но в этом душном дайнере, в этом рассыпающемся городе все кажется далеким. Не могу вспомнить, это я хотела работать в Большой пятерке или просто все говорили, что я должна. Не могу вспомнить, хотела ли я заниматься каким-нибудь из наших проектов или просто Маша сказал, что это важно. Не знаю, что делать, во что верить.

Если сейчас уйду, устроюсь в компанию Большой пятерки и в конечном итоге возглавлю отдел, буду ли в глубине души потом гадать, что было бы, если бы я осталась и узнала, чем кончится проект «Вики»?

А вдруг одиночество и правда существует? Что, если Правительство действительно в деле и это крайне важно? Что, если другие консультанты без

меня провалятся? Или хуже того — справятся?

Отпиваю еще кофе и ставлю кружку. Теперь девушка смотрит на меня из черной жидкости, идет рябью. Незнакомка. Узнаю ее, но почти не знаю. От себя не убежишь.

Если вернусь в квартиру, дособираю вещи и сяду на самолет, стану ли я тем человеком, который всегда сбегает, когда становится трудно? Но ведь человек, который никогда ни к чему не привязывается, ничем не лучше того, кто на все соглашается?

Разглядываю край кружки с налипшими крупинками кофе. Если бы в материалах, которые я штудировала ночью, нашлись ошибки или логические противоречия, было бы проще. Но нельзя отрицать, что источники доклада внушают доверие.

У меня все еще масса вопросов. Как работает одиночество? Зачем его удалили, как его удалили? Но даже если я пока не все понимаю, источники заслуживают внимания. И если в проекте участвует Правительство, это может быть очень важно.

— Еще кофе? — спрашивает русская, и я подскакиваю от неожиданности. Она наполняет мою кружку, не дожидаясь ответа. — Почему сегодня

не ешь?

Мы обе смотрим на мой прекрасный тост. С одним откушенным кусочком.

— Ой, простите. Я задумалась, — пытаюсь объяснить я.

— Задумалась? — смеется она. — Люди столько времени понапрасну тратят на мысли. Волнуются о том о сем. Но знаешь что?

Она делает паузу, и я не понимаю, хочет ли она, чтобы я угадала ответ.

— Думать хорошо, но делать — еще лучше, — говорит она, взмахивая странным здоровенным кофейником.

Я опасаюсь, что кофе расплещется по всему дайнеру.

— Лучше делать? — неуверенно переспрашиваю я.

Не знаю, стоит ли посмотреть ей в глаза.

— Именно. Можно сидеть тут весь день и думать, но ничего не случится. Нужно пойти и что-то сделать. И тогда что? Ты сделаешь, ошибешься. Но ты хотя бы попыталась.

Она наклоняется и смотрит прямо на меня. В ее глубоко посаженных светло-карих глазах с припухшими подглазьями пляшут золотистые искорки.

— Ты только не бросай, ладно? Старайся. Я так и говорю своим сыновьям, но они меня не слушают. Ужас до чего ленивые, жуткие лентяи. Но может, ты другая. Надо рисковать, надо пробовать!

— Ладно, — говорю я и киваю.

Кажется, я поняла. Кажется, я знаю, что делать.

— Вот и славно. А теперь поешь, — командует она, придвигает ко мне тост и уходит к другому столу.

Я вгрызаюсь в тост и яростно печатаю на телефоне, добавляя в программу данных информацию об этой женщине и как она между делом взаимодействует со всеми. Если Вики заработает, ей нужно знать, как вести такие короткие пустые разговоры, на которых столько всего держится.

Часть вторая

Глава 9

Я потягиваю кофе на кухне и считаю пузырьки на стенке чашки. По экрану проносятся уведомления из «Дома»: Марио играет на гитаре; Жозефина создала новую серию арт-объектов, вдохновленную овощами; Джейн вышла замуж. «Дом» только просыпается. Помимо воли гадаю, чувствует ли кто-то из них одиночество, не осознавая этого и не умея объяснить. Переживает ли осознанную изоляцию, описанную в докладе.

Пью кофе за шатким кухонным столом, ожидая указаний. Я только что приняла судьбоносное решение, но ничего не изменилось. Квартира выглядит так же, я выгляжу так же, кофе на вкус такой же.

Наконец на экране возникает сообщение от Криса. Он не спрашивает о событиях последних трех суток, не спрашивает про секретные материалы или про доклад об одиночестве, не интересуется, почему я вчера так долго была офлайн. Он спрашивает про снег.

«Разве не волшебно, — пишет он, — как снег покрывает город миллионом стеклянных осколков? Как магической пылью? Кокаином? Сахарной

пудрой? Капельками застывшей слюны?» За окном летят наискось снежинки, ударяясь в стекло. Как я их раньше не замечала?

Мы беседуем, и ком в животе постепенно рассасывается. В Программе меня бы допросили. Куда исчезла. Почему не послушалась. Не оправдала ожиданий. Но Крис дает мне выдохнуть. А потом назначает новую категорию: «Тело». Каково это — находиться внутри тела? Как влияют друг на друга тело и разум?

крис [10:12]
а, еще кое-что
ли [10:12]
конечно, что
крис [10:13]
нужно поменять стратегию
мы посмотрели на данные
и некоторые работают лучше
ли [10:13]
а, ладно, отлично
какие?
крис [10:13]
нужно больше включенных наблюдений
например
как ты вчера собрала
очень пригодились

Я смотрю, что добавила вчера. Фото дайнера, меню, женщины, которая сидела напротив и уронила тарелку. К этому наспех записанные подробности:

09:59 Русская женщина, работает в дайнере. Всегда торопится. Прихрамывает, но еле заметно. Рукава закатаны до локтей. Всех зовет «деточка». Иногда кивает в такт музыке. Смех внезапный, взрывной. Но в основном хмурится. Говорит с людьми о случайных вещах: облаках, сиропе, налогах. Искренне улыбается. Дает людям советы: «Думать — это хорошо, но делать — лучше».

крис [10:13]
мы уже скормили Вики тонны общих сведений
из других систем
так что тебе надо собирать специфичную инфу
как руководство для ИИ
на что обращать внимание
понимаешь?
ли [10:14]
ок
больше включенных наблюдений
крис [10:14]

да, супер

«Хорошо», — думаю я. Видим закономерности, следуем им. И теперь определилось направление. Выходит, тот розовый был прав, добавляя наблюдения из реального мира. Откуда он узнал, как надо?

Глядя на свои записи из дайнера, я понимаю, что тоже могу так. Могу опираться на опыт из комнаты наблюдения. Могу расти как исследователь: учиться, адаптироваться. И раз Правительство в деле, то, когда мы добьемся успеха, смогу работать где захочу.

Преисполненная решимости, ныряю в портал. Начну с того, что умею лучше всего, а потом снова рискну выйти наружу. Поднимаю экран и смотрю стримы фитнес-инструкторов. Захожу на виртуальную конференцию, где ученые показывают изображения клеток кожи, разбираю слои: дерма, эпидермис и гиподерма. Кожа такая странная и такая всесильная, удерживает вместе все части человека.

Я погружаюсь в исследования, теряюсь в фактах, идеях, мнениях о теле. Хотя в голове пока что неразбериха и я все еще волнуюсь, верное ли решение приняла, в самой глубокой моей глубине что-то говорит, что я наконец-то делаю то, что

должна, наконец-то поступаю правильно.

* * *

В интернете тысячи людей выкладывают видео, на которых плачут. Брови сведены. Губы изогнуты. Глаза так зажмурены, что почти исчезли. Эти странные видео мелькают в ленте в огромных количествах, и любой может нажать на паузу, перемотать и посмотреть снова.

На моем экране лицо маленькой веснушчатой девочки-подростка с опухшими веками наливается красным, и тут поверх нее всплывает сообщение. Никита приглашает меня на вечеринку? На чье-то новоселье?

Сообщение зависает на миг и исчезает. Наверняка это Джанет ее подбила, после того как ошеломила нас докладом. Я еще не видела остальных и не знаю, что они думают, как отреагировали. Так странно месяцами работать в одном проекте и только теперь узнать, зачем он нужен.

Благодарю Никиту за приглашение и отвечаю, что не смогу прийти. Я в ударе и чувствую, что данные в категории «Тело» мне удались лучше всего. Подросток на экране все плачет, потом исчезает, начинается другое видео — кто-то лезет по лестнице, танцует на крыше, спускается

обратно.

Никита на всякий случай отправляет адрес, и я из любопытства жму на ссылку. Это новый высотный дом в даунтауне, спроектированный в целях укрепления комьюнити. «Роскошь», — сообщает сайт, это слово выскакивает, распадается на пузырьки и загружается снова. Листаю видео — старые мраморные лестницы, новый высокоскоростной лифт, динамический бассейн с водной акустической системой и ежедневные мероприятия для поддержания дружбы, — и мне приходит в голову, что, возможно, стоит сходить.

Что там говорил Крис — нам нужно больше данных от включенного наблюдения, но у нас нет системы, которая помогла бы мне их получить, а значит, мне придется организовать такое исследование самостоятельно. И тут такая возможность.

Листаю фото здания, и, глядя на панорамы с крыши, решаю сходить ради Вики. Буду делать заметки о том, каково это — быть физически в одном пространстве с другими людьми и что люди тогда делают, как себя ведут.

* * *

Лифт глянцево-черный, и, поднимаясь на одиннадцатый этаж, я рассматриваю в отражении свой силуэт и заправляю за ухо прядь безжизненно-каштановых волос. Вероники не было дома, поэтому я оделась как обычно, наугад вытащив вещи из комода, и теперь думаю, не стоило ли одеться получше. Изучая тело, я выяснила, что люди одеваются так или эдак и поступают так или эдак, чтобы выделиться. Но в то же время некоторые хотят выделиться, чтобы вписаться. Очень запутанно.

Дзинь. Лифт высаживает меня напротив приоткрытой двери в квартиру 9D. Мнусь снаружи несколько секунд, раздумывая, войти или сначала нажать овальную кнопку звонка. Пока я колеблюсь, кто-то открывает дверь и чуть не врезается в меня. Извиняясь, мы меняемся местами.

Войдя, сразу начинаю делать заметки в телефоне. В квартире много углов. Группа людей стоит на кухне у разномастных подносов с едой. Другие тесно сидят на диване или рядом на полу и молча глядят в большой экран. Внезапно на экране появляется вопрос: «Ты любишь спорт?» Я наблюдаю, как внезапно завязывается разговор.

Громкий, какофоничный, несогласованный.

Из ниоткуда возникает бледная женщина в платье в цветочек и представляется хозяйкой. Говорит, что очень рада меня видеть, что слышала обо мне много хорошего. Я сразу забываю ее имя, и она не спрашивает мое. Так же внезапно, как появилась, она ускользает в калейдоскопе лиц, красок и запахов. Я забиваюсь в угол, чтобы без помех продолжать наблюдение.

Разговор иссякает. Люди, которым больше нечего сказать о спорте, терпеливо ждут, сидя или подпирая стену. Я оглядываюсь в поисках Никиты, Криса или Теда. Финансиста. Пронзительной Хохотушки. Долговязого. Хоть кого-нибудь знакомого. Квартира затихает, и тогда всплывает новая подсказка: Какой последний сон ты помнишь?

Снова гомон. Оглушающий, ревущий, ликующий, пугающий. На кухне стоит зеленая бутылка шампанского с золотой этикеткой. Бутылка высотой с двухлетнего ребенка, и гости наклоняют ее, отчаянно пытаясь налить шампанского в высокие бокалы.

— А, эта нелепая вещь? — говорит хозяйка в шуршащем платье. — Босс подарил его Майку после завершения крупной сделки.

Записываю в программе данных для Вики:

Женщина ростом 5 футов 4 дюйма с бледно-каштановыми волосами, в струящемся платье расхаживает по маленькой комнате и приветствует всех объятиями, даже незнакомых. Часто всплескивает руками, но грациозно. Любит хвастаться своими вещами. Касается своего партнера, когда он рядом, показывая, что он принадлежит ей.

Партнер — мужчина ростом 5 футов 9 дюймов с прямой линией губ. Весь вечер он стоит, скрестив руки, рядом с двумя другими мужчинами. Когда его партнерша подходит и касается его груди, предплечья, локтя, он не отстраняется, но и не отвечает ей тем же.

— Тебе весело? — спрашивает у меня над ухом мужской голос, напоминающий автомобильный клаксон.

Я вздрагиваю, роняю телефон и сильно ударяюсь рукой о стену, пытаясь его поймать. Пальцы на миг немеют — пястные кости, автоматически подсказывает мозг, цепляясь за известные данные. Поднимаю телефон и выпрямляюсь, подозрительно глядя на мужчину. Он сглатывает, тянет ворот зеленой рубашки и указывает на экран, где дрейфует новая подсказка: Тебе весело?

Я рассматриваю мужчину: редеющие волосы, щеки в красных пятнах.

— Да, — говорю я неуверенно.

И озираюсь в поисках чего-нибудь, чего угодно. Вслед за мной он смотрит на зеленую бутылку:

— Хочешь?

— Да, — повторяю я.

Почему он со мной разговаривает? Это не входило в план. Мужчина идет на кухню, сражается с бутылкой и приносит мне бокал. На поверхности лопаются пузырьки и брызгают мне в лицо. Мы с мужчиной смотрим друг на друга, не зная, что делать дальше.

— Хорошо придумали с этими роскошными квартирами, — говорит он. — Студии, но комьюнити.

— Ты здесь живешь?

— Да, в соседней квартире!

— Круто.

В вороте рубашки не видно ни волоска, только голая кожа. Я делаю заметку в телефоне. Надо ли Вики знать, как найти правильный момент, когда посоветовать человеку застегнуть рубашку. Или она станет такой подругой, которая не против, чтобы друзья носили что угодно?

— Да, убойный новый дизайн. Кастомный, для

людей, которые живут одни, но все равно хотят домашних вайбов. Тут даже кино по вечерам!

— Вот здорово! — говорю я, отчаянно изыскивая в памяти подсказки, как реагировать на такого человека. В голове всплывает картинка из «Дома» — люди стукаются бокалами один о другой, «ура!», — и я стукаюсь с ним бокалом:

— Ура!

Я двинула бокалом слишком резко, и чуть-чуть шампанского выплескивается.

Мужчина смеется и делает глоток, я тоже делаю глоток, и мы смотрим на остальных, а они замолчали и смотрят на нас. Тут наконец-то я замечаю Никиту: она изящно опирается на балконные перила.

— Спасибо, — бормочу я и улыбаюсь, медленно отступая за диван поближе к балкону, к Никите. Достаточно близко, чтобы она меня видела, но достаточно далеко, чтобы продолжать работу и наблюдать за поведением людей в комнате.

Ночью я так измотана, что не могу спать. Помещения, где много людей, искрятся энергией, но и забирают ее, даже если я пришла только ради исследования.

Полевая работа сродни медитации — как будто теряешь сознание, а потом приходишь в себя с

подробными данными. Не в смысле, что я правда теряю сознание, это, скорее, про ритм: я растворяюсь в задаче, не думая ни о чем другом. Во время работы я чувствую поток, синхронность, все словно движется одновременно. Все как будто гладкое. Наблюдай, оценивай, записывай, повторяй. И время течет прекрасно, широко, словно гравитацию отменили.

Но теперь я лежу в кровати, разглядываю следы кисти на стене, и информация возвращается в разных формах, витает вокруг меня. Вспышка: худощавая хозяйка в цветастом платье. Было ли у меня когда-нибудь такое платье? Шелковое? С маленькими цветочками?

Открываю комод — там та же одежда, что всегда, те же брюки, те же рубашки. Снова ложусь на кровать и смотрю в потолок.

Губы. Хозяйкины губы. В застывшей полуулыбке с оттенком красного. Губы Никиты тоже выделялись, сияли. А мои как бы смотрелись, если наложить чуть-чуть блеска? Добавить чуточку цвета?

Пузырики. И человек с залысинами. Его внезапно высокий голос, похожий на автомобильный гудок. Так же было мило с его стороны — принести мне выпить? Я, кажется, никогда в жизни не

приносила никому выпить, даже стакан воды.

Засыпаю медленно, и в моих снах вращается коллаж из частей тела: согнутые руки, длинные ноги, рельефные мышцы спины под рубашкой.

Утром за дверью квартиры нахожу небольшой пакет. Проверяю имя раз, другой — очень странно, но это мне. Разворачиваю — внутри бальзам для губ, и я тут же вспоминаю, как заказала его в полусне-полуяви.

Наношу бальзам на губы так же, как это делала Вероника, как многие люди в роликах онлайн, и удивляюсь восковой корочке, и вдыхаю резкий синтетический фруктовый аромат.

* * *

Когда я в первый раз после доклада об одиночестве прихожу в офис, Тору и Джанет нигде не видно. Необычно тихо, и никто не упоминает ни доклад, ни собрание. Все работают, опустив головы. Впервые мне хочется услышать разговор на кухне. Тишина кажется неуместной, вязкой, и день тянется медленно.

Когда офис пустеет, я собираю вещи и вызываю лифт.

Двери почти закрылись, но между ними просовывается рука. Кошачий Глаз. Она заходит и

смотрит на меня, пока двери снова закрываются. Я никогда не замечала, какая она низенькая, мне по плечо. Мы смотрим друг на друга, а лифт летит вниз так быстро, что у меня закладывает уши.

— И что думаешь? — спрашивает она.

Вопрос подозрительно неконкретный.

— О чем?

Я надеюсь, она спрашивает про доклад, потому что хочу узнать, что думают остальные, но я не ожидала, что это будет вот так, один на один, лицом к лицу. В Программе для этого существовали форумы для анонимного обсуждения.

Идем по коридору к выходу, где нам подмигивает камера безопасности. Я широко улыбаюсь, и Кошачий Глаз тоже, камера регистрирует, что мы довольны рабочим днем, и дверь открывается, выпуская нас.

— О докладе. О стертой эмоции. Обо всем, — говорит она, когда мы уже на улице и достаточно далеко от офиса.

Ей страшно произнести слово «одиночество»? Я перекатываю буквы в уме, каждый раз слово на вкус незнакомое, жженое.

— Все еще перевариваю, — говорю я.

Она знает, что я чуть не ушла? Может, она тоже чуть не ушла? Поворачиваюсь, и она шагает сле-

дом, подстраиваясь под меня.

— Да, и я.

Мы переходим улицу и вливаемся в поток людей, идущих в верхнюю часть Манхэттена. Я шагаю быстро, но она не отстает. Мне не терпится узнать, что она думает, кто она, откуда пришла, но я не знаю, с чего начать. Как спросить. Резко останавливаюсь и отхожу на край тротуара. Она тоже, и мы стоим, опираясь на гладкий мрамор здания, пропуская других, и ее зеленые глаза буравят меня.

— Так ты веришь в него? В одиночество? — спрашивает она вдруг, грубо, чтобы скрыть отчаяние, замешательство. Выплевывает это слово, и оно повисает в воздухе.

Я смотрю вверх, на устремленную в небо мраморную стену, тенью нависающую над нами. Трудно сказать, верю ли я в то, что не вполне понимаю. Не то чтобы я готова это признать. Я пыталась вытеснить доклад из головы и сосредоточиться на том, что могу контролировать: на изысканиях. Но каждый раз, закрывая глаза, все равно вижу странные голубые точки, материалы от Криса, лицо Маши, который так резко меня одернул.

— Алло? Кто-нибудь дома? — спрашивает Ко-

шачий Глаз, не отрывая от меня взгляда.

— Ой, прости, да.

— Что «да»?

— Я верю в доклад. В данные. Я все проверила, они достоверные.

— Я не про данные спрашиваю. А про саму концепцию. Но если не хочешь об этом говорить, все нормально. Мне кажется, ты вообще не хочешь ни о чем говорить. Как будто считаешь себя лучше нас или типа того.

— Что? Нет, не считаю, — удивленно отвечаю я.

Может, и считаю, но не хотела никого обидеть или чтобы другие это поняли.

Несколько мгновений мы молчим. Вспоминаю, как Синди и Грег говорили, что, если ты умная, другим людям от этого может быть неудобно. «Люди просто боятся тебя, вот и все. Старайся не выставлять людей дураками. Постарайся не использовать такие сложные слова. Пожалуйста, хоть раз попробуй вписаться».

Но я старалась. В Программе одобряли предельную сосредоточенность и целеустремленность. Так что я вела себя так же и здесь. Думала, что другие воспримут это как знак уважения к ним, к проекту. Однако теперь мне приходит в голову,

что у остальных, вероятно, были другие Программы, и, может, есть другие способы работать, неизвестные мне.

— Слушай, не важно. Я просто рада, что они рассказали нам, что происходит, — вздыхает Кошачий Глаз. — Я знала, что они что-то скрывают, но не могла понять, что именно. И точно не ожидала обнаружить новый эмоциональный концепт.

— Да, и я, — говорю я, радуясь, что она сменила тему.

— Судя по тому, что я читала, Вики может стать идеальным решением для проблемы одиночества. По крайней мере, исходя из того, что я смогла собрать.

— Да, это правда.

— Ты раньше о нем слышала? — спрашивает она, глядя на меня очень пристально, будто изучает мои поры.

— Об одиночестве? — спрашиваю я, доказывая, что тоже могу произнести это слово.

Она кивает.

— Да, но только раз. Между делом, — признаюсь я, и мне тут же становится чуточку легче.

— Правда? Где?

— Упоминалось в архивном исследовании,

давно, но это все, — говорю я.

Она кивает, подробностей не требует, и я понимаю, что она понимает. Иногда, когда зарываешься глубоко в порталы, находишь странные вещи. Может, я недооценивала остальных. Может, они тренированнее и опытнее, чем я думала. И тоже хотели бы оказаться не здесь. И мы все собрались тут не просто так.

— Какая дичь, — говорит Кошачий Глаз. — Но может, если Правительство в деле, то все серьезно.

— Да, именно, — говорю я и добавляю после паузы: — Тебя Крис просил добавить больше данных наблюдения?

— Да. Разумно. Наши материалы должны основываться на опыте, прорастать из реального мира, раз они уже скормили ей столько данных.

Мы стоим бок о бок, прислонившись к мрамору, и холод камня просачивается в нас. Интересно, о чем она думает, нравится ли ей здесь, в этом странном городе, по чему из прежней жизни она больше всего скучает.

— Слышала про Роба и Таню? — спрашивает она.

— Про кого?

Надо как-то научиться запоминать имена. Но

столько всего творится, что самые очевидные вещи не задерживаются в голове.

— Роб. Таня. Они всё.

— В каком смысле?

— Всё. Ушли. Уволились. Свободны. Сказали Джанет и Тору, что не верят в это.

Я замираю. Она, видимо, про Финансиста и Пронзительную Хохотушку: в офисе я их сегодня не видела. Как же я упустила из виду их отсутствие? Почему я пропускаю столько важных мелочей? Стараюсь не показывать удивления, но уверена, что она заметила.

— Почему? — спрашиваю я и добавляю: — Их кем-то заменят?

— Без понятия, — говорит она, крутя серебряные кольца на пальцах, одно, другое. — Проект вроде важный. Так зачем уходить? Они знают то, чего не знаем мы?

И впрямь странно, нельзя не признать. Вспоминаю собственные сомнения. А Джанет ходила к этим двоим, говорила с ними, как со мной? Не знаю, рассказывать ли об этом Кошачьему Глазу, но не хочу признаваться, что сомневалась в проекте. Что почти решилась на необдуманный шаг. Какой исследователь так себя ведет?

— Может, они не поразмыслили как следует. —

Мои слова звучат довольно жалко.

— Ха! — восклицает Кошачий Глаз, и проходящий мимо мужчина подскакивает от неожиданности.

Но она не смеется. Она настроена так серьезно, что я пугаюсь и восхищаюсь одновременно.

— Никто из нас толком не может поразмыслить. Особенно когда столько всего валится на голову. Но не важно. Не знаю, как ты, а я хочу, чтобы Вики заработала. Так что держи меня в курсе, если что-нибудь узнаешь, а я буду держать в курсе тебя.

Киваю. Она тоже пытается сделать карьеру? Чего она хочет? Она знает кого-то, кто одинок?

— До завтра, — говорит она и медленно отходит.

Мы смотрим друг на друга, пока она не отворачивается первой, вливаясь в поток людей, текущий в даунтаун.

* * *

На следующий день я из-за своего стола наблюдаю за лифтом, надеясь услышать высокий голос Пронзительной Хохотушки или увидеть широкоплечую фигуру уверенного Финансиста.

К десяти утра уже понятно, что они не придут.

Их столы пустуют и создают зловещую дыру между мной и остальными — Кошачьим Глазом, Проволочной Оправой и Долговязым, который сидит на другом конце нашего ряда.

Две противоположные мысли вращаются вокруг друг друга. Дело плохо. Противно признавать, но с нашей текущей стратегией чем больше мозгов работает над задачей, тем лучше. Однако не могу не думать и о другом. Это хорошо. Потому что, когда Вики заработает, всем будет проще увидеть, что это моя заслуга.

Когда я встаю за вторым кофе, кошачьи глаза прожигают мне шею. Возвращаясь к столу, я отпиваю глоток и замечаю, что кружка, уловив мое настроение, стала чернее тучи. Когда наши взгляды встречаются, Кошачий Глаз поднимает брови: «Я же говорила».

Глава 10

Джанет отворачивается от экрана и моргает раз, другой, третий, чтобы глаза приспособились. За окном небо стало чернильным. Она встает налить еще бокал вина и смотрит на безбрежную кляксу ночи. Должно быть, уже поздно — да, уже два часа.

В нескольких окнах напротив маячат огни. Глядя на них, Джанет решает сделать практику благодарности, чтобы снизить уровень стресса. Вики неплохо продвигается, но последние несколько недель выдались беспокойные.

Так что Джанет отпивает вина и спрашивает себя, за что она благодарна. Прямо сейчас? В этот самый момент? За то, что она здесь, в этом странном городе с характером. В городе, где можно оторваться от работы в два ночи и увидеть, что в доме напротив тоже кто-то не спит.

Когда они с Тору только начинали этот проект, Джанет настояла, чтобы штаб-квартира находилась в Нью-Йорке. Тору был в восторге. Не только потому, что здесь офисы сдаются дешевле и больше бюджета оставалось его команде, но и потому, что это был неожиданный вариант. Не-

обязательно иметь гламурную штаб-квартиру в одном из современных городов вроде Колумбуса, Миннеаполиса или Милуоки.

Но у Джанет были причины приехать сюда. Она знает, что для успеха нужна правильная комбинация денег, талантов, ресурсов, времени, удачи и места. Последний пункт часто забывают: окружение важно. То, где вы находитесь, влияет на то, кем вы станете. То, на что вы смотрите, что вас окружает, в цифровом или физическом плане, влияет на то, как вы действуете и во что вкладываетесь.

И хотя этот древний город в Сети изображают мертвым, потерянным, разрушенным, пустым, Джанет лучше знать. Она сама все проверила. И видит, что здесь еще осталась энергия в ткани тротуаров, в ненадежности, соединяющей новое и старое. Она выбрала Нью-Йорк, потому что когда-то это был эпицентр историй, творчества, и у людей здесь все еще есть мечты, спрятанные за холодными неулыбчивыми лицами, проносящимися мимо, за миллионами закрытых дверей. Такого биения пульса она не ощущала больше нигде. Может быть, здесь не так оживленно, как на Среднем Западе, который шагает в ногу с будущим. Но будущее одиноко.

Джанет хотела, чтобы штаб-квартира была здесь, в этом городе, потому что собрать данные может кто угодно, но не всякий может сложить из них историю. А именно это, по сути, делают консультанты в области человечности: с помощью переживаний и подробностей рассказывают Вики историю о том, что значит быть человеком. Вот это и есть недостающий фрагмент. Вот почему никто другой не смог сделать этого раньше. Они забыли, что люди состоят из историй.

Так что да, за все это Джанет благодарна, очень.

Отвернувшись от окна, она проводит рукой по истертой кирпичной стене квартиры, по рабочему деревянному столу. За них она тоже благодарна. Вот почему она сняла эту квартиру: из-за стола. Большой, подкупающе устойчивый. Таких она не встречала уже давно.

Джанет знает, что нужно лечь спать, отдохнуть. Нужно заканчивать вечер сейчас, когда она успокоилась в волнах благодарности. Но она наполняет бокал вином и садится обратно за массивный стол.

Штука в том, что порой Джанет наслаждается напряжением. Купается в нем. Приветствует его.

Если оно негромко гудит под поверхностью,

значит проект стоящий, достаточно сложный, пробуждает жизненные силы, способен раздразнить ум. А больше всего Джанет любит, когда ей бросают вызов.

Кроме того, хаос последних недель означает, что они достигли точки невозврата, кульминации, как это называет Джанет. Они с Тору не раз проходили ее прежде, и оба втайне наслаждаются: это момент, когда все либо складывается, либо распадается.

Она знает, что именно поэтому Тору месяц назад перевел сюда всю техническую команду. И поэтому она наконец затребовала у Правительства разрешение поделиться докладом об одиночестве с консультантами.

Они оба устремились к точке невозврата, когда риск больше не опция, а необходимость. Когда у тебя нет выхода, начинаются настоящие инновации. Или, как они с Тору предпочитают думать, настоящее веселье.

Джанет пьет вино и листает профайлы консультантов на экране, спрашивая себя, додумается ли кто-нибудь из них? Смогут ли они теперь, когда у них было несколько недель переварить доклад, осознать, что их чувства, нынешние или прежние, и есть то самое, для чего они ищут

решение?

Вот почему они с Тору перепрограммировали Систему Распределения. Выбирая консультантов, они искали не просто квалифицированных исследователей, но и людей, знакомых с опытом одиночества, каким бы оно ни было, как бы ни проявлялось. Людей, которые чувствовали, как оно разрастается внутри. И все еще чувствуют, как оно неотвязной тенью порхает вокруг.

Из всех разговоров с учеными, стоящими за докладом, Джанет узнала одну ключевую вещь: люди готовы на все, чтобы перестать быть одинокими. И даже если консультанты не осознают своего одиночества, они все равно чувствуют первобытную необходимость исправить положение. Вот что Джанет умеет делать лучше всего: собирать команды, которые пожертвуют всем ради целей компании. И их нынешние сотрудники готовы отдаться проекту.

Все, кроме этой девушки. Джанет просматривает профайл Ли. Не странно, что она попыталась уйти. Единственная из всех отобранных, кому неведомо одиночество. Система Распределения предупредила их, выделив несоответствие красным.

Джанет с самого начала гадала, станет ли

девушка от этого менее преданной. Сможет ли сочувствовать тому, чего никогда не испытывала.

Слава богу, Ли оказалась достаточно наивной, чтобы нарушить соглашение. И всего лишь ради того, чтобы связаться со своим прежним преподавателем. Она правда думала, что он обрадуется новостям? Какая жалость. Джейн думала, что в приветственном пакете ясно дала понять: сообщения не дойдут.

Она листает профайл Ли и не знает, что думать. Не понимает, что именно все еще тревожит. Может, тот факт, что ее данные и правда хороши. Полезны. Тору говорил, что технари недавно заметили, что показатели растут; качество стало еще выше. Джанет вспоминает недавний разговор. Стыдно ли ей за него? За то, что она точно знает, как задеть Ли?

Нет. Нисколько. Это ее работа — обеспечивать бесперебойную работу людей и процессов. Находить мотивацию для команды и жать на все кнопки, чтобы Вики заработала.

Терять сотрудников точно не входит в обязанности Джанет. Не в разгар проекта. Только не Ли. Да и никого другого тоже нельзя терять. И уж точно не двоих сразу, думает Джанет, выходя из профайла Ли и открывая профайлы тех двоих

консультантов, которых пришлось отпустить. Которые удивили ее.

Джанет знает, что наблюдать за ними теперь — напрасный труд, но не может удержаться.

Ее тревожит, как она это пропустила; не предвидела. Просмотр их профайлов — своего рода наказание, напоминание о том, как все может повернуться, если утратить бдительность.

По условиям соглашения они с Тору могут использовать любые данные консультантов до завершения проекта «Вики», поэтому Джанет видит, что эти двое устроились в компании среднего уровня в Огайо. Что они еще вместе, во всяком случае пока. Листая профайлы, Джанет прикидывает — не со злости, конечно, из любопытства, — кто из них первым причинит боль другому.

Во время последнего разговора они, держась за руки, сказали, что просто не верят в проект. И не хотят заниматься тем, чего не существует.

— И кроме того, даже если это правда, — сказала девушка дрожащим пронзительным голосом, — хотя мы знаем, что на самом деле нет, нам просто не нужна в жизни такая энергетика, понимаете?

Парень кивнул и поцеловал ее в макушку, губами коснулся пробора. Мимолетный жест, но

именно этот образ стоит перед глазами у Джанет, когда она пытается расслабиться. Незначительная нежность снова и снова вспоминается ей в ночи.

Может быть, это вино, а может, время, но из-за их фото, зависших бок о бок, Джанет внезапно охватывает ностальгия по тому неведомому, чего она не может назвать. Скорбь, призрак скорби о том пути, который она в итоге не выбрала. У нее было много любовников, но она никогда не давала им шанса на постоянные отношения. Любовь отвлекала бы, помешала бы достичь этой точки, вершины ее карьеры — приглашения работать над секретным проектом, способным повлиять на жизнь миллионов людей. Вот на что, разумеется, лучше потратить время. Да и жизнь.

Кроме того, страсть и секс легко найти где угодно через «Знакомства». И у нее есть Тору. Они есть друг у друга, чтобы работать. Сотрудничать, творить. Человек, с которым можно вместе мыслить, — самое интимное, что только можно представить. И у нее это есть, эта связь, которая переживает и увядание тела, и капризы сердца.

Джанет крутит вино в бокале. Огонек в доме напротив мигает и гаснет. Она делает глоток, вкус сухой сливы заливает рецепторы, густо ложится

на язык. В миллионный раз Джанет анализирует все, что случилось за последнюю неделю. Она должна была понять, что двое влюбленных могут сбежать. Должна была сознавать, что Ли все еще мечтает об идеале — ее так учили. По крайней мере, надо было представить доклад об одиночестве как-то удачнее. Столько лет работы, но до совершенства еще далеко.

Но ведь поэтому проект настолько захватывает, верно? Он сложный. Вынуждает пересматривать методы. Бросает вызов.

А ей давно никто не бросал вызов. Возможность потерпеть неудачу, знание, что другие уже потерпели неудачу, что Джанет совершила непоправимые ошибки и теперь должна с ними справляться, — вот это по-настоящему интересно. Снова почувствовать себя глупой? Хорошая мотивация.

Джанет собирается прикинуть план — на что обратить больше внимания, о чем почитать подробнее, где слепые зоны, — и тут раздается тревожный сигнал. Она узнает этот звук. Еще до того, как открыть сообщение, Джанет уже знает: это провал.

Допив вино, она тут же звонит Тору: надо обсудить. Она его не разбудит. Он никогда не спит. И

его замечания о недостатках чужих решений, его восторг оттого, что обогнал другую компанию, его детская радость из-за краха весьма уважаемых людей — ровно то, что ей нужно, чтобы отвлечься от предутреннего недовольства собой, грызущего изнутри.

РЕЗУЛЬТАТ ИССЛЕДОВАНИЯ — ПРОЕКТ ПРИЗНАН НЕУДАЧНЫМ

Название компании: Vital Neuron Nutrition

Основатель компании: Джуджу Дженкинс

Краткое описание проекта:

Одинокие люди, как правило, демонстрируют ухудшение когнитивных способностей, в том числе низкие уровни активности в медиальной префронтальной коре. Нужна активация дофаминергических нейронов в дорсальном ядре шва, чтобы одинокие люди могли инициировать социальное взаимодействие.

Мы выявили кальций-активируемые калиевые каналы малой проводимости (SK), которые могут изменять серотонинергические нейроны у одинокого человека. Следовательно, блокирование этих каналов может помочь в лечении болезни. Наша команда разрабатывала таблетку, которую можно принимать для увеличения активности в этих целевых областях.

Количество сотрудников: 14

Подробное описание:

Во время клинических испытаний каждый пятнадцатый участник, принявший препарат, на протяжении определенного времени испытывал индуцированную эйфорию, которая в конечном итоге переходила в кому или в состояние бреда. Продукт признан опасным, требуются дополнительные испытания в течение нескольких лет.

Вы узнали об одиночестве или о докладе об одиночестве нечто такое, что требует немедленного внимания?

Да. Данные о паттернах сна, потреблении пищи, физической активности, уровнях серотонина и нейронной активности и многое другое. Пожалуйста, ознакомьтесь с приложенной информацией и предоставьте ее другим командам, если это будет полезно.

Благодарим за сотрудничество. Мы очень ценим вашу работу.

Глава 11

Солнце льется в кухонное окно, высвечивая полосы въевшейся грязи. Я созерцаю кругляш аватарки Криса в чате — козел с длинной бородой — и размышляю, есть ли тут связь с его физическим обликом. Или с психическим состоянием. И если да, то какая.

Вчера вечером он написал, что мы закрываем категорию «Тело». Я волновалась за результаты, учитывая, что мы изменили стратегию и потеряли двух консультантов. Вдруг слишком много переменных сразу? Но к моему облегчению, мы набрали на целый процент выше, чем в других категориях, — это прогресс, пусть и небольшой.

Глядя на аватарку Криса с развевающейся на виртуальном ветру козлиной бородой, я жду нашу одиннадцатую категорию и думаю о небольшом процентном увеличении. О том, как приятно чувствовать, что работаешь продуктивно, словно движешься в мире, где все остальные застыли.

Открываю программу данных, чтобы найти «Мастер» и оценить добавленную информацию, но ссылки нет. Документ переместили?

Блям.

Десять утра, и Крис переходит к новой категории. Он, кажется, воодушевлен, полон энергии, как и я. Это из-за улучшения показателей? Или из-за доклада и необходимости работать быстрее?

Крис говорит, что придерживал эту категорию до тех пор, пока Вики не разовьется. Пока не наберет достаточно данных, чтобы понимать, общаться и учиться на более высоком уровне. В программе данных появляется новая вкладка, я открываю категорию — так и знала: «Дружба».

* * *

Фотоколлажи: люди одновременно прыгают в бассейн, лежат на диване голова к голове, так что волосы перепутались, катят детские коляски, бросают бейсбольные мячи, красуются в смешных шляпах, снова и снова смеются, снова и снова улыбаются, как будто дружба — простейшая, беззаботная шутка. История, рассказанная под звездами в теплую летнюю ночь.

Но дружба многослойна. Чем глубже я закапываюсь в архивы и сети, тем больше простота распадается, закручивается, превращается в запутанный клубок. Лучшие подруги больше не подруги после случая с ромовым пуншем на девичнике. Люди врут, что чувствуют иначе,

выглядят иначе, зарабатывают больше, — только чтобы их любили.

Вся эта штука с дружбой ужасно сложная. Не история у костра, но витиеватая эпопея, сотканная из нитей времени, из доверия. У всех свои надежды, ожидания, тревоги и потребности. Один ученый объясняет, что друзья похожи на растения: им нужны и вода, и солнце, но не слишком много воды и не слишком много солнца.

Смотрю видео с детьми, играющими в салочки, и тут слышу негромкое тиканье. Бам! Врывается поток шумов: детский плач, грохот грузовика, птица орет свою песню.

Поднимаю глаза и вижу колечко дыма, выплывающее из звукового поглотителя. Я и забыла про поглотитель! Пусть болтается — я приветствую шум и рада в него окунуться.

* * *

Вероника имеет обыкновение встречаться с одной и той же компанией. Большую часть времени они общаются по видеосвязи — на экране всплывают головы, — но иногда она приглашает их в гости. Сегодня вечером, когда я прихожу с работы, они выпивают в нашей квартире.

— Ли! О боже, как вовремя, — говорит Вероника

и идет наполнить мне бокал.

Я думаю обо всех ресерчах, которые мне предстоят. Обо всех порталах и архивах, которые нужно исследовать.

— Знакомьтесь, это Ли! Ли, это все! — говорит Вероника, не смущаясь моим молчанием.

Когда все в комнате оглядываются на меня, остается мгновение, чтобы решить, что делать. Инстинкт подсказывает уйти к себе, но я изучаю категорию «Дружба» уже больше недели, и мне пока не удалось провести качественное включенное наблюдение. Может, это идеальная возможность. Может, наблюдение за Вероникой и ее друзьями — именно то, что нужно. Для Вики.

Беру у Вероники бокал, и все представляются одновременно. Я узнаю некоторых людей с Вероникиных фотографий, но ни с кем из них раньше не встречалась. Они носят блузки пастельных тонов и обтягивающие брюки. На одной рубашка в зеленый горошек — я видела такую на днях в рекламе в метро.

Подруги по очереди рассказывают о свиданиях, на которые недавно ходили, а я делаю заметки на телефоне, добавляя их прямо в программу данных. Одна не позволяет мужчинам платить за нее. Другая медлит с ответом на сообщения как

минимум вдвое дольше, чем собеседник.

Поделившись своими историями и новостями, они выжидающе смотрят на меня.

— Меня нет в «Знакомствах», — говорю я, удивляясь, что ко мне вообще обратились.

Они принимаются с жаром обсуждать, что «Знакомства» — это забавно, но можно и обмануться, а в целом тягомотина, как жвачку жевать.

— Заведем тебе профайл в эти выходные, — решает Вероника, ко всеобщему облегчению, и все начинают сыпать советами:

— Не выкладывай фото с бывшими парнями…

— …Не вырезай людей из фотографий, это странно и эгоцентрично…

— …Хороший свет — это база…

— …Улыбка — хорошо, но не на всех фотографиях, если не хочешь выглядеть счастливой дурочкой…

— …Никаких солнечных очков…

— …Никаких укороченных топов или фоток с обнаженной грудью, ну разве только ты ищешь, с кем переспать…

— …Что тоже совершенно нормально, мы тут все феминистки…

— …И фотки надо разные, чтобы показать, что ты и красивая, и активная…

Я все записываю — для Вики, но и потому, что не знаю, как еще справиться. Похоже, тут куча правил. Я годами изучала людей и человеческое поведение. Я разве не должна все это знать? Что-то мне смутно знакомо, что-то всплывает из странных закоулков мозга.

— Какие у тебя хобби, Ли? — спрашивает та, что в зеленый горошек.

— Хобби?

— Да, что ты любишь делать?

— А, я много работаю.

— А кроме работы? — спрашивает другая, и я ненадолго задумываюсь.

— Я люблю ходить в дайнер.

Все на меня таращатся.

— Она недавно в Нью-Йорке, — вмешивается Вероника, отбрасывая светлые локоны за плечо. — Она любит читать, разбирается в кофе и бегает.

Теперь понятно, почему Вероника работает в продажах. У нее талант представлять все в лучшем свете, даже меня.

— О! Тогда надо добавить фотки, где ты варишь кофе или готовишься к марафону, — предлагает кто-то.

— Я не готовлюсь…

— Отличная идея, — говорит Вероника, все наполняют бокалы и переключаются на новую тему.

Вечером, лежа в кровати, пишу сообщение Крису, все еще разгоряченная после алкоголя, разговоров, впечатлений в пульсирующей комнате, заполненной живыми данными.

ли [22:06]
включенное наблюдение
думаю, это сработает
и поможет с цифровой базой
они дополняют друг друга
удивительно

И это правда. Чем больше я наблюдаю, тем толковее вопросы задаю, когда возвращаюсь к экрану. Как после сеанса в комнате наблюдения в Программе, только лучше. Аутентичнее. Интенсивнее. Интересно, почему Маша никогда не давал нам делать ничего подобного? Рискованно, конечно. Слишком предвзято, пожалуй.

Но в этом есть что-то настоящее и жизненное. Крис точно поймет; он понимает бурлящее во мне чувство. Какой-то заряд, заставляющий меня работать больше, и больше, и еще. Как это называется? Вдохновение?

Я лежу и думаю о том, как Вероника легко взаимодействовала в компании: сидела, смеялась, рассказывала про свидание, на котором смахнула креветку парню на колени. Взбивала светлые кудри, казалась такой счастливой. На лице лучилась улыбка с ямочкой.

В голове снова и снова прокручиваются разговоры. Я записала сколько смогла, фиксировала все и теперь чувствую опустошение, но такое, как после легкоатлетических соревнований в старшей школе. Энергия потрачена с пользой.

Хорошо. Очень хорошо, говорю я себе. Искусственный интеллект должен уметь развлекать друзей, как сегодня подруги Вероники развлекали друг друга. Так же болтать, так же сыпать историями, шутками и время от времени задавать вопросы, в самую точку.

Глаза слипаются, я заказываю в «Еде» энергетический коктейль, а когда дрон его доставляет, выпиваю залпом и поднимаю вокруг себя экран. Надо работать дальше, запечатлеть все, пока оно свежо в памяти. Пусть впечатления порождают вопросы, направляют ресерч.

Основываясь на сегодняшнем опыте, делаю запрос за запросом о дружбе, и когда Крис наконец отвечает, алкоголь уже выветрился и мне чуть-

чуть неловко. Я извиняюсь, что побеспокоила его так поздно, когда он, вероятно, занят другими делами, но он отмахивается, говорит, что всегда рад пообщаться, и спрашивает, что я наблюдала.

Рассказываю ему, как одна из подруг Вероники сидела на полу, скрестив ноги, и большими глотками пила из бокала. Она хваталась за ковер и громко смеялась невпопад, но почти не разговаривала. Другая весь вечер включала разные песни — слушает двадцать секунд и ставит новую. И кто-то наконец сказал: «Хватит, а?» Как думаешь, Вики велела бы кому-нибудь перестать переключать музыку? Смогла бы подстроиться под каждого?

Крис задает вопросы. Шутит. Анализирует наблюдения вместе со мной. Приятно, когда есть с кем пообсуждать. Когда кто-то одним своим вниманием подтверждает: то, что я думаю, наблюдаю и о чем размышляю, имеет значение.

* * *

В субботу утром Вероника три раза громко стучит в дверь и, когда я не отвечаю сразу (вдруг она ошиблась), стучит снова — лупит по двери ладонями.

— Вставай! Будем региться на «Знакомствах».

Она не забыла? Я одновременно польщена и взволнована. Наверное, ради Вики будет полезно завести профайл, просто чтобы понять, что для этого требуется, весь процесс. Кроме того, раз уж я это изучаю, нужно разобраться самой, да?

Натягиваю толстовку и причесываюсь, собирая волосы в свободный хвост. Когда я выхожу из комнаты, Вероника сидит за столом, полностью накрашенная, и что-то набирает в телефоне. Спрашивает, какие фотки я думала выложить. У меня нет никаких фоток.

— Серьезно? У тебя нет ни одной твоей фотографии? Ни одной?

Качаю головой. Вряд ли можно сказать, что все мои данные в архиве.

— Ладно, ничего. Все равно нужно делать новые, так что все по плану. Главное — помнить, что мы создаем более красивую и веселую, но совершенно ненапряжную версию тебя.

Она снова что-то печатает.

— Значит, делаем фотку, как ты бегаешь, — покажем, что ты целеустремленная. Еще фотку в кафе — показать, что ты любишь пробовать новое в городе. И потом фотку тебя в черном платье в коридоре. Покажем, что ты можешь быть и секси тоже, получится интересно и разносторонне.

— Ладно, — говорю я, хотя все это звучит абсурдно.

На улице прохладно, весенний обман: солнце уже в небе, но воздух еще кусается. И тем не менее Вероника говорит, что для фото пробежки нельзя надевать толстовку. Мы с ней на улице, в нашем квартале, и она заставила меня примерить ее старый спортивный топ, который ей уже мал. Мол, футболка недостаточно облегающая, хотя именно в ней я обычно и бегаю. «Будешь похожа на рыбу, — сказала Вероника. — Или даже хуже, на пузырь».

Иду в конец улицы, все руки в мурашках, потом бегу к Веронике, которая приседает в разных позах и щелкает камерой.

— Пробеги мимо меня, — командует она. — И лицо расслабь хоть немного, а то кажется, что тебе больно.

Я возвращаюсь на угол и пробую снова.

— Можешь волосы собрать в хвост повыше? — Она смотрит в экран. — А то кажется, что ты лысая.

Возвращаюсь и пробую еще раз.

И еще один.

И еще, до тех пор, пока Вероника не остается довольна.

Для фотки с кофе Вероника выбирает фиолетовую футболку с круглым вырезом. Говорит, что это подчеркнет мои ключицы. Мы идем за несколько кварталов в заведение с нежно-розовыми столами и белым плиточным полом, на который каждый час проецируют новые узоры. В трещинах пробиваются растения, и я узнаю это место по чужим фотографиям из «Дома». Вероника велит мне заказать латте, а не черный кофе.

Когда латте готов, мы садимся за столик у окна, и я стараюсь выполнить все ее указания: положить ногу на ногу, посмотреть налево, вернуться взглядом к камере, улыбнуться, но не слишком, не выглядеть сердитой, не хмуриться.

Вероника снует вокруг меня в поисках лучшего ракурса, наклоняется, и в платье с глубоким V-образным вырезом видна грудь. Вероника машет руками, неловко изгибаясь, и даже прикидывает, не влезть ли на стул. Я стараюсь быть достойной моделью, ведь она пышет энтузиазмом. Но уже такое чувство, что с меня слезает кожа и я остаюсь голая. С каждым снимком все сильнее горят щеки, сжимаются челюсти и хочется закричать. Могу думать только о том, как Вероника сосредоточена на мне, и лишь когда она объявляет «готово», я наконец-то могу нормально дышать.

Дома Вероника редактирует фото и создает для меня профайл. Говорит, что фотографии должны появляться в определенном порядке, иначе все зря. Если фотография, где я бегу, будет первой, свидания мне не светят. Если первой будет фотка в черном платье, набегут одни пикаперы.

— Пикаперы? — переспрашиваю я, но Вероника увлеклась и не слышит.

— Ты любишь тако? — спрашивает она. — Нужно ответить на кучу вопросов о твоих предпочтениях, чтобы подобрать идеальную пару. Любишь плавать?

— Нет.

Вероника задает еще вопросы, каждый вызывает мысли об экспериментах, наблюдениях или исследованиях других людей, и я не могу понять, правильно ли отвечаю. Обычно я отвечаю хорошо, но, похоже, не в этот раз, когда дело касается меня самой. Наблюдаю за реакциями Вероники и стараюсь отвечать так, чтобы ей понравилось. Спустя, кажется, несколько часов Вероника говорит, что все почти готово. Остался один раздел.

— Есть идеи для био? — спрашивает она, раскинувшись на зеленом диване. — Что-нибудь забавное и емкое, но не слишком унылое.

— Не знаю.

— Ладно, не парься. Спросим чатик.

Чатик? На моем телефоне вспыхивает сообщение от Вероники, и я вижу еще шесть незнакомых номеров. Кто-то тут же меняет название группы: «Крошки».

Всем привет
мы тут почти закончили с профайлом Ли
осталось био…
есть идеи?

И сразу сыплются идеи. Первая — хайку о том, как мне живется в Нью-Йорке. Другая предлагает использовать только эмодзи. Веронике эта идея нравится больше всего, и она просит чатик прислать те, что лучше всего меня характеризуют. Получается так:

{коктейль}{панда}{женщина перед экраном}{пламя}{греческая ваза}

Перед сном я открываю свой профайл, не зная, чего ждать. Разглядываю свою улыбку. Свою бегущую фигуру. Руку, обнявшую чашку. Эта женщина выглядит и красивой, и нескучной в идеальной пропорции.

* * *

На следующий день решаю побегать, потому что уже несколько часов ресерчу и не нахожу ничего толкового. Или, по крайней мере, мне так кажется — как будто я мощно стартовала утром и постепенно сдулась. Раз тут нет строгого расписания и запланированных перерывов, придется самой вычислить, когда заниматься спортом, чтобы достичь наилучшего результата.

Я бегу по тихим утренним улицам мимо граффити, которые словно адресованы лично мне: «Давай, девочка», «Крошка» и то странное, которое я увидела в первый день: «Я здесь был». Что это значит? Почему люди такое пишут? Бегу дальше, граффити остается позади, а мне все кажется, что смысл очевиден, просто до меня не доходит.

«Карты» командуют мной, указывая, куда бежать, позволяя двигаться на автопилоте и думать, пока ноги стучат по земле, а легкие качают воздух. Иногда бег помогает прояснить мысли, но сегодня все только запутывает. Как Вероника встретила Крошек? Где они работают? Что обо мне думают? Кто-нибудь уже посмотрел мой профайл на «Знакомствах»? Почему Вероника решила мне помочь?

«Карты» выводят меня на берег, и я бегу вдоль воды, сквозь утренний туман, гонимая волнениями последних двух недель. И когда тело входит в ритм, в памяти всплывают воспоминания, которые я похоронила.

Стерильный свет Программы, тихий коридор, жесткая униформа. Девушка по имени Джейн. Невероятно умная шестикурсница, единственная, кто пытался заговорить со мной, когда мы работали в лаборатории. Остальных я не виню. В конце концов, я была всего лишь первогодкой. Никто не знал, что со мной делать.

Но Джейн была эксцентричная, забавная, громкая. Она носила яркие серьги, и мне нравилось, как она проговаривала свои мысли, когда решала задачи. Как будто на миг заглядываешь ей в голову.

Однажды мы выходили из лаборатории, и она дружески пихнула меня локтем и пригласила вечером в свое общежитие.

— Будет пара однокурсников, — сказала она. — Не совсем вечеринка, просто выпьем вина, поболтаем и послушаем музыку.

— Похоже на вечеринку, — помню, ляпнула я.

Она добродушно рассмеялась, как будто я сказала именно то, что нужно.

Не помню, кто там был, какая музыка играла, какие были напитки. Не помню, о чем конкретно шли разговоры, только помню свое восхищение, когда я их слушала. Студенты говорили о своих исследованиях, спорили о теориях и немножко сплетничали о других людях в Программе. Но все это казалось важным.

В ту ночь я не могла уснуть от возбуждения, мои синапсы трещали фейерверками. Я не верила своей удаче. Наконец-то есть компания, куда я вписываюсь. Люди, которым нравилось то же, что и мне, которые меня понимали.

На следующий день я вбежала в лабораторию и рассказала все Маше. Я говорила, а он смотрел в большой экран, перетаскивая фрагменты данных из одного столбца в другой. Сообразив, что он не разделяет моего энтузиазма, осознав, что, возможно, не стоит говорить так громко и много, я замолчала, извинилась и пошла на выход.

— Знаешь, Ли, не у всех есть то, что есть у тебя, — сказал он, когда я уже отошла на несколько шагов. Он говорил спокойно, словно мы обсуждали погоду. Не отвлекаясь от своего занятия. — А если бы и было, они бы все спустили.

— То есть? — спросила я.

— Ты когда-нибудь слышала поговорку «хоро-

шее — враг великого»? — спросил Маша, водя пальцем по экрану.

— Нет. — С потолка лился ослепительный свет.

— Те, кому достаточно хорошего, никогда не достигнут величия. — Теперь он повернулся ко мне. Впился в меня голубыми глазами, холодными и теплыми одновременно.

— Джейн и прочие. У них хорошо получается. Очень, очень хорошо. Собственно, поэтому я их и выбрал. Но ты, Ли, — у тебя безграничный потенциал. Ты могла бы стать великой. Но только если не будешь отвлекаться. Понимаешь?

Я кивнула, чувствуя себя неловко в униформе. Маленькая, а вокруг приборы, экраны, столы.

— Вот и отлично. — Маша отвернулся к экрану.

С тех пор я избегала Джейн. Несколько раз она ловила мой взгляд или пыталась заговорить со мной в коридоре, а я угрызалась, отворачиваясь, уходя, игнорируя ее, но привыкла быть наедине с собой и смирилась.

Я закопалась в работу. Никто раньше не говорил, что у меня есть потенциал. Что я могла бы стать великой. Я бы пожертвовала чем угодно, чтобы меня воспринимали так, как Маша и другие преподаватели в Программе. Когда в тебя

верят, это вызывает зависимость.

Кроме того, желание быть лучше всех коренится глубоко, а во мне оно погасило все прочие желания. Заставило думать, что чувства, которые я испытала после вечеринки, были мелкие, незначительные, что само томление по таким поверхностным вещам уже постыдно.

«Карты» пищат, сообщая, что я сбилась с маршрута. И возвращают меня на улицу, по которой я бежала. Уведомления в телефоне теснятся, желая быть прочитанными. Передо мной перебегает мостовую крыса.

Я думала, что все делаю правильно. Но что, если я слишком много времени провожу с Вероникой? Отвлекаюсь на ненужное? Довольствуюсь хорошим?

При одной мысли об этом меня тошнит.

Глава 12

Крис говорит, что на улице ветрено. Записывает ветер и отправляет мне голосовое сообщение, и я слышу в наушниках, как летает, шуршит, шипит и свистит воздух.

крис [10:03]
также
тук-тук
ли [10:03]
кто там?
крис [10:03]
мышка-норушка, старая старушка
а ты кто?
(только скажи вслух, а то не считается)
ли [10:03]
а я лягушка-квакушка

Я печатаю и шепчу в экран.

крис [10:03]
иди ко мне жить!
ли [10:04]
{смайлик}
крис [10:04]

все утро читаю потешки
ли [10:05]
зачем?
крис [10:06]
не знаю
залип
что делала на выходных?
ли [10:07]
моя соседка по комнате сделала мне профайл для знакомств
крис [10:07]
!!!
и как тебе?
ли [10:08]
не знаю
интересно
она вроде такое умеет
крис [10:08]
дейтинг это забавно
как будто все прикидываются, что то, зачем они тут, вообще ни при чем
ли [10:09]
как это?
крис [10:09]
делают вид, что им все равно
но создают профайлы как раз потому, что им

не все равно
они хотят найти кого-нибудь
секс, компанию
может даже любовь
ли [10:10]
а
крис [10:10]
и кстати
угадай, какая новая категория
ли [10:11]
свидания?
крис [10:11]
лол, Ли
нет!!!
любовь

И разумеется, приходит электронное письмо, закрывающее категорию «Дружба», вместе с уведомлением от программы данных, что мне назначили новую категорию. Сначала открываю электронное письмо и читаю заметки Криса, отчаянно пытаясь найти знак, что я все правильно делаю. Не зацикливаюсь на себе? Не отвлекаюсь?

Наш показатель эффективности мигает с нижней строки письма. Лучший наш результат: 83 процента! Вздыхаю с облегчением и читаю снова,

смотрю на 83 процента, пока цифра не расплывается в глазах. Включенное наблюдение работает!

Маша говорил, что, если я хочу быть лучшей в своей области, если правда хочу, чтобы мне хватило таланта возглавить исследовательский отдел, нужно развиваться даже после выпуска. Никогда прежде я не собирала данные таким способом. Но наши результаты улучшаются, и это доказывает, что мои решения не эгоистичные. А обдуманные.

Открываю программу данных, вижу новую категорию и чуть не смеюсь вслух. Сейчас страница пустая, но скоро она заполнится. Какое облегчение. Я знала, что буду участвовать в передовых исследованиях, но кто мог предвидеть такое? Что я буду собирать опыт для ИИ в категории, которая мигает передо мной на экране: «Любовь, Любовь, Любовь».

* * *

Полгода вместе. Впереди вечность. Столько людей в «Доме» отмеряют свою любовь так, словно вместе бегут навстречу смерти. Я перебрала миллионы постов влюбленных, глаза устали, зудят, веки тяжелые и сухие.

Иду в дайнер обедать, надеясь застать там

настоящую живую пару, за которой можно понаблюдать. Шагаю широкой улицей с яркими витринами. Возле них больше людей, чем раньше: рассматривают сумки, выбирают обувь, разглядывают пальто. Все молчат, но из каждого магазина доносится музыка, и люди прижимают ладони к стеклу, чтобы что-то купить, а потом бегут домой, чтобы подобрать покупки у порога.

Почему покупателей стало больше? Люди делают покупки, потому что им что-то нужно. Но иногда покупают вещи, потому что хотят что-то почувствовать.

Думаю про доклад об одиночестве, про голубые точки. Каждый раз, когда Тору показывает их, случаев все больше. Может быть, сейчас эти люди чувствуют себя немного «странно». Может быть, они думают, что новый шарф, шапка или тостер им помогут.

В дайнере русская женщина провожает меня к бордовому дивану и приносит тост. Она хлопочет, хотя сегодня людей меньше. Я ищу пары, но не вижу ни одной — только несколько человек едят в одиночестве.

Когда с тостом почти покончено, дверь распахивается и русская женщина спешит навстречу мужчине и его сыну-подростку. Оба заказывают

одно и то же — черничные оладьи — и о чем-то беседуют, но мне не слышно. Отец раздраженно хмурит лоб, достает телефон и что-то рисует пальцем на экране. Сын кивает, внимая его словам.

Я сижу, пока они не уходят, и записываю все, что можно. Мужчина коротко обнимает мальчика, похлопывает его по спине.

Может, арахисовое масло и шоколад ударили мне по мозгам. Может, сахар вызывает галлюцинации. Но то, как отец похлопал сына по спине, словно говоря: «Я горжусь тобой», запечатлелось в памяти. Это явно был жест любви, который я заметила и сразу же занесла в программу данных.

Думаю об этом всю дорогу домой, шагая мимо застывших у витрин покупателей и зацветающих клумб. Грег никогда не делал ничего подобного. Я представляю его, каким он был в последнюю нашу встречу: сидит в кабинете, выполняет монотонные задачи — лицо скучающее, взгляд мутный.

Они с Синди гордятся мной, я это знаю. Они говорили мне, что гордятся, когда меня приняли в Программу. Они оба вышли из своих кабинетов, чтобы вместе со мной прочесть письмо о зачислении. Но не помогали мне подавать документы. Никогда не обсуждали со мной, что делать даль-

ше, не спрашивали, почему вообще я хочу уехать. Никогда вот так не похлопывали меня по спине.

Ближе к дому я уже злюсь на Синди и Грега. Из нижнего ящика комода достаю футболку, которую взяла в офисе в первый день, и думаю, не выбросить ли ее.

Но потом думаю: а вдруг что-то изменилось? Я их так давно не видела, не общалась с ними нормально. Может быть, они нашли работу, которая им нравится. Или что-нибудь другое интересное, новый сериал или хобби. Может, я сумею рассказать им побольше про свою работу, про секретную миссию, и, может, они меня о чем-нибудь спросят.

Складываю футболку и аккуратно убираю назад в ящик. Накатывает приступ щемящей боли — возможно, это грусть, ведь я знаю, что Грегу футболка понравится. Он будет носить ее, даже если ничего не изменится. Даже если ни он, ни Синди никогда не поймут, что и зачем я делаю.

* * *

Чат «Крошки» никогда не спит. Девчонки отправляют любимые цитаты из сериалов и отвечают цитатами из других сериалов. Отправляют фоточки помад и бахвалятся стритфудом

из киосков. Шерят видео с листьями в форме сердечек на тротуаре. Фотки зданий с синими дверями. Статьи об истории музыки в Лас-Вегасе и о научном подходе к микродозингу. Я привыкла, что телефон постоянно вибрирует. Привыкла просыпаться от сообщений и с ними засыпать. Неожиданно приятное ощущение — участвовать, быть в компании.

Открываю «Знакомства» и разглядываю женщину, которая должна быть мной. Или, может, это я должна быть ею. Она улыбается мне, но я не понимаю, настоящая ли это улыбка.

Мне постоянно приходят уведомления о мэтче, и я думаю, может, стоит сходить на настоящее свидание. Ради Вики, конечно. О свиданиях я читала и видела, как собирается на них Вероника. Но похоже, я упускаю ключевые данные — что такое «Любовь» на самом деле. Глубоко вздыхаю и напоминаю себе, что любопытство не порок, что любопытство, вообще-то, движет величайшими исследователями нашего времени. И втягиваюсь.

Однажды начав, продолжать уже легко. Я свайплю, ставлю лайки и жму на профайлы ночью в кровати, когда иду в туалет, когда жду поезд в метро. Смахиваю лицо за лицом. Голые тела.

Видео, где люди плюхаются животом в океан. Иногда даже кажется, что это не реальные люди, — больше похоже на виртуальную карточную игру с бесконечной колодой лиц.

Поднимаю взгляд — прошло шестнадцать минут. Двадцать три. Пятьдесят одна.

Орехово-карие глаза, годится. Кривой нос, нет, спасибо. Милые ботанские очки, разумеется. Голубь в руках — ну уж нет. Сегодня у меня мэтч с мужчиной, у которого есть фото, где он лезет на скалу. Его зовут Корбин, и он пишет: «Привет;)»

В «Знакомствах» есть система рекомендованных ответов. Предлагается три варианта:

Привет! Если бы тебе осталось жить трое суток, что бы ты сделал?

Привет, какая твоя любимая еда?

Привет, красавчик, что мы сделаем вместе первым делом?

Собираюсь нажать на второй вариант, но промахиваюсь и жму на третий. Щеки сразу же заливаются жаром, но, не успеваю я удалить сообщение, Корбин отвечает.

хочу попробовать языком

«Знакомства» предлагают:

В Испании на рынках продают коровьи языки.

Ты когда-нибудь там был?

Я такая мокрая. Расскажи подробнее.

Языки — это здорово. Ты когда-нибудь показываешь язык незнакомцам для смеха?

Выбираю первый вариант: я знаю, что это правда, смотрела видео, когда делала один ресерч. Мы немного переписываемся о языках, леденцах на палочке и подходящих именах для страусенка. В конце концов подсказки подводят нас к свиданию в субботу. «Знакомства» настоятельно рекомендуют видеосвидание, но Корбин настаивает на личной встрече, с бейглами.

Поначалу я решила, что это вполне приемлемо, сойдет за включенное наблюдение, но теперь, у входа в заведение, понимаю, что не смогу просто наблюдать, — придется что-то делать и говорить, даже когда я не знаю, что делать и говорить.

Собираюсь уйти, но не успеваю — появляется мужчина в низко надвинутой на лоб канареечно-желтой шапке. Он пожимает мне руку, и я воспаряю над собственным телом, наблюдая, как женщина из профайла, которая выглядит как я, но не я, идет на свидание.

Мы покупаем кофе и бейглы, я иду в туалет, чтобы быстро проштудировать, как вести себя на

первом свидании. А когда возвращаюсь, вижу, что кто-то откусил кусочек от моего макового бейгла с крем-чизом. Это он откусил? Или я? Кто?

После свидания Крошки спрашивают в чате, как все прошло, и я удивляюсь, что они не забыли.

Он откусил кусок моего бейгла, пока я была в туалете.

На мой взгляд, это единственная подробность, которой стоит поделиться, и телефон вибрирует, пока я иду домой:

Чтооо??
wtf
шутишь — а ты что?

Вспоминаю, как съела надкушенный бейгл, пока мы говорили о лучших парках для прогулок с собакой в Нью-Йорке, притом что у нас обоих нет собаки. А дальше думаю о том, что могла бы сделать одна из них. Что я об этом читала. В мире столько людей, и они делают столько интересного.

Я взяла у него бейгл и откусила.

Набираю. Стираю. Пишу снова и жму «отправить». Не знаю почему, — может, просто чтобы

посмотреть, что будет.

Господибоже
Что, правда??
Ты такая крутаааая
ахахаха, ну ты оторва!
фааак, я тебя обожаю, лол
вот бы мне хватило духу на такое

Дома стараюсь записать для Вики как можно больше деталей. Об этом мужчине. О его манерах, как он касался носа, когда думал. Как блямкал, жужжал и вибрировал телефон от сообщений Крошек — почти так же приятно, как свидание. Пытаюсь передать, как странно встретить другого человека в реальности и как странно, что кто-то хочет потом узнать, как все прошло.

Глава 13

Я копаюсь в архивах, и тут странный синий занавес опускается на мой экран. Сверху плавает надпись: «Пожалуйста, измените локацию, чтобы повысить продуктивность». Это что, новая функция?

Решаю попробовать и прошу «Карты» отвести меня в кафе в Нижнем Ист-Сайде, там в туалете на стенах наклейки и граффити. Новая функция повышения продуктивности сообщает, что здесь мой уровень продуктивности высокий, поэтому я возвращаюсь туда на следующий день, и на следующий, и каждый раз на стене в туалете появляется что-то новое. Стена превращается в коллективный арт-проект.

Сегодня я фотографирую одну надпись в дюйме от пола. Она сообщает: «Тут написана ложь». Сама себе удивляюсь, отправляя это в чат Крошек.

Вау, Ли, надо выложить это в «Доме»
реально…
ты суперкреативная
{Смайлик} точно
вот бы мне такие фотки делать

ага, правда круть

Интересно видеть, кем я становлюсь в их глазах, как могу создавать свой образ, что-то отправляя, говоря или делая определенные вещи. Я никогда не изучала искусство, в Программе это не уместилось бы в плотное расписание. Да и вряд ли там было что-то, кроме «Искусства информации», а его я прошла и сдала на отлично. Но теперь, видя реакции Крошек, я думаю, что, может, у меня правда есть способности к искусству и, может, я просто никогда не позволяла себе раскрыться.

Где-то я прочла: С сердцем можно сделать много разного, а не только отдать его другим. Раз уж люди пишут, что влюбились в какое-то место и готовы на нем жениться, или хотят заняться любовью с пиццей, или неровно дышат к оксфордской запятой, может, Вики следует знать, каково это — делать то, что любишь. В кафе я открываю еще больше порталов, архивов и погружаюсь в новую категорию «Любовь», закапываясь в данные, и так волшебно двигаться вперед, гнаться за целью.

* * *

крис [10:03]

тебе бы взять курс по искусству
ли [10:03]
не, не сейчас
нет времени
крис [10:03]
времени никогда ни на что нет
пока ты его не выделишь
ли [10:03]
ну может
не знаю
подумаю
хорошая фотка, как думаешь?

Отправляю ему фото из туалета. Правду ли говорят Крошки или просто из вежливости? Фото вышло художественно? Мне, в общем, нравится. Что-то вроде скрытого, секретного послания миру, пусть даже я не вполне понимаю смысл.

крис [10:03]
хахахаха
мне нравится
ли [10:03]
а что тогда смеешься
крис [10:03]
ну потому что это написал умный человек
и еще потому что ты фоткаешь в туалете

ли [10:03]
это было круто!
крис [10:03]
ладно
правда неплохо
мне нравится
у тебя талант замечать детали
Вот почему ты хороший ресерчер
Но возьми нормальный курс по искусству!
серьезно
ли [10:03]
подумаю об этом, ха
ладно, к работе
что случилось с «Мастер»-линком?
крис [10:03]
пришлось переместить, команда делает подробный анализ
он же тебе не нужен?
ли [10:03]
нет, но было приятно посмотреть...
крис [10:03]
лол, Ли
просто делай свое дело, ок?
ли [10:03]
ладно ладно

Наша эффективность все выше и выше, каждая

оценка приближается к 90 процентам. Крис сказал, что, пока мы разговариваем, Вики тестируют, и я жду не дождусь результатов. Окрыленная прогрессом, я подолгу работаю, но все равно остаются силы на большее. Я отвечаю на сообщения Крошек, пишу комментарии в «Доме», проверяю мэтчи в «Знакомствах», переписываюсь с Крисом, и мы продвигаемся. Идем вперед.

На этой неделе категория «Эмпатия», и я сижу через несколько столов от Кошачьего Глаза, Долговязого и Проволочной Оправы: мы стучим по клавишам, ищем и сортируем данные. Эмпатия: способность устанавливать связь с другими или понимать тех, кто отличается от вас.

Кто-то бухает банку пива на мой стол. Поднимаю взгляд и вижу Кошачий Глаз, а за ней Долговязого и Проволочную Оправу. Вот уже второй раз за последние несколько месяцев мне предлагают выпить, и это приятно, даже если я не особо хочу пить. Считается ли это проявлением эмпатии?

Беру пиво, и мы потягиваем его в тишине, а потом Кошачий Глаз спрашивает, как у нас продвигаются дела. Через пятнадцать минут мы сидим кружком на полу, сложив ноги по-турецки, вместе с Тедом и Никитой.

— Не могу вам, ребята, передать, как мы рады, что вы в этой команде, — говорит Тед, обращая к нам большие голубые глаза и красивое лицо.

— Да, — соглашается Никита. Сегодня ее длинные волосы собраны в косу, которая покачивается всякий раз, когда Никита кивает. — Бывает, даже после таких вот напряженных дней я просто благодарна, что занимаюсь реально важным делом.

Обсуждаем наших знакомых, которые просто ходят на работу и отсиживают часы. Я думаю про Грега и Синди, но не рассказываю. Не хочу признавать, что мои родители тоже такие.

Потом мы все жалуемся, что нужно спать и поэтому нельзя работать еще больше. Долговязый кивает, но вид у него нервный. Проволочная Оправа скрестила руки на груди, но соглашается.

— Просто это так важно, — говорит Тед. — Эта компания. Весь проект. В смысле, если Вики заработает…

— Ты хочешь сказать, «когда она заработает», — поправляет Кошачий Глаз.

Тед энергично кивает. Его каштановые волосы колышутся в такт.

— Да-да, конечно. Когда она заработает, это все изменит. Я правда верю.

Тед рассказывает про свой первый год в Про-

грамме (я о ней слышала) и о том, как чуть не бросил все из-за тревожности. Теперь, зная все, что прочитал в наших материалах, он думает, что на самом деле просто был одинок, но сам не сознавал. Потому что не знал, как это назвать.

Он рассказывает, как играл в американский футбол в своей Программе и заработал сотрясение мозга. После этого ему казалось, что никто его не понимает, и никакие контакты с людьми не оправдывали ожидания.

— Если бы Вики тогда существовала… — Он замолкает.

Никита хлопает его по ноге. Тед обнимает нас всех охапкой и притягивает к себе — неловкое групповое объятие. Я изнемогаю под весом его бицепсов. Но приятно чувствовать себя частью чего-то.

Тед отпускает нас, встает взять еще пива, и застывшее пространство, объявшее наш разговор, оттаивает. Никита достает телефон и читает нам статью о радуге, которая держалась три дня подряд.

* * *

На следующий день я еду в метро в тихой панике, размышляя, куда меня все это приведет. У

меня беговое свидание — по словам Вероники, «просто чума» и «прямо твой вариант», что бы это ни значило. Она заставила меня надеть ее беговой топ, тот же, в котором я на фотографии, и помогла собрать волосы в высокий хвост.

В поезде проверяю карман — все ли взяла. Перед свиданием я провела небольшой ресерч и на одном беговом форуме узнала, что настоящие бегуны берут с собой то, чем можно подкрепиться, поэтому заказала энергетические жевательные конфеты. И захватила свой бальзам для губ.

Когда в поезд заходит женщина с маленьким сыном, я вынимаю бальзам и провожу им по губам. В рекламе появляются американские горки и прокатываются через весь вагон. Похоже на рекламу какой-то видеоигры, и мальчик смотрит во все глаза.

Выхожу из поезда, иду к воде, и на углу нервно ждет парень из «Знакомств», в неоново-желтых кроссовках. Высокий, сплошные руки-ноги. Напоминает Долговязого с работы, только стрижен под машинку и не так сильно потеет. При виде меня он нерешительно машет рукой, и, когда я нерешительно машу в ответ, улыбается. «Ты, главное, не напрягайся», — сказала мне Вероника перед выходом, но совет не кажется ни конкрет-

ным, ни полезным.

Мы недолго бегаем, и он говорит и говорит, и это хорошо, потому что мои мысли скачут, пока я отчаянно подбираю нужные слова. Мне нравятся его истории, и я стараюсь слушать, но Вероникин топ ничего не поддерживает, поэтому на каждом шаге грудь подлетает, на миг замирает в воздухе и рывком падает. Вряд ли парень заметил, но грудь стала чувствительнее, и от этого трудно сосредоточиться.

В конце концов мы останавливаемся на смотровой площадке у воды, сердце у меня колотится, я достаю из кармана энергетические конфеты и предлагаю ему. Он смеется и говорит, что отец заставлял его есть такие штуки перед школьными соревнованиями. Мы закидываем конфеты в рот, и по вкусу они точно клей из корицы. Я собираюсь сказать, что мне нравится, но парень выплевывает конфету в ладонь и бросает в воду. И в этом движении такая свобода, как будто ему не важно, что подумают люди. Как будто он просто может быть самим собой. Я тоже выплевываю конфету в ладонь и швыряю, мы смотрим друг на друга и смеемся. Настоящий смех, и от него развязывается узел в грудной клетке.

На противоположном берегу небоскребы Ман-

хэттена сверкают, словно кристаллы, на фоне идеального, чистого синего неба. Парень спрашивает меня про работу, и почему-то я рассказываю ему о работе Вероники, как будто она моя. Кажется, это проще, чем пытаться объяснить, чем я занимаюсь.

Рассказываю то немногое, что знаю о продажах и о продуктах, которые Вероника приносит домой для тестирования. Ему вроде искренне интересно, и он задает вопросы, но с каждым следующим я все больше запутываюсь во лжи. Мы говорим о наших семьях и Нью-Йорке. И я не могу сказать о себе ни слова правды. Говорю ему, что родилась здесь, и что я очень близка с мамой, и что пробежала четыре марафона. Парень в восторге и рассказывает мне о своих марафонах, а я придумываю свои, и он реально под впечатлением. По правде, я действительно хотела пробежать марафон, но в Программе тренировки отняли бы слишком много времени.

Мы снова бежим, и я не могу толком ответить ни на один вопрос — не то чтобы не хочу, просто не знаю, что сказать. Чтобы не налажать сильнее, притворяюсь, что у меня судорога, но потом икра действительно начинает дергаться, и ее сводит. Я не могу наступить на ногу, и парень волну-

ется, спрашивает, случалось ли такое раньше. Признаюсь ему, что много бегаю, но никогда не испытывала ничего подобного.

Когда икру скручивает болью, признаюсь, что никогда не бегала марафон. Что родилась не в Нью-Йорке. И с мамой мы почти не общаемся; и вообще я никогда не называла ее мамой, даже не помню, почему так вышло.

Он, кажется, огорчен, но не шокирован, как будто такие вещи происходят с ним постоянно. Интересно, сколько людей лгали ему, часто ли он приходил и был совершенно открыт и честен, а его обманывали и разочаровывали?

Обычно я не вру, так зачем же наврала? Однако это даже не ощущалось как ложь. Я просто выбирала нужные ответы. Просеивала, сортировала, отфильтровывала информацию и выдавала ее, основываясь на том, какой он, вероятно, хотел бы меня видеть. Как будто я знаю, какой должна быть в этот момент, знаю, что надо сказать и что люди в Сети советуют сказать, но, когда произношу вслух, получается каша.

— Прости, — говорю я. — Просто я не знаю, как это делается.

— Я тоже не знаю, — говорит он. — Никто не знает. Но ты могла бы попытаться.

«Я пытаюсь», — хочу ответить я, но могу только стонать от боли. Мне кажется, он бросит меня здесь, но нет, он взваливает меня на свою костлявую спину и несет к поезду, сгружает на скамейку на платформе и уходит, не прощаясь — ссутулившись, низко опустив стриженую инопланетную голову. Я смотрю ему вслед: он идет по платформе и вверх по лестнице и не оглядывается. Крошки в чате спрашивают, как все прошло, но в этот раз я отвечаю не сразу.

Глава 14

Тот же массивный стол. Та же истертая деревянная столешница, прижатая к старому кирпичу. Тот же полупустой бокал вина. Только теперь квартира полна солнца.

Утром, когда Джанет одевается, раздается сигнал, который она узна́ет где угодно. В последние дни она слышит его все чаще. Бросается к экрану — одна рука уже в рукаве футболки, другая пока снаружи — и видит еще один Провал.

Джанет без сожаления забирает все, что остается от этих компаний: их тяжкий труд, открытия, данные — и использует в проекте «Вики». Но надо признать: странно, что все так быстро. Было пятнадцать, осталось четыре — быстрее, чем она рассчитывала.

Джанет просовывает вторую руку в рукав, натягивает футболку, поправляет прическу. Вообще-то, это хорошие новости. С каждым чужим провалом Вики ближе к успеху. Им достанется больше ресурсов, больше поддержки. Единственная проблема в том, что правительство продолжает закручивать гайки, требует все больше писанины и подтверждений, что проект

заработает. Джанет шагу не может ступить без протокола. Они с Тору не любят работать на таком коротком поводке.

Джанет открывает записи новой неудачи, смотрит, как разворачиваются данные на экране. Хватает телефон, чтобы позвонить Тору, но, едва нажав кнопку вызова, замечает имя. Имя, которое не ожидала увидеть. Не здесь. Нигде и никогда. Имя, которое давно не вспоминала.

Джанет жмет отбой и кладет телефон. Трет глаза и открывает их, но имя все еще на экране. Глядит на нее в ответ.

Тина Маккаллистер.

Ее бывшая преподавательница. Это ее Джанет искала в тот день, когда встретила Тору. На нее равнялась, ею вдохновлялась, из-за нее решила изучать лидерство и управление. И это она выгнала Джанет из Программы много лет назад.

Джанет помнит, как поздно ночью шла по коридору к их лаборатории. Собиралась добавить последние штрихи, доработать свой стенд перед конференцией, но, к своему потрясению, когда дверь скользнула вбок, увидела внутри людей. Два переплетенных тела.

Бегом вернувшись в общежитие, Джанет облила лицо холодной водой, выпила снотворное.

Проснувшись наутро, она была готова притворяться, будто ничего не произошло.

Но после первой пары ее вызвали в деканат и отчислили за фальсификацию данных. Всего за несколько дней до самой важной в ее карьере конференции. За несколько недель до выпуска. Декан показал ей обвинение, доказательства, и Джанет сразу поняла, что ее подставили. Маккаллистер было что терять. Роман? Со студентом? Такая банальщина. Так недостойно человека, которого Джанет уважала больше всех. Человека, который сказал ей, что она может стать великой. Но раз уж Джанет увидела то, что ей видеть не полагалось, Тина не могла рисковать, правильно? Она заставила Джанет исчезнуть.

Джанет глядит на это имя и смеется. Как же глупо.

Такая мелкая, незначительная глупость, так давно это было. Рада ли Джанет, что команда Тины потерпела неудачу, а ее собственная все еще работает? Нет, Джанет абсолютно плевать, чем занимается эта женщина. Столько времени прошло.

И кроме того, она многого достигла и без помощи Тины. Без поддержки тупой Программы.

Джанет встает и поправляет картину на кир-

пичной стене. Висела чуть-чуть криво, а теперь идеально. Смотрит в окно и глубоко вздыхает. Сейчас она здесь, смотрит на город, но все еще помнит, каково быть в Программе. Все еще чувствует отупляющий шок от мысли о том, как легко от нее избавились. Не только ментор — с ней не пытались связаться даже друзья.

Воспоминания бывают могущественны, захватывают тело, даже когда разум их отвергает. Вот почему Джанет предпочитает знать биографию каждого своего сотрудника: так проще всего узнать суть человека. Ведь даже здесь, касаясь этой кирпичной стены, опираясь на этот подоконник, она чувствует, как в груди все еще толкается боль от собственной незначительности, беспомощности.

Телефон вспыхивает — Тору звонит. На экране фотография, которую Джанет сделала много лет назад, когда они были по делам в Сингапуре. Одна из ее любимых: пусть он тут с набитым ртом (они ели какой-то стритфуд), но глаза у него смеются.

Джанет принимает вызов и тут же улавливает вайбы техотдела на линии. Тору сразу переходит к делу. Она представляет, как он расхаживает взад-вперед, и рада его голосу, рада вернуться к проекту, к реальности. Джанет рассказывает

ему про очередную неудачу и отправляет Тору данные, чтобы потом разобраться вместе.

Интересно, когда он заметит имя ее бывшей преподавательницы? Тору — единственный, кто знает, что случилось на самом деле; он единственный был рядом, и она уверена, что, увидев имя, он спросит, как она. Предложит пойти выпить.

Где-то внутри Джанет, даже зная, что отмахнется, хочет, чтобы он настаивал. Это было так давно, скажет она. А посмотри на нас сейчас! Все остальные, ее прежние друзья, пошли обычным, традиционным, надежным путем. А Тина Маккаллистер? Ее компания прогорела!

Но Тору читает о неудаче и ничего не замечает. Не спрашивает, как она, не напоминает, какие же тупые Программы. Он погружается в данные, которые оставила компания Тины. Рассуждает о стратегии. Для него ничего не изменилось, и, когда они прощаются, Джанет понимает, что должна быть благодарна за то, что опять можно об этом не думать. Забить. Но когда она надевает сапоги, собираясь в офис, где сегодня будут Тед, Никита и остальные, ей как-то неуютно. Прошлое все еще зудит в ногах и в затылке.

Все-таки Тору должен был что-то сказать. Он что, забыл? Да не может быть. Наверное, увидел

имя Тины и не захотел будоражить болезненные воспоминания. Может, не стал наседать из уважения к ее чувствам. Да, наверное, в этом все дело. Кроме того, когда они заняты проектом, он всегда такой — сосредоточен на одной задаче. Она знает и любит это в нем. Ничего личного.

Джанет приходит в их маленький, замечательно хаотичный офис, здоровается со всеми и запирается в стеклянном конференц-зале. У нее длинный список дел, но трудно сосредоточиться.

Вместо этого она расхаживает взад-вперед, как обычно делает Тору. Расхаживает и размышляет, и что-то бурлит внутри. Джанет почти целиком вычеркнула тот период своей жизни из памяти, но все равно это несправедливо. Она вспоминает, почему решила, что Программы полны ложных обещаний и наживаются на уязвимости юных умов. Даже сейчас, спустя десятилетия, она помнит, каково это — когда такой надежный путь вышибают у тебя из-под ног. Хотя он ей больше и не нужен.

Вот что ее грызет: хотя она ничего не стала бы менять в прошлом, прежняя печаль саднит даже спустя столько лет после самого первого предательства.

Джанет смотрит из зала на консультантов, че-

тырех оставшихся, которые, несмотря ни на что, изо всех сил стараются сделать проект успешным. Она обещает себе уделять больше внимания команде. Как странно знать о них то, чего они, возможно, сами о себе не знают.

Она вспоминает, как они с Тору впервые увидели доклад об одиночестве. Концепция, конечно, поразительная. Слышала ли она о ней? Нет. Она читала о создании «Эмоционального перечня» в школе и с тех пор о нем не думала. Увидев доклад, узнав о секретном задании, они восприняли его как квест, который нужно пройти. Задачу, которую нужно решить.

Но теперь, глядя на этих людей, которых так или иначе затронуло одиночество, Джанет не может не думать, что надо как-то им помочь. Сделать что-нибудь. Чего никто не сделал для нее.

Хотя бы почаще проводить командные встречи, что ли, или индивидуальные. Больше узнать об этом недуге, чтобы направлять их работу. Нельзя прямо сказать им, что они одиноки, — есть риск погубить проект, — но, может, есть способ поддержать их, даже ту, на дальнем краю.

Джанет задерживает взгляд на Ли. Прежнее тягостное раздражение усилилось, от отвращения в горле кисло. Она вспоминает, как сидела в этой

самой комнате вместе с Тору и слушала, как эта странная девушка, эта серая мышка рассказывает о своих исследованиях, о том, как она готова помочь и все изменить, как она предана делу, как хорошо ее учили, и какая идеальная у нее Программа, и как ей повезло иметь наставника, который поощряет ее любознательность.

И вдруг до Джанет резко доходит, почему она невзлюбила эту девушку. Глядя на Ли — сидит, погруженная в работу, по ту сторону стекла, пальцы порхают по экрану, — Джанет вспоминает ту, кого знала давным-давно. Ту, кем была когда-то.

РЕЗУЛЬТАТ ИССЛЕДОВАНИЯ — ПРОЕКТ ПРИЗНАН НЕУДАЧНЫМ

Название компании: Central Construction JJM

Основатели компании: Манн Джон, Биджу Джонсон, Тина Маккаллистер

Краткое описание проекта:

Мы взяли 25 жилых зданий в 15 разных городах по всей стране и полностью изменили планировку так, чтобы сделать их привлекательными общественными пространствами, где люди, живущие поодиночке, могли бы общаться.

Количество сотрудников: 104

Подробное описание:

0 из 10 наших зданий преодолели минималь-

ный порог в 1,5 балла за взаимодействие, необходимый для создания комьюнити. Менее 30 % мероприятий привлекали участников, и только 15 % опрошенных жильцов подтвердили, что чувствовали связь с соседями. Каждый четвертый человек с симптомами одиночества, проживавший в наших зданиях длительное время (3–4 месяца), остался одиноким, несмотря на новую планировку пространства.

Вы узнали об одиночестве или о докладе об одиночестве нечто такое, что требует немедленного внимания?

Мы удивлены тем, что люди не способны устанавливать связи, даже когда находятся в среде, полной соответствующих возможностей. Пожалуйста, используйте наши данные любым удобным для вас способом и дайте знать, если мы можем как-то помочь другим проектам. Все наши сотрудники весьма расстроены и готовы работать бесплатно, если какой-либо другой компании понадобятся наши навыки.

Считаете ли вы, что какие-то из ваших находок могут помочь другой компании? Если да, пожалуйста, уточните.

Да. Мы собрали значительное количество данных о паттернах общения, связях или их

отсутствии между соседями и теми, кто живет поблизости. Может быть, пригодятся и другие полезные материалы о привычках, пространствах для потенциального взаимодействия и корреляции между временем, проведенным дома, и временем, проведенным вне дома.

Благодарим за сотрудничество. Мы очень ценим вашу работу.

Глава 15

Занавес продуктивности опускается когда попало, и если раньше это было приятно, теперь становится уже контрпродуктивно. То и дело бегу работать в новое место и сегодня сижу в незнакомом кафе, надеясь заняться включенным наблюдением.

Люди заходят и выходят, прячутся за раздвижными перегородками, шикают друг на друга, но никакой эмпатией тут и не пахнет.

Нервничаю и думаю написать Крису, спросить, как продвигается тестирование, но замечаю мужчину в темно-синем костюме: он говорит по телефону и жестикулирует. По его позе, по тому, как ненапряжно расправлены его плечи, понятно: он счастлив. Как будто мир принадлежит ему. Я когда-нибудь так себя ощущала? Стояла вот так? Говорила по телефону так беззаботно?

Он заканчивает разговор, открывает дверь, и в голове у меня проносится мысль, приводя в движение мышцы, сталкивая меня с табуретки, и я касаюсь его плеча, не успев обдумать, что буду делать:

— Привет, простите, что беспокою…

— Извините, у меня сейчас нет времени на подписки или пожертвования.

— Нет-нет, я не… Просто… хочу купить вам что-нибудь выпить. Говорят, это приятно.

Он поднимает взгляд от телефона; глаза у него блестящие, карие, и я пускаюсь в объяснения.

— Понимаете, вы не похожи на меня, а для работы мне надо научиться понимать тех, кто на меня не похож, — тараторю я, вспоминая все, что прочла об эмпатии. Стараюсь улыбаться максимально дружелюбно, как люди в «Доме» на фото.

— Не похож на вас? — Он поднимает брови, и тут я понимаю, что́ ляпнула. Он чернокожий, а я белая.

— Ой, нет, простите, я о том, как серьезно вы выглядите в костюме. Я никогда в жизни не носила костюмов. И вы так серьезно говорите по телефону. Так уверенно, как будто могли бы легко выступить перед целой толпой. — Я наматываю на палец подол своей футболки.

— А вы не смогли бы? — говорит он и наконец улыбается. Это он так шутит? — И пусть костюм вас не обманывает — любой может надеть костюм.

Его часы вспыхивают, и он проглядывает сообщение. Я открываю и закрываю рот. Купить

человеку выпить сложнее, чем я думала. Как тому парню на вечеринке так легко это удалось? А Кошачьему Глазу? Как я умудряюсь так все усложнить?

— Вы за мной наблюдали? — спрашивает он.

Мужчина позади нас покашливает, давая понять, что мы слишком громко разговариваем и мешаем ему работать.

— Нет!

Он снова поднимает брови.

— Ну да, вроде того. Но я просто сидела тут, лицом к окну, а там вы.

— Ладно, давайте еще раз: почему вы хотите купить мне кофе?

По глазам видно, что ситуация кажется ему комичной. Хочу схватить рюкзак и сбежать, но вспоминаю инструкторов по йоге из категории «Тело» и глубоко вдыхаю.

— Я изучаю эмпатию и заметила, что угостить кого-то напитком — это вежливый жест, который может способствовать установлению контакта. Вот это я и хочу проверить.

Он задумывается на секунду. Его часы снова вспыхивают. Он мельком глядит на них.

— Немного притянуто за уши, нет?

Я пожимаю плечами. На плитках пола про-

царапанная дуга там, где дверь открывается и закрывается. Мои кроссовки поизносились и пожелтели. Разглядываю их и чувствую, что он разглядывает меня.

— Ладно, давай попробуем, — говорит он, и, удивленно подняв глаза, я вижу, что он игриво улыбается. Подходит к прилавку. — Что ты любишь?

— Черный кофе.

Он касается экрана и заказывает два.

— Погоди, что ты?…

— Угощаю.

У него низкий, хорошо поставленный голос, и я беспомощно наблюдаю, как он сканирует отпечаток пальца для оплаты.

— Но это же я должна была тебя угощать.

— Да, но я угощаю тебя, — говорит он. — Так что тебе нужно узнать обо мне для этого… исследования? Что ты хочешь понять? У меня есть время, пока готовится кофе, а потом надо бежать на поезд.

Он не сильно старше меня, на вид, может, лет тридцать. Гладкая кожа, короткие волосы. Широкие плечи обтянуты голубой рубашкой, как у моделей из рекламы в метро. Открываю рот и не знаю, с чего начать. Как сказать другому

человеку, что хочешь знать все? Но за его спиной кофемашина выплевывает и уже наполняет первый стакан.

— Э-э-э, ну, ты…

Машина заканчивает с первой порцией и принимается за вторую.

— Тебе нравится, кто ты? — выпаливаю я, когда два кофе скользят по стойке.

— Ничего себе, так вот как ты знакомишься с людьми? — Он смеется и протягивает мне кофе; кончики его пальцев касаются моих, и я вздрагиваю. — Иногда да, иногда нет, — продолжает он, делая глоток. — Но мне пора бежать. Если хочешь еще поговорить…

Он лезет в карман, достает коричневый кожаный бумажник с потертыми уголками, вытаскивает маленькую белую карточку и протягивает мне.

— Это…

— Визитка? Да. Они правда существуют.

Верчу ее в руке. Никогда не видела такую в реальной жизни, только в архивах.

— Да, мы очень разные. Другая вселенная, — говорю я, и он смеется.

— Знаю. Винтаж, да? Мне нравится, какая она на ощупь.

Он кивает мне, что почему-то выглядит очень круто, и потом выходит за дверь. Я смотрю ему вслед: высокая фигура шагает по улице и пропадает из виду. Я не спеша выхожу наружу, смотрю по сторонам, выпиваю кофе, выбрасываю стакан в мусорку и быстро иду домой.

За шатким белым кухонным столом вынимаю экран из рюкзака и несколько раз тычу в него, чтобы заработал. Достаю визитку, провожу пальцем по буковкам. Так странно держать в руках имя другого человека. Глубоко дышу, пытаюсь замедлиться, чтобы записать этот опыт для Вики, но впечатления исчезают стремительно, и все, что казалось таким настоящим, таким важным, теряется среди звона в голове.

Мужчина покупает кофе.

Мужчина вешает трубку. Заходит внутрь и покупает кофе.

Высокий мужчина с глазами. Кофе.

Мужчина в костюме говорит мне, что я могла бы носить костюм.

Мужчина в костюме смеется надо мной.

Все не так. Ничто не передает произошедшего. Надо было сразу все записывать. Уделить больше внимания важным деталям, но какие именно

детали важные?

В коридоре раздаются шаги. Врывается Вероника и сразу принимается болтать. У нее в офисе идет операция под прикрытием, и она уверена, что за этим стоит ее заклятая подруга. Кто-то взломал перечень дел на общем холодильнике и вставляет туда записки — личные подробности о сотрудниках офиса. Никто не знает, сколько правды в этих рукописных каракулях. На прошлой неделе там было: «Кое-кто носит краденые стринги в горошек». Сегодня появилось: «Кое-кто на этом этаже изменил жениху кое с кем на этом этаже». Ситуация накаляется, и Вероника боится, что она следующая.

— А какие у тебя секреты? — спрашиваю я.

— В этом-то и проблема! — Она всплескивает руками и опрокидывает пустую чашку. — Я даже не знаю, что́ скрываю, и, наверное, узнаю, только когда их раскроют!

Вероника снимает свитер и кидает на кухонную столешницу. Замечает визитку, берет, вертит в руках.

— Это что? — спрашивает она, радуясь поводу отвлечься.

Я пытаюсь объяснить, что изучаю эмпатию, но Вероника слышит только то, что про мужчину

в костюме.

— Симпатичный?

— Не знаю.

— В смысле, не знаешь? Он дал тебе свою визитку! Думаешь ему написать?

— Нет!

— Значит, не симпатичный?

— Нет! В смысле, да. У него красивые руки.

— Что? — Она загоняет меня в угол.

— Не знаю. Я им не интересуюсь, ничего такого.

Вероника смеется — не то фыркает, не то хрюкает.

— Красивые руки? Ты издеваешься?

Я отказываюсь отвечать.

— Какой-то случайный, симпатичный мужчина, у которого неожиданно есть редкая, шикарная визитка, покупает тебе кофе, и ты… им не интересуешься?

— Он просто был любезен, — говорю я, забираю карточку и прячу в передний карман рюкзака, чтобы Вероника перестала об этом думать.

— Никто просто так не любезничает, — говорит она. — Напиши ему письмо.

* * *

День святого Патрика в этом году выпадает на четверг, и Крошки неспешно стекаются в нашу квартиру, чтобы подготовиться к вечернему выходу.

— Что происходит? — спрашиваю я Веронику, и она тащит меня в ванную, где я послушно сижу на унитазе, пока она завивает мне волосы.

В воздухе витает запашок паленого. Вероника кивает в такт рассказу кого-то из девушек.

— Похоже, он мудак! — кричит она.

Я замечаю, что тоже киваю, хотя из-за музыки не слышу ни слова. Закончив со мной, Вероника отправляет меня на кухню к Зури, которая хочет одолжить зеленый глиттер. У нас у всех щеки уже в зеленых блестках.

В кухне я озираюсь и мысленно повторяю имена. Карен расставляет на столе золотые пластиковые рюмки. Невысокая, с платиново-белыми прядями, все делает с воодушевлением, даже пьет. Она поднимает взгляд, пересчитывает присутствующих и добавляет еще несколько рюмок.

Дальше две Оливии. Одну зовут Лив, а другую — Оливия, в чате легко понять, кто есть кто, но,

увидев их живьем, я не могу вспомнить. Лив вроде бы хрупкая заучка с веснушками, а Оливия — эта дружелюбная, которая все время делает музыку погромче, или наоборот?

— Что, Ли, как твои фотоэксперименты? — спрашивает одна из них, протягивая мне зеленую чашку.

— Что?

— Ну эти классные арт-фотки из туалета — ты отправляла в чат. Ты прям настоящий фотограф!

— А, нет. Это просто по приколу.

— По приколу! Скромная такая.

Лив (или Оливия) смеется и снова утыкается в телефон. Скроллит, ставит лайки на фото и отвечает под видео других людей, которые тоже готовятся к Дню святого Патрика. Сотрудники ее офиса купили маленькие зеленые шляпы, и ей жалко, что мы не подумали купить такие же.

— Но у нас ведь есть блестки? — говорю я.

Она, похоже, не слышит.

— Ладно, время для шотов! — кричит Карен.

Она закончила расставлять рюмки и в каждую налила текилу. Все скандируют: «Шо-ты! Шо-ты! Шо-ты!» Вероника и Зури бегут из ванной, притворяясь, что поскальзываются и чуть не падают.

— Карен, ты налила лишнюю, — замечает Вероника.

Карен хмурится:

— Ну, кто-то выпьет две.

— Пусть Ли! Она рисковая! — говорит Зури, и Вероника соглашается.

О чем они? Вспомнили случай с бейглом? Или про фото в туалете? Мне-то кажется, что я вовсе не рисковая, совсем не интересная. Что я сделала такого, что они думают иначе?

Качаю головой, но чья-то рука уже подвигает мне рюмки. Мы поднимаем их, и я опрокидываю первую и следом вторую, максимально быстро. Пищевод обжигает огнем.

Потом мы по очереди позируем для совместных селфи. Когда мы наконец-то добираемся до старого ирландского бара, приходится стоять в очереди. В окно видно, как люди расхаживают туда-сюда с пинтами пива по залу, а на полу раскидано сено.

— Говорила же, аутентичная точка, — сообщает Вероника.

Пока мы ждем, все проверяют телефоны. Я тоже, и вижу, что Крошки выложили в «Доме» фото или видео сегодняшнего вечера. Пересматриваю их несколько раз и замечаю, что ни в одном посте

нет меня.

Внезапно я чувствую себя глупо в этих блестках, мне стыдно видеть мелкие зеленые веснушки у своего отражения в стекле.

Вокруг все болтают и смеются, а я стою позади и спрашиваю себя, что тут смешного, что я здесь делаю. Но не успеваю развернуться и уйти домой, к уютному экрану, к своему месту в мире, как очередь продвигается, нас заталкивают внутрь, а там ничего не слышно. Пьяные люди толпятся на мокрой соломе в густом, неподатливом воздухе, тараща остекленелые глаза.

Вероника пробирается сквозь толпу к свободному месту возле бара, где невозможно разговаривать, потому что прямо над нами из колонки грохочут ирландские народные песни.

Глава 16

Стеклянный конференц-зал похож на террариум. Или на аквариум. Сверху льется яркий свет, время внутри замедляется. Совещания растягиваются от часа до половины дня, а иногда и на весь день, особенно сейчас, когда наш проект на подъеме и мы даем Вики то, что ей нужно. В стеклянном конференц-зале ничто не имеет значения, кроме обсуждений, исследования и пугающих голубых точек на стене.

Сегодня там двое людей, которых я никогда раньше не видела. Мужчина, который каждые несколько минут сосет маленькую электронную сигарету, и женщина с ярко-розовыми волосами. Ее шея и руки все в маленьких татуировках.

Изучаю незнакомцев сквозь стекло, поверх голов Кошачьего Глаза и Проволочной Оправы в дальнем конце ряда.

— По-моему, они из технической команды, — шепчет Тед позади нас.

Мы все оглядываемся.

— Зачем они здесь? — спрашиваю я.

— Без понятия. — Он пожимает плечами, отвечает на телефонный звонок и принимается

ходить кругами по офису.

Я пытаюсь сосредоточиться на работе, но каждые несколько минут поднимаю глаза на незнакомцев в конференц-зале, переглядываюсь с Кошачьим Глазом, смотрю на лифт. Эти двое ждут Тору и Джанет? И раз уж тут кто-то из тех-отдела, значит Крис тоже придет? Интересно, он выше меня, придет в рубашке на пуговицах или в футболке, будет ли чаще улыбаться, чем хмуриться?

Краем глаза вижу, как мужчина за стеклом встает. Отворачиваюсь к своему экрану и делаю вид, что занята.

— Доброе утро, — говорит он, проходя мимо наших столов.

— Доброе утро, — бормочем мы в ответ.

Он идет на кухню, и я замечаю что-то красное у него на рубашке.

Кто он? Помогал Крису тестировать Вики? Она работает? Должна работать. У нас такие высокие показатели. Мы шли по графику. Когда он снова проходит мимо, я разворачиваюсь вместе со стулом и прикидываю, как бы с ним заговорить.

— Что у тебя на рубашке? — выпаливаю я, но вопрос глупый: теперь, вблизи, очевидно, что красное пятно — маленькое сердечко из фетра,

приколотое на карман.

— А, это? — Сам он как будто совсем про него забыл. — Это сердце.

Как-то в разговоре Крис упомянул, что один из технарей в свободное от программирования время занимается арт-проектами. Кажется, он так намекал, что мне нужно хобби. Это тот самый технарь? Который делает арт-проекты? Чтобы взглянуть на вещи по-новому и заметить важное?

— А, круто, — говорю я как можно непринужденнее. — Мне нравится.

Он улыбается и затягивается электронной сигаретой:

— Спасибо, мне тоже.

Он возвращается в конференц-зал, оставляя после себя легкий запах огурца. Передает кофе женщине с розовыми волосами.

— Это сердечко в форме сердечка? Ух ты, мне нравятся формы! — пронзительно пищит Кошачий Глаз.

Проволочная Оправа и Долговязый давятся от смеха. Я надеваю наушники и делаю вид, что их всех нет.

Через полчаса тренькает лифт, и через офисный лабиринт проносится Тору в мятой рубашке.

За ним грациозно шагает Джанет в строгом черном комбинезоне. Они выглядят неуместно посреди этой апокалиптической толкотни столов и стульев.

— Доброе утро, команда, — здоровается Джанет, проходя мимо нас. — Можно вас украсть на короткую встречу?

Мы хватаем вещи и торопимся следом за ними, не зная, куда садиться, потому что наши привычные места заняли незнакомцы. Джанет вынимает из сумки экран, челноком позади нас ходит Тору. Все молчат, оценивая атмосферу в зале. Все хорошо, все плохо или где-то посередине?

— Вы, возможно, заметили, что нас вчера не было в офисе, — говорит Джанет, и я пытаюсь вспомнить, какой был день. По-моему, в офисе не было никого из нас.

— Мы тестировали Вики.

— С Крисом и технической командой, — вставляет Тору.

— Да, — подтверждает Джанет. — Вот почему мы попросили кое-кого из них прийти сегодня и поделиться соображениями. Челси, Эрик, спасибо, что пришли.

Наконец-то! Крис упоминал о тестировании. Жду не дождусь результатов — не терпится

узнать, как все идет.

— Давайте сразу к делу, — продолжает Джанет.

Поразительно: она не ходит вокруг да около и не устраивает очередной тимбилдинг. По-прежнему растягивает в улыбке сжатые губы, и не избавиться от ощущения, что она все еще что-то скрывает.

— Прежде всего, мы хотим поблагодарить вас за ту огромную работу, которую вы уже проделали. Тестирование показало великолепные результаты, — говорит она.

Меня согревает прилив гордости. Я знала, что у нас хороший ресерч. Так и должно быть. Я столько работала. Мы переглядываемся с Кошачьим Глазом, Долговязым и Проволочной Оправой. Вспоминаю, как мы все пили пиво, усевшись в круг. Неделю назад или две? Время все время деформируется.

— Эрик, Челси, расскажете всем, что вы выяснили?

Мы поворачиваемся и смотрим на незнакомцев, сидящих с непринужденным видом.

— Ну, как и сказала Джей, мы наблюдали за Вики… — медленно начинает Эрик.

— …как она учится, чего нам не хватает и где есть пробелы, — подхватывает Челси.

Они говорят в одном ритме, заканчивая мысли друг друга; интересно, давно они сотрудничают? Их сюда пригласили или они отрабатывают Распределение, как и я?

— Когда несколько месяцев назад мы начали тестирование…

— …Вики показывала так себе результаты. Она обучалась, но могла только отвечать на вопросы. Мы влили в нее кучу информации, но без толку. Вместо алгоритма — мешанина данных, — объясняет Эрик.

— Мешанина — хорошее слово! — радуется Челси.

Они стукаются кулаками, а я про себя молю, чтобы они уже перешли к делу. Сидят такие расслабленные, как будто это проходная встреча, проходной день, проходная тема, хотя на самом деле все наоборот. От этой компании зависит моя карьера, моя репутация, вообще всё.

Смотрю на Джанет: она медленно вращает ступней, и лодыжка щелкает на каждом третьем круге. В поле зрения появляется Тору и опять пропадает.

— Но недавно, как уже говорила Джей, Вики изменилась, — произносит Эрик, и я вскидываюсь.

Эрик и Челси объясняют, что за последние

несколько месяцев ИИ сдвинулся с мертвой точки благодаря тем данным, которые добавляли мы. И заработал в разы лучше — формулировал полные ответы, вел долгие беседы, адаптировался к разным тестировщикам и каждого заботливо расспрашивал.

— Пользователи из последнего тестирования говорят, что чувствовали себя умеренно понятыми после общения с Вики, — радостно сообщает Челси.

— Ребята, давайте к сути? — подгоняет их Тору из глубины зала. — Им не нужно понимать все детали. Им просто нужно понять новый план.

Нога Джанет замирает.

— Тору, я думаю, им важно понимать все, если мы хотим добиться успеха, — говорит она. — Если хотим работать вместе. Как команда.

Они переговариваются без слов. Тору в итоге уступает и первым отводит взгляд.

— Пожалуйста, — говорит Джанет Челси и Эрику, делая знак продолжать.

— Ладно, значит, так. — Челси взмахивает руками. Они у нее все в красивых тонких татуировках. — Мы всё изучили и увидели, что данных у ИИ огромное количество, но он едва ли понимает их так, как мог бы понять человек.

— Точно. — Эрик выдыхает очередное облачко пара. — Вот почему мы должны дать ему доступ к человеку, чтобы учился и наблюдал, как воспринимают мир люди.

— Да, мы думаем, это может помочь Вики разобраться с тем, что нельзя измерить, — говорит Челси, заправляя за ухо розовую прядь. — С тем, чему мы не можем дать определение, по крайней мере сейчас. Когда данные становятся не просто данными, а значимым опытом.

— То, что нельзя измерить, отлично! — восхищается Эрик.

Они снова стукаются кулаками.

— Стойте, что? — спрашивает Тед. Его типично американское лицо недоуменно морщится.

— Вы хотите дать Вики доступ ко всем данным от одного человека? — уточняет Никита, постукивая по столу длинными ногтями. — Научить тому, чему непонятно как учить?

— Ага, — хором отвечают Челси и Эрик.

— Мы не понимаем, как заставить ИИ думать по-человечески, но можем дать ему доступ к человеку, чтобы он научился сам, — продолжает Эрик.

Я перевожу взгляд с Тору на Джанет и разработчиков. То, чему Маша пытался научить меня

давным-давно, всплывает в голове и проясняется, хотя тогда я не поняла. Маша сказал, что единственный способ решить проблему, с которой ты раньше не сталкивался, — это попробовать решение, о котором ты никогда раньше не думал. Хороший исследователь внимателен, усерден и скрупулезен, но великий исследователь идет на риск.

— Ну и чьи же данные? — спрашивает Никита.

Она прочитала мои мысли. Этот человек будет ключевым. Надо выбирать тщательно. Это должен быть тот, кто каждый день переживает много событий, вроде Вероники или кого-то из Крошек — они как будто все время что-то делают, видят и переживают.

— Хороший вопрос. — Челси перебирает что-то на экране. Смахивает проекцию доклада об одиночестве и проецирует свой экран. — Вообще-то, у нас уже есть кое-кто на примете. Мы заметили кое-что в данных. Паттерн, который нельзя игнорировать.

Она открывает программу данных и переходит к разделу с разноцветными массивами — нашими данными. «Мастер»-линк! Я сразу его узнаю. Но он теперь выглядит немного иначе: тут заметки, там элементы кода.

— Мы назначили каждому, кто добавлял данные, свой цвет, чтобы отслеживать, какая инфа лучше работает. Очевидно, Вики нужно много данных, поэтому сначала она обрабатывала все, что мы конвертировали.

Челси скроллит: прекрасные блоки розового, синего, фиолетового, зеленого, красного, оранжевого и серого. Серые данные, должно быть, добывают у партнеров Тед и Никита. Сначала их очень много, но постепенно все меньше. Затем внезапно исчезают большие фрагменты розового и красного. Наверное, как раз тогда ушли Пронзительная Хохотушка и Финансист. Чей из них был неоново-розовый? Они так себя вели и задавали такие вопросы — кто бы мог подумать, что они могут опередить нас, начав добавлять данные включенных наблюдений раньше, чем попросил Крис.

Мелькают данные, остальные цвета сплетаются и постепенно исчезают, оставляя лишь небольшие всплески синего, зеленого, оранжевого и серого на фоне сплошной стены фиолетового.

— Вики берет все и учится у всех, но мы видим, что она стала тянуться к одному источнику, прежде чем обрабатывать остальные.

Данные текут так быстро, что размываются. И

вот уже все фиолетовое. Фиолетовый — мой.

— Как видите, Вики уже решила за нас, — говорит Эрик.

В стеклянном зале тишина, а данные продолжают мелькать, потом заканчиваются. Сердце колотится у меня в груди.

— Конечно, это большая задача. Монументальная даже. Мы не тестировали стратегию, поэтому не знаем, насколько она может усложниться, — продолжает Эрик.

— Но будем мониторить круглосуточно, — добавляет Челси.

— Фиолетовый — это кто? — спрашивает Тед.

— Ли, — говорит Тору.

— Стойте, — говорю я, пытаясь осмыслить это все. — Данные, которые я ввожу в систему, — они же не обо мне. Дело же в конкретных категориях, которые нам давал Крис. Вики, наверное, тянется к ним, потому что они самые детализированные и глубокие.

Кошачий Глаз фыркает, Проволочная Оправа скрещивает руки.

— Данные, которые ты вводишь в систему, могут быть не о тебе, — объясняет Челси. — Но именно ты их отбираешь.

— Да, — подхватывает Эрик. — Все, что ты со-

брала, отражает твой способ думать о мире, то, что тебе интересно и важно. В каком-то смысле они отражают твой разум. И очевидно, Вики это привлекает.

Я качаю головой. Хочу возразить, но у меня кружится голова. Я думаю о свидании, о том, как не знала, что сказать и как себя вести, поэтому просто выдумывала. И о Дне святого Патрика — как пыталась вписаться, но даже когда вроде бы все шло хорошо, никто не выложил ни одной фотографии со мной. Меня захлестывает волна стыда. Ничего не получится, без шансов. Как я могу помочь Вики понять, что значит чувствовать мир, осмыслять его, если сама не знаю, как это делать?

— Но послушайте, — пытаюсь объяснить я, — мои сильные стороны как исследователя не распространяются на…

— Хватит, Ли, — перебивает Тору. — Ты видела данные.

Вцепляюсь в стол. Хоть что-то надежное. Настоящее, как должно быть. Осязаемый предмет в космосе.

— Ты справишься, — говорит Никита, наклоняясь вперед. — Подумай, сколько усилий ты уже вложила. Сколько мы все вложили.

— Да, и мы будем по-прежнему работать рядом с тобой, — добавляет тихий хриплый голос.

Проволочная Оправа. Пронзительные ореховые глаза за очками. Я и забыла, какой у нее голос.

Мозг разрывается на части. Обрывки Машиных советов: *будь дисциплинированной, будь преданной, не отвлекайся*, и лучшие исследователи адаптируются, когда это необходимо. Слова, подслушанные в дайнере: *береги себя*, и те, что прочитала в архивах: жить стоит только ради других.

Как оставаться дисциплинированной, но при этом адаптироваться? Как беречь себя, но при этом ради других жертвовать собой? Если все думают, что так и надо, почему мне кажется, что это неправильно?

— Я не… Я не подхожу, — пытаюсь возразить в последний раз, оглядываюсь на всех, а они смотрят на меня. Полные надежды, ожиданий, отчаявшиеся, взволнованные, напряженные. А что, если я всех подведу?

— Ерунда. У тебя все получится, Ли, — весело говорит Тед, но я сомневаюсь, что он понимает, о чем я.

Он подходит ко мне, растопырив ладонь, но я не отвечаю на его жест, и он игриво пихает меня

в плечо.

Эрик показывает большой палец. Челси снова повторяет что-то такое про тщательный мониторинг. Никита обнимает меня. Похоже, Проволочная Оправа опять ушла в тень, а Долговязый сидит и потеет.

Джанет скрещивает руки на груди и ободряюще улыбается, губы растягиваются, но лицо почти неподвижно и в глазах таится что-то еще. Беспокойство? Гнев? Разочарование? Кошачий Глаз наконец поднимает на меня взгляд и кивает — мол, просто смирись. В памяти всплывает цитата про коллег: это люди, которые будут на полной скорости мчаться к цели вместе с тобой.

Не понимаю, что происходит. Не понимаю, зачем Вики нужны мои данные. Не понимаю, как будет работать этот новый план.

Но точно знаю: если это единственный способ создать то, что мы хотим создать, если это единственный способ гарантировать успех, значит я должна попробовать.

— Ладно, — слышу я собственный голос. — Сделаю.

Что бы ни потребовалось, чего бы это ни стоило — сделаю.

Часть третья

Глава 17

К дверям прибывает посылка: идеальный кубик. Разрезаю края и вижу ровно то, что мне обещали: часы.

Гладкие, черные, ровные. Точно такие же люди носят в дополнение к экрану и телефону. Но эти другие. Запрограммированы только для меня.

Вынимаю их из коробки. Такие легкие. Маленькие и хрупкие, как спящая саламандра. Эрик и Челси синхронизировали мои аккаунты, чтобы я могла работать как обычно. Наверное, хотят, чтобы я забыла, что именно будут делать часы. Забыла, что они будут собирать все мои данные о физических реакциях, решениях, эмоциональных паттернах, когнитивных процессах. Это все конвертируется для Вики, чтобы она увидела, как человек воспринимает окружающий мир.

Ранним утром Джанет и Тору отправили мне пересмотренное соглашение, и спустя несколько секунд после того, как я его подписала и отправила, мой телефон зазвонил. На экране было имя Джанет, и я занервничала. Она все еще мне не доверяет? Или случилась какая-то ошибка?

Я ответила, и она спросила, не нужно ли мне

чего-нибудь, что угодно. Вроде нет, сказала я. А потом она пробормотала что-то неразборчивое, типа: «Ты точно этого хочешь?»

— Простите? — переспросила я, сомневаясь, правильно ли услышала.

— Ладно, отлично, мы тут рядом, если что. Удачи, — сказала Джанет и повесила трубку.

Странный звонок. Короткий. Неестественный. Я держу в руке часы, а разговор все еще отзывается в памяти. Искренне надеюсь, что они знают, что делают. Искренне надеюсь, что это сработает.

Надеваю часы — маленький прямоугольник поразительно холодный. Резиновый черный ремешок идеально обнимает запястье. Они так хорошо сидят, что в любых других обстоятельствах я бы и забыла, что они на руке.

Затаив дыхание, жду, что же будет. Жду, когда почувствую себя иначе. Сердце колотится, ладони влажные. На часах появляется уведомление, и я вздрагиваю. Но, приглядевшись, вижу, что это просто оповещение от «Дома». Какой-то Чад этого мира решил съесть чипсов на завтрак.

Разглядываю часы, не зная, что делать. Что мне думать и чувствовать, что постараться думать и чувствовать.

Пробую отправить с них первое сообщение.

ли [9:28]
ок, и что теперь?
крис [9:28]
получила?
ли [9:29]
да
пишу с них
крис [9:29]
как ощущения?
ли [9:29]
подходят по размеру
крис [9:30]
хорошо
а сама как?
ли [9:30]
что?
крис [9:30]
как ты себя чувствуешь?
ли [9:30]
нормально
просто не знаю, что мне делать?
крис [9:31]
просто живи
не думай об этом
ли [9:31]
не очень конкретно

крис [9:31]
просто живи как обычно
не грузись
и я тут, если что
ок?
ли [9:32]
ок

Смотрю на экранчик часов, где застыли эти слова.

Знаю, что Крис тоже смотрит на свой экран, или, по крайней мере, я так себе представляю.

В каком-то странном смысле мы как будто смотрим друг на друга.

Живу как обычно, расставляю вещи на шатком белом столе, варю кофе, пью его. В десять часов Крис назначает новую категорию на неделю: «Развлечения». Наверное, он дает мне задание, только чтобы все выглядело как можно нормальнее, пока за мной наблюдают.

Наливаю вторую чашку кофе и пытаюсь погрузиться в ресерч. Но каждый раз, опуская руки на блестящую поверхность экрана, вижу на запястье часы, и у меня сводит живот.

* * *

День проходит, а я все сижу за столом на кухне, смотрю в окно и корю себя. То, что раньше казалось важным, — дрейф через порталы, путешествие навстречу открытиям — вдруг стало незначительным. Добавляю несколько мелочей о развлечениях в программу данных, но не могу войти в ритм. Когда я тут просто сижу, это правда помогает Вики понять, каково оно — жить? Может, стоит просто выйти из квартиры. Но что это за стратегия? Просто бродить и ждать, пока что-нибудь произойдет?

Все равно заставляю себя выйти на улицу и прошу «Карты» отвести меня куда-нибудь в интересное место. Они ведут меня в магазин, где продают еду из зелени и злаков. Ем на улице, стоя, подпирая стену, запихиваю салат в рот, капаю желтой заправкой на белую футболку, иду домой.

Эрик сказал, мне и не надо знать, как работают часы, чтобы они не влияли на мое поведение. Челси, заправляя за ухо розовую прядь, согласилась.

Но когда человеку говорят не думать о чем-то, только об этом он и думает. Особенно я. Мне остается только смотреть на часы и гадать, как они

работают; как мне действовать, как себя вести, чтобы проект удался.

Как они получают доступ к моим данным? Как Крис, Джанет и Тору проверяют, полезна ли моя информация? Важно ли, что я расстроена или смущена из-за желтого пятна в форме Большой Медведицы? Что вообще важно?

* * *

Тем же вечером телефон сообщает, что я тревожусь. «Да неужели», — думаю я и заказываю витамины, которые должны снизить уровень адреналина и кортизола.

Пока жду доставку, начинаю понимать, почему Маша так негативно относился к одиночеству. Почему он хотел заставить его исчезнуть. Легко справляться с эмоциями вроде тревоги, ее легко отследить в теле. Приложение «Здоровье» чувствует ее и сразу предлагает решение. Но если одиночество настолько сложное, как его описывают, понятно, почему Маша встал на сторону желающих его стереть. Проще вообще с таким не сталкиваться. Жаль только, что оно все равно появляется, даже у людей, которые не знают, что это такое.

Принимаю витамины, как только их достав-

ляют, и едва они достигают кровотока, внутри рождается спокойствие. Я понимаю, что абсолютно неверно подходила к проекту. От потрясения, от стресса я позабыла исследовательские навыки.

Теперь, когда я наконец-то ясно мыслю, я забиваю в поиск «как почувствовать себя живым». Миллионы ответов. Пой во все горло, предлагает одна страница. Я скроллю список. Слушай свое нутро, советует другая.

Но что говорит мое нутро? Долго сижу неподвижно, пытаясь понять. Мое нутро. Живот урчит, нога чешется, но я не чувствую ничего особенного, волнующего или захватывающего. Вообще совсем ничего не чувствую, поэтому пишу Крису сообщение про скуку, спрашиваю, стоит ли ее добавить в программу данных. Можно ли скуку отнести к категории «Развлечения».

Но пока пишу, вдруг что-то чувствую. Трепет внутри, желание сделать что-то другое. Это мое нутро?

Удаляю сообщение и пишу новое: спрашиваю, не хочет ли Крис выпить кофе на этой неделе. И сразу отправляю. Чтобы не передумать. Он мгновенно отвечает, что его бывшая девушка предложила ровно то же самое как раз перед тем,

как бросила.

Ладонями растираю лицо. Ну конечно, я всегда делаю все не так. Надо было сначала изучить, как люди приглашают друг друга.

Блям.

Подглядываю сквозь пальцы и вижу смайлик. Крис пошутил? Когда тебя бросают — это смешно?

Блям. Свободен во вторник, годится?

Блям. Но кофе не пью. Слишком разгоняет. Как будто жизнь мчится со скоростью миллион миль в час и сердце вот-вот выскочит из груди. Может, лучше пообедаем?

С каждым ответом часы вспыхивают. Возможно ли, что они уловили этот неясный зуд в кончиках пальцев?

Экран вспыхивает снова и снова, и я понимаю, что это из-за сообщений, а не потому, что от них мое сердце бьется быстрее.

Глава 18

Стараюсь жить как обычно, по совету Криса. Работаю из дома, а когда приходит офисный день, иду в офис. Но в туалете, когда я спускаю воду и выхожу из кабинки, сталкиваюсь с Кошачьим Глазом — она стоит, скрестив руки на груди. Темные волосы мерцают в желтом свете; зеленые глаза переливаются, пульсируя чем-то неопределимым. Она не произносит ни слова.

Мою руки и медленно вытираю их, выжидаю, тяну время. Наши взгляды встречаются в отражении, я не понимаю, злится она, тревожится, завидует или просто устала. Наконец у меня кончается терпение.

— Слушай, я не выбирала.

— Знаю.

— Ладно.

— Ладно.

Мы смотрим друг на друга в зеркало как будто ужасно долгие часы, и ни одна не думает уходить.

— Не волнуйся за другие данные, — нарушает тишину она. — Про ресерч по категориям. Это на нас. А ты занимайся своим делом.

— Ладно, — говорю я, но на самом деле хочу спросить: «Как?»

— Сейчас ты не можешь просто изучать чужой опыт, — говорит она. — Если Вики нужно понять, как работает мозг, тебе надо что-то испытывать самой. Понимаешь, да?

— Да.

Хочу рассказать, что последние несколько дней именно это и пыталась делать, но меня как будто заморозили. Я привыкла наблюдать, а не быть объектом наблюдения. Хочу признаться, что впервые за долгое время я не знаю, что делаю. Что пробую разные вещи, о которых читала, например добавляю корицу в кофе, но волнуюсь, что этого недостаточно.

— Ты нормально? — спрашивает Кошачий Глаз, все еще пристально глядя на меня.

Киваю.

— Не волнуйся, — говорит она. — Все будет хорошо. Все получится. Если кто-то и может сделать так, чтобы все сработало, то это ты.

Снова киваю и заставляю себя улыбнуться, но от ее ободрений подкатывает тошнота.

Отворачиваюсь и снова сую руки под сушилку, хотя они уже сухие, и держу их там, пока за Кошачьим Глазом не закрывается дверь.

Интересный вечер не начинается с салата, сообщают мои изыскания, поэтому я пишу Крошкам, не хочет ли кто-нибудь сходить в новую сушарню в даунтауне. И хотя я даже не люблю суши, все же Кошачий Глаз права. Надо делать больше, больше пробовать, больше видеть.

Барабаню ногой под столом и пялюсь в телефон в ожидании. Первые несколько ответов — отговорки: много работы, буду на тренировке, на свидании, устала. Но Вероника согласна. И во мне разливается что-то вроде благодарности. Мы договариваемся встретиться в восемь вечера, я прихожу на пять минут раньше, потому что раньше — это вовремя, но Вероника уже там, пьет в баре, удобно устроившись с видом завсегдатая и флиртуя.

— Ли! — Она машет мне и знакомит с коллегой.

Женщину, чье имя я не могу запомнить, загостил парень, с которым она встречалась три месяца. На каждом слове кажется, что она вот-вот заплачет, но в конце каждого предложения она смеется. Странная каша из эмоций, и они явно видны на ее лице.

Мы сидим на зеленом диване в глубине зала, и я прошу Веронику помочь мне выбрать роллы, в

которых поменьше рыбы. Она кивает и говорит, конечно, но еще советует «пожить настоящей жизнью». Мне становится не по себе. Неужели все так очевидно?

Когда приносят роллы, которые она мне заказала, на них сверху дрожат мелкие оранжевые икринки, и они скользят на языке. Склизкие, мерзкие.

Осиливаю только четыре кусочка, а все остальное съедает коллега Вероники. Маленькая оранжевая икринка прилипла к ее губе, и поэтому я не могу сосредоточиться на том, что она говорит. Она жмет на экран на столе и заказывает еще две порции роллов и напитки, и снова бубнит, что парень, с которым она встречалась, не любил суши, а любил только греческую еду. В ее глазах стоят слезы, готовые залить все ее плоское лицо. Розовая помада очерчивает почти несуществующие губы.

— Я так устала от хумуса, — говорит она, и рот у нее полон риса и водорослей. Наконец она вытирает губы салфеткой, и дрожащая оранжевая икринка исчезает. — Вечно этот чертов хумус. И как жить?

— Да ужас! — сочувствует Вероника, явно искренне.

Я киваю, приканчиваю свой коктейль и разгребаю лед соломинкой, чтобы собрать последние капли.

— Он никогда не ел со мной суши, — страдает женщина, — а я люблю суши.

— Без него тебе будет лучше, — говорит Вероника.

Ее подруга кивает и запихивает в себя ролл с толстенным слоем васаби. По щекам ее текут слезы, и я не понимаю, это от горчицы или расставания.

Снова приносят выпивку. От бокалов на столе остаются влажные круги. Я тянусь за своим бокалом, и тут на запястье вспыхивает сообщение, а я вспоминаю, что на мне часы. Смотрю на Веронику, на ее подругу, и жму кнопку, заказывая еще выпивки. Чем дольше я смогу пробыть с этими двумя, у которых, кажется, так много всего происходит в жизни, тем лучше.

Мимо проплывают огни, смазанные, как искры от петарды, и ветер швыряет волосы мне в глаза, когда мы мчимся в центр города, в тусклый, замызганный бар, где все движутся в полутьме, и я двигаюсь тоже, потерявшись в толпе, а потом Вероника обнимает меня, теплая и мягкая, прижимается к моей к щеке и мы скачем, вы-

крикивая слова песни, которую я не знаю, но там все время повторяется ЛЮБОВЬ и СЕКС, да-а-а-а, ЛЮБОВЬ и СЕКС, так что мы выкрикиваем слова друг другу в лицо, и я не знаю, куда ушла ее подруга, но музыка гремит в крови, внутри черепа, бум-бум-бум! и мы заказываем выпить, и я широко улыбаюсь танцующему силуэту, шире, чем при входе в офис, и текила на вкус не как текила, а как сахарная вода, и я тяну ее через маленькую черную соломинку, наблюдая за собой в ростовое зеркало в туалете.

Вот, значит, как я выгляжу, когда пью через соломинку? Тонкие сухие губы. Маленькая голова. Распущенные каштановые волосы. Втягиваю глоток и наблюдаю, как двигаются мои щеки, наклоняюсь так близко к зеркалу, что стукаюсь об него носом. Нос состоит из хряща и кости.

Но пить, глядя на себя в процессе, так *странно*. Отступаю на шаг и пытаюсь пить сексуально, как люди в «Доме», но тут врывается Вероника, и мы встречаемся взглядами в зеркале — я с выпяченным бедром, губы сложены уточкой вокруг соломинки. Вероника тычет в меня пальцем, всхлипывает и хохочет, на секунду прикрывает ладонью рот и потом кричит: «Ты что делаешь!»

И ее крик в таком маленьком пространстве зву-

чит ужасно смешно, так что я тоже смеюсь, тычу пальцем в нее и тоже кричу: «Ты что делаешь!»

— Погоди, погоди. Попробуй, — говорю я. Опять поднимаю бокал и смотрю в зеркало. — Пей.

Она поднимает свой и мелодично произносит:

— Пей.

— Пей, — говорим мы хором. А потом кричим: — Пей! Пей! Пей!

Такое простое и глупое слово, что мы все повторяем его и повторяем. Сойдем же вниз и смешаем их язык, тогда они перестанут понимать друг друга[5]. Мы смотрим на себя в зеркало и пьем, пока в бокалах не останется ничего, кроме льда и воздуха, и повторяем это слово, пока оно не перестает звучать как слово, потому что это та-а-а-ак смешно.

Мы решаем оторваться по полной и поэтому повторяем незнакомцам «пей», пока кто-то из них не угощает нас, и мы тянем через соломинку — нет, мы делаем «пей», — и музыка проникает под кожу, и бар становится тусклее и замызганнее, а потом люди, звуки и тени перемешиваются и сливаются воедино.

А потом я опять смотрю на оранжевые икрин-

---

[5] Примечания: 5
Бытие 11: 7.

ки совершенной формы, идеально круглые и слипшиеся, только теперь они смешаны с моей рвотой на белой плитке ванной. Я потрясенно показываю их Веронике:

— Мне нужно стать как они.

Она энергично чистит зубы где-то надо мной, слишком рьяно, что-то бормочет, я не слышу.

— Мне нужно стать как эти ребята, — говорю я и ложусь щекой на плитку рядом с икринками. — У них внутри столько жизни.

* * *

Когда утром срабатывает будильник, мне кажется, что он внутри головы и лупит прямо по мозгам. На кухонном столе стакан воды, две таблетки от похмелья и записка: «Пей:)»

Смотрю на часы, но ничего не изменилось.

Сижу на зеленом диване, кожа ноет, колени пульсируют. Я открываю «Дом» с телефона, лайкаю несколько постов, откладываю телефон и открываю «Дом» с часов. Дженни в Коста-Рике позирует с игуанами. Хосе получил повышение в какой-то консалтинговой фирме. Клэр выложила фотографии, на которых она кидает одеяло кому-то на голову.

Выгоняю себя прогуляться до дайнера, позав-

тракать и разогнать кровь. Мне больше не нужны «Карты» — теперь ноги сами несут меня по знакомым улицам; по дороге я думаю, как же редко взрослым выпадает возможность поорать во все горло, как мы вчера. Свобода — кричать в баре вместе со всеми.

Думаю о том, как удивительно красиво было в этом упадническом баре, как неон высвечивал наши лица. Деревянные полы в щербинах, отвратительные, полные историй, вырезанных на досках. Вспоминаю, как зеркало кривилось и как я искривлялась в нем. Даже смеюсь вслух на ходу, вспомнив, как глупо выглядели мы с Вероникой перед этим зеркалом: уставились друг на дружку и тянули коктейли через соломинки.

Таблетки подействовали, головная боль прошла, и, может, поэтому я чувствую странное удовлетворение. Облегчение. По меньшей мере, я на верном пути. Столько всего случилось за одну только ночь, и даже если я не знаю, что обо всем этом думать, как минимум я смогла стать глазами Вики. Она видела, как я проживаю разные виды жизненного опыта:

а) есть суши на ужин;

б) смотреть, как кто-то плачет, и не понимать почему;

в) танцевать пьяной;

г) выпивать пьяной;

д) вырубиться на полу в туалете;

е) страдать от похмелья.

Я так задумалась, что чуть не прошла дайнер. Решетки на окнах опущены, так что я его совсем не узнаю. Подхожу ближе, заглядываю в щель: стулья сложены друг на друга в высокую стопку в углу. Повернутые на бок столы лежат на полу. Никакой суеты. Ни резинового запаха пережаренного омлета, ни сладковатого аромата французских тостов.

Несколько минут я просто стою и смотрю.

Не может быть, что он закрылся.

Но маленькое объявление на двери подтверждает. Дергаю за ручку для верности и смотрю сквозь свое отражение туда, где раньше стояла дружелюбная русская женщина. Где она теперь? Старый кассовый аппарат по-прежнему на месте, ящик выдвинут. Кто-нибудь когда-нибудь еще назовет меня деточкой, как называла она? Вспомнит, что я люблю на завтрак, как помнила она?

Отстраняюсь от окна, стираю жирный овал, оставшийся от моего лба, и отступаю, не желая отвернуться от ветхого фасада. Столько дней я сидела на одном и том же месте, смотрела на тот

же самый экран, ходила в один и тот же дайнер. Привычка — это смерть осознанности.

Можно ли любить место? И чтобы оно отвечало тебе любовью? Недавно я наткнулась на пост с рассуждением о том, что с Нью-Йорком все состоят в абьюзивных отношениях. Он делает людям больно, но никто не хочет отсюда уезжать.

Можно ли переживать за незнакомцев? И чтобы они переживали за тебя в ответ? Я ухожу, сбитая с толку захватившей меня печалью. Переходя улицу, в последний раз оглядываюсь и поднимаю руку — помахать на прощание.

Дома, в тумане разочарования, роюсь в переднем кармане рюкзака, ищу бальзам для губ. Надеюсь, что густой слой на губах снова поможет мне собраться. Палец натыкается на какой-то мягкий угол, и я замираю, вытаскиваю руку из кармана и сижу несколько минут, а в ушах пульсирует кровь. Снова сую руку внутрь и осторожно достаю визитную карточку.

Верчу ее и разглядываю обе стороны. Тонкая, но прочная. Маленькая, но волшебная; буквально можно коснуться его имени. Я так и не написала ему. Сколько времени прошло? Неделя, три? Кладу карточку на стол и хожу кругами.

Вероника говорила связаться с ним. Говорила,

что никто никогда не бывает любезным просто так, но что это вообще значит? Всего лишь письмо, говорю я себе.

К тому же я бы такого никогда не сделала.

Именно поэтому — как исследователь — я должна написать. Будет новый опыт для Вики, как вчерашний выход.

Но писать совершенно незнакомому человеку ужасно. Да и что написать?

И потом, наверняка он даже не ответит.

Меня разрывают сомнения, и я решаю: если температура выше семидесяти пяти градусов[6], я напишу. Вот так просто. И не стану себя отговаривать. И больше не буду об этом думать.

Открываю «Погоду» и вижу семьдесят шесть градусов. Не давая себе задуматься, пишу короткую записочку. Жму «отправить», уношу экран в свою комнату, плотно закрываю дверь и возвращаюсь на кухню. Потом иду назад и проверяю, правда ли письмо отправилось. Читаю его раз, другой, третий, потом сую экран под подушку, чтобы не видеть. Снова надеваю кроссовки и затягиваю шнурки — на этот раз слишком туго.

Выхожу и иду, иду, пока не оказываюсь в парке,

---

[6] Примечания: 6
По Фаренгейту; 23,8°С.

о котором даже не знала, и кружу по дорожке, изо всех сил стараясь огибать двух маленьких девочек в розово-фиолетовых шлемах, которые, похоже, соревнуются, кто из них проедет на самокате ближе ко мне и не врежется. Ступни пульсируют, так что я наклоняюсь ослабить шнурки.

Мигают часы, и я тут же впадаю в панику: вдруг это ответил мужчина с визиткой? Но это всего лишь мотивирующий бабл: Вызываем шагомер? Ведь кое-кто сегодня прибавил шагу! Так держать, Ли!

После нескольких кругов по парку в густом влажном воздухе я иду домой. Проверяю почту, делаю ресерч для категории «Развлечения» — проходит, кажется, не меньше получаса, но, когда я снова проверяю почту и смотрю на часы, оказывается, что всего восемь минут. Странное это чувство — ожидание; как будто все мое представление о времени полностью распалось.

* * *

Ночью, уже лежа в постели, получаю сообщение от Никиты. Короткое, простое, несколько ссылок на йога-ретриты для поисков своего внутреннего «я». Тед тоже прислал письмо с приглашениями

на разные вечеринки по всему городу. Я помечаю их как непрочитанные. Я понимаю, все пытаются помочь, но только напоминают мне, насколько им важно, чтобы новая стратегия сработала.

Я измотана из-за похмелья, закрытия дайнера, количества пройденных шагов и письма незнакомцу. Пусть даже он не ответил, я все равно чувствую, что чуточку продвинулась. Интересно, Вики распознала мою внутреннюю борьбу перед отправкой письма? Заметила, сколько тревоги оно вызвало и сколько чистой энергии, ускользающей и дерзкой, выработалось в организме после того, как я рискнула? Будет ли все это преобразовано в код? Поможет ли найти то, что мы сами не можем измерить?

Я только что проверяла почту на телефоне, но проверяю снова в часах. Нет новых сообщений. Это даже хорошо. Вики должна узнать больше и об этом странном ощущении, смеси цемента и сахара. О необъяснимом периоде ожидания и неведения: случится или нет?

Целиком накрываюсь простыней, потом сбрасываю ее. Задираю ногу и смотрю, как далеко могу вытянуть ее над головой. Разве можно закрыться без предупреждения? Или были какие-то знаки, а я их пропустила?

Как кусок бумаги может быть таким тяжелым? Как отправка электронного письма может оказаться настолько драматичным событием? Может, я идиотка, что написала, но ведь каждый бывает идиотом время от времени?

Пытаюсь осмыслить этот день. Позволить вот этому чувству — что я идиотка, но мне с этим о'кей — проникнуть под кожу, а оттуда и дальше, в черный, невесомый, якобы неприметный объект, который едва ощутимо прижимается к венам на запястье.

Глава 19

Крис перенес наш обед. «Можем на следующей неделе? — пишет он. — Сейчас все так заняты, график-то жесткий».

Я не осознавала, как сильно ждала нашей встречи. Исключительно ради дела, конечно. Пишу ему, что все в порядке, я все понимаю, у меня тоже сегодня полно дел — хотя не знаю каких.

«А какой у нас график?» Начинаю печатать, но не успеваю закончить: Крис присылает новую песню. Специально меняет тему? Не знаю, что именно мне полагается знать. И о чем можно спрашивать. Похоже, все ходят вокруг меня на цыпочках.

Мы переписываемся о песне, о концепции власти Фуко, гортензиях, искусственном вкусе грейпфрута и почему людей притягивает саспенс. Где-то по ходу он спрашивает, как у меня дела, и мне хочется рассказать, как я отправила письмо незнакомцу, но внезапно кажется, что все это мелко.

Поэтому я признаюсь, что как будто застряла. Он советует делать все как обычно. Рутина помогает нам чувствовать себя уверенно в стрессовых

ситуациях, говорит он.

ли [23:10]
в этом и проблема
с моей рутиной…
скажем так, Вики ничего не узнает о том, что значит быть живым
крис [23:11]
лол, ли
а то, что ты делаешь каждый день, за жизнь не считается?
рутина или нет
или ты что-то скрываешь…
ты зомби!
или вампир???
ли [23:11]
лол, не важно
я плохо объясняю

Изучаю трещину над окном, похожую на дельту реки, и думаю, что́ хочу сказать. Как объяснить, что все неправильно?

Я привыкла к давлению. Ожиданиям. Вызовам. В лаборатории, если кто-то сомневался во мне или я в себе сомневалась, я просто упиралась и работала усерднее. Это всегда срабатывало, но теперь я не знаю, что делать. Как работать усерд-

нее, чтобы стать живее? Я делаю все возможное и стараюсь познавать разное. Повторяю все, что описано в данных исследования, но все равно кажется, что мне чего-то не хватает.

крис [23:12]
да я шучу шучу!
в каком смысле «застряла»?
застрять можно по-разному
ли [23:13]
ну просто моя обычная жизнь не особо
ну, этого недостаточно, чтобы помочь Вики
крис [23:12]
хм
тогда может забить на рутину?
так тоже норм, знаешь
все, что ты хочешь делать, все норм
ли [23:13]
может, лол
не знаю
крис [23:13]
давно ты делала то, что тебя пугает?

Мы с Крисом переписываемся, обсуждаем все, что может меня напугать, придумываем всякое, глаза уже слипаются, сон подступает по чуть-чуть, а потом наваливается сразу весь.

* * *

На следующий день я проверяю список страхов, который мы составили: пауки, высота, смерть и горячий куриный суп с лапшой. Они кажутся знакомыми, и до меня доходит, что все это на самом деле страхи других людей, о которых я читала онлайн. Сердце не бьется быстрее, когда я думаю о пауках, заползающих мне в нос, а когда открываю окно и высовываю голову наружу, не чувствую ничего, хотя квартира на пятом этаже над клочком затхлой земли между зданиями. Я снова сажусь за стол, чтобы подумать.

Около полудня Вероника выходит из своей комнаты и берется делать сэндвич, швыряет хлеб на тарелку, кидает сверху кусок индейки, роняет нож на пол.

— Тебе сделать?

— Нет, спасибо, — говорю я, потягивая третий за день кофе.

Вероника доделывает сэндвич и садится напротив меня за шаткий белый стол.

— Над чем работаешь? — спрашивает она, откусывая огромный кусок. Падает ломтик помидора.

— Ну, тут разное.

— Разное? — повторяет она с полным ртом.

Встает и открывает холодильник, шарахнув дверью о стену. Возвращается к столу с огромной банкой майонеза и вываливает здоровенные комья поверх индейки. У меня сводит желудок.

— Какое разное? — спрашивает она, кладет сверху кусок хлеба и прижимает, так что сбоку вылезает сопля белой мерзости.

Я отодвигаю стул подальше.

— Пытаюсь понять, что меня пугает.

— О, это хороший вопрос. Ваш босс опять попросил для тимбилдинга?

— Типа того.

— И чего ты боишься? Я вот боюсь сломать ноготь, порвать ахиллово сухожилие на скейте и умереть в одиночестве.

Как она так легко перечисляет свои страхи, а я сижу в прострации, не в силах понять про свои? Вероника откусывает еще кусок сэндвича, и пятно майонеза расползается по ее щеке; я встаю так резко, что стул громко скрежещет по полу.

— Что? Что такое?

— У тебя на лице эта… эта гадость, — говорю я, изо всех сил стараясь не смотреть.

— Майонез? — говорит она, расплываясь в нечестивой ухмылке и даже не пытается его сте-

реть. — Ли, ты боишься майонеза?

— Нет. Это было бы дико.

Вероника откусывает еще раз и нарочно размазывает белую кляксу по щеке. Я отступаю в коридор:

— Я, пожалуй, поработаю у себя в комнате.

— Охренеть, это потрясающе. Ты боишься майонеза!

— Не боюсь, просто меня от него тошнит.

Она шурует ложкой в банке и вычерпывает здоровенный ком кремовой слизи.

— Вероника, что ты делаешь? Засунь его назад. Этой хренью можно подавиться насмерть.

Она медленно идет ко мне, улыбаясь, с майонезными щеками, и держит перед собой ложку с гигантским шевелящимся комом. Я пячусь по коридору.

— Ли, ты вроде говорила, что для работы тебе нужно встретиться со своим страхом? Слабо такое съесть?

Шмат майонеза подрагивает от ее смеха, а мне трудно дышать от одной мысли, что он застрянет у меня в носу, во рту, удушит меня. Я отступаю, пока не упираюсь в угол. Вероника еле сдерживает хохот, ее грудь и мерзкий ком колышутся вверх и вниз, из стороны в сторону. А моя грудная

клетка сжимается и, кажется, проваливается вовнутрь. Вот так ощущается страх? Я хватаю себя за запястье, закрываю глаза и открываю рот.

Терпкая, кремовая, воздушная, взбитая слизь. Душит меня. Я выплевываю ее, забрызгивая все кругом. Пытаюсь оттереть пальцами язык, стряхиваю мерзость на пол и стены. Открываю глаза и вижу, что у Вероники заляпано все лицо.

Мгновение мы смотрим друг на друга, а потом хохочем так, что мне приходится бежать в туалет, чтобы не описаться.

* * *

Внутри квадратной студии симпатичный мужчина в легинсах из спандекса возится с наушниками. Я рассматриваю других, не глядя никому в глаза. Поиск сообщает, что это место гарантированно заставит вас почувствовать себя живым, и вот я здесь, надеясь отсидеться в углу.

Мужчина в спандексе надевает наушники и принимается болтать о своей аквариумной рыбке, и о том, как она научила его терпению, и что нам всем следует быть терпеливыми, как его рыбка Джастин. Он раздает нам красные ленты, приберегая более толстые зеленые и черные для постоянных участников. Велит головам, дрей-

фующим на экране, достать ленты и объясняет нам, как читать фитнес-борд. Говорит он быстро, затем нажимает на выключатель, убирая свет и прибавляя громкость музыки.

— Понедельник день тяжелый, — кричит он, приседая. — Вы пришли — уже герои!

Все следуют его примеру, садятся на корточки, и я тоже. Если бы все было так просто, думаю я. Пришел — и уже герой.

— Раз, два, раз, два, — кричит он, ускоряясь.

Розовая молния освещает комнату. Мы двигаемся, и двигаемся, и двигаемся.

— Ты не должен никому, ты не должен ничего, — пыхтит он в микрофон. — Ты не должен никому, кроме самого себя!

Музыка грохочет. Предплечья горят, мы закручиваем ленты восьмерками над головой. На фитнес-борде я перехожу от фрустрации к состоянию трупа, а затем к тому, что он называет зоной адреналина.

— Держись там, Ли, держись, детка! В этой зоне! — подбадривает он.

Мы прыгаем. Скользим. Кружимся. Вращаемся. Кожа моя рыдает. Пот сочится сквозь эпидермис, дерму и гиподерму.

— Зачем ты здесь?

Он говорит в микрофон, и слова влетают прямо в уши. Хочется ему ответить, что каждый день спрашиваю себя о том же.

— Только ты знаешь, сколько отдаешь! — кричит он.

Мне кажется, я отдаю все, что могу. Но я машу лентой из стороны в сторону одной рукой, а потом другой, не позволяя ей опуститься, хотя мышцы в огне, и понимаю, что могу дать больше. Всегда могу дать больше. Чтобы доказать себе. Чтобы помочь Вики. Чтобы проект состоялся.

Когда мы меняем позиции, я поднимаю голову и удивляюсь, глядя на себя в зеркале. Я ли это? Румяная, прилизанная мышка? Мы не можем увидеть мир, не видя фрагментов себя.

Инструктор велит, чтобы в последних сериях выпадов и поворотов мы подключили голос. Требует выпустить весь стресс, ярость и печаль наружу. Интересно, не выпустит ли кто-нибудь из этих людей еще и одиночество? Может, женщина, скачущая рядом, ходит на занятия, чтобы не быть одной.

На счет «три», говорит он. Раз. Мигают розовые огни. Два. От грохота все немеет. Три. Из меня вырывается звук, и я его не узнаю. Он сливается с ревом людей вокруг. Мы открываем рты, и мир

распадается.

Глава 20

Я скроллю ленту «Дома» в поисках чего-нибудь полезного для Вики, нахожу форум с оживленной дискуссией, где прямо сейчас люди обсуждают свои лучшие впечатления.

«Все, что заставляет смеяться», — пишет кто-то.

Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз смеялась по-настоящему, и вспоминаю, как мы с Вероникой пили через соломинки в затхлом баре. Или вот случай с майонезом, когда я заплевала ей все лицо.

А потом ко мне внезапно приходит воспоминание, о котором я почти забыла. О стриженном под машинку бегуне и как он выбросил конфету в Гудзон. Так неожиданно, так свободно, и как я тоже выбросила свою, и мы смотрели друг на друга с чистой детской радостью. Я открываю «Знакомства», чтобы снова найти его профайл, но, промотав новые предложения, вместо его аккаунта вижу серый блок. Деактивирован.

Ладно, тем лучше для него, думаю я, хотя в груди все еще тяжело. В этом же и суть «Знакомств» — найти себе пару. Ищу его в «Доме», чтобы по-

смотреть на его девушку, а вместо этого вижу сообщения вверху профайла:

Поправляйся!
Думаю о тебе, Кайл <3
Мы с тобой. Мы любим тебя.

Читаю и понимаю, что его госпитализировали. Рою дальше, но, похоже, никто не знает, чем он болен. В памяти возникают его ссутуленные плечи, когда он уходил, взгляд, полный разочарования, и эти воспоминания захлестывают меня.

Люди чувствуют одиночество, когда не могут установить значимые связи с другими, с окружающим миром, говорилось в секретных материалах, которые прислал Крис. Были ли такие связи у бегуна, не от этого ли он страдал? И даже когда я ухожу с его страницы и пытаюсь отвлечься на поиски чего-то другого, глубоко под ребрами скребется жуткое подозрение.

* * *

На следующий день прихожу в офис и удивляюсь: Тору сидит в стеклянном конференц-зале один. Он нажимает кнопку, жалюзи опускаются, — наверное, смотрит доклад об одиночестве.

Отпиваю кофе, прохожу мимо столов консуль-

тантов, где все усердно работают, погруженные в архивы, и тихонько стучу, прежде чем войти. Тору кивает мне, не отрываясь от работы. Я никогда не видела его отдельно от Джанет, и он выглядит маленьким, один в этом зале.

— Новые случаи? — спрашиваю я, надеясь, что голос звучит естественно.

— Каждый день, — отвечает он небрежно, не поднимая взгляда.

Стою сзади и несколько минут молча наблюдаю, как на экране вращается карта и голубые точки усеивают крапинками очертания городов, пригородов, островов.

— Там есть имена? — спрашиваю я.

Тору отрывается от экрана и глядит на меня с минуту, как будто впервые видит:

— В смысле?

— Точки. Это же конкретные случаи, верно?

— Верно.

— Мы знаем, кто эти люди?

— Мы можем выяснить, да, — говорит он осторожно, но быстро. Он, как всегда, в нетерпении, в характерной нервозности.

— Я могу сама это узнать? — Я переступаю с ноги на ногу.

— Нет. У тебя нет доступа к докладу.

— Ладно, а можете поискать кое-кого для меня?

Тору откидывается на спинку стула, в глазах синие отблески экрана.

— Зачем?

— Просто интересно.

— А если узнаешь про того, кто тебе дорог? Как это скажется на работе?

— Мне нет дела до этого человека, — говорю я.

Я не дала себе шанса им поинтересоваться.

Тору качает головой и смеется:

— Джанет будет в ярости. Она волнуется за тебя.

Джанет за меня волнуется? С чего бы? Хочется спросить, но понимаю, что шанс получить ответы вот-вот испарится.

— Джанет не обязательно знать, — говорю я, и почти сразу жалею об этом. Не хочу под нее копать.

К моему удивлению, Тору протягивает мне свой экран с докладом:

— Давай, пока я не передумал.

Ввожу имя бегуна, и картинка на экране быстро смещается, одна из точек увеличивается и превращается в профайл человека. На видео он ест спагетти, один в маленькой квартире.

— Ты его знаешь? — спрашивает Тору.

Видео заканчивается, и включается интервью в больнице. Оно отображается на экране у меня в руке и на стене перед нами.

— Не особо.

А могла бы узнать. Вспоминаю, как он тогда пришел и как ушел. Думаю, сколько других людей проходят мимо друг друга, а их тени тянутся друг другу навстречу и не дотягиваются. Не могу оторвать взгляд от бегуна на стене: он что-то говорит, в глазах пустота и поражение.

— Ладно. — Тору протягивает руку за своим экраном. В глазах вопрос, но он ничего не спрашивает.

— Спасибо, — говорю я.

Он забирает экран и возвращается к своему занятию. Я иду к двери, но мешкаю:

— Тору?

— Мм.

— У нас получается? Я могу сделать что-то еще?

Если кто и скажет мне правду, так только Тору, даже если его мотивы не всегда ясны. Он расчетливый, он стратег, но он честный. Похоже, ему не хватает терпения плести сложные истории, уклоняться от вопросов или скрытничать.

— Пока рано судить. Надеюсь, мы собрали достаточно, чтобы в ближайшие недели или около того все сдвинулось, потому что времени у нас немного.

— Сколько?

— Не вечность, — быстро говорит он, усмехаясь, хотя ни одному из нас не смешно. Приглаживает волосы, но они опять встают дыбом.

— Сколько?

Он долго не отвечает. Так долго, что мне кажется, он намекает, что мне пора. Пожалуй, я зашла слишком далеко. Но потом он поворачивается ко мне, и я вижу, что он принимает решение, взвешивает варианты.

— Помнишь, как мы впервые показали вам этот доклад? И Джанет сказала, что над проектом работают и другие компании?

— Да, — говорю я, недоумевая, к чему он клонит.

— Ну, — говорит он, — почти все они закончились неудачей.

Неудачей? Слово отзывается эхом и вибрирует в моей амигдале.

— И как ты уже заметила, — он показывает на стену, — случаев все больше. Понимаешь, к чему все идет?

Я киваю, когда до меня доходит. Ставки выше, чем я думала. Это не просто задача, не просто проект, где я могу доказать свою значимость. Другие проваливаются. И пока мы работаем, неуловимая, невидимая вещь, которую зовут одиночеством, растет. Это не соревнование с другими, не гонка к успеху. Мы бежим наперегонки с неудачей.

— Сколько компаний осталось? — спрашиваю я.

— Девушка, которая задает вопросы. — Он смотрит на меня с любопытством. — Так написано в твоем профайле. На мой взгляд, это хорошо. Опасно. Необходимо.

Кровь приливает к моим щекам.

— Знаешь, мы с тобой не сильно различаемся.

Я жду, не находясь с ответом. Не понимаю, что он имеет в виду. Я не знаю о нем ничего, кроме того, что видела сама, а у него на меня целое досье.

— Ты злилась, когда только приехала, верно? — спрашивает он, усмехаясь.

У меня ком в горле. Он думает, это смешно?

— Я бы тоже злился. Перед тобой была такая понятная дорога, и вдруг этот… странный поворот. Но ты целеустремленная. Я это вижу. Ты хочешь чего-то добиться.

Он смотрит на доклад, дрейфующий вокруг.

— Таким, как мы, нужен вызов. Мы хотим изменить жизнь. Хотим делать что-то важное.

Я киваю.

— Вот за это я люблю изобретательство, творчество. Это немножко отличается от обычного пути к успеху, о котором ты мечтала. Но такие проекты, которые почти наверняка потерпят неудачу… В них интересно то, что, если они складываются, если нам удается их вытянуть, иногда — очень редко — мы удивляем весь мир.

Он точь-в-точь как Маша: тот тоже говорил такие вещи, о которых потом приходилось размышлять неделями, чтобы до конца понять, но и в тот миг, когда он говорил, они уже казались чистой правдой.

— Это я к тому, что если я могу с этим справиться, то и ты сможешь. — И он замолкает, глядя на меня.

Киваю. Я просто хочу знать, что происходит, с чем мы столкнулись, как быстро мне нужно работать.

— Остались две компании, — наконец говорит он.

— Включая нас?

— Включая нас.

Стараюсь держать лицо, не выдать эмоций.

— Правительство собирает новую группу компаний для помощи, но, думается мне, они не успеют. Если учесть, что мы тут видим.

Мы смотрим на проекцию доклада на стене. Голубая воронка закручивается, вращается вокруг нас и, кажется, растет с каждой секундой.

— Но все же новая стратегия, похоже, работает. Доверься ей. Мы тебе скажем, если нужно будет что-то делать иначе.

— Ладно, — говорю я, заталкивая поглубже вопросы, потрясение, ужас.

— Ладно, а теперь дай мне поработать.

Я киваю и поворачиваюсь к выходу.

— И, Ли, — говорит Тору, когда я уже тянусь к дверной ручке, — как думаешь, это может остаться между нами?

— Абсолютно, — обещаю я и выхожу.

* * *

В метро крутится реклама. Несколько минут в ней женщина, она скачет и улыбается. Крупный план на зубах, приближается и отдаляется, и я гадаю, может ли реклама распознать, что мне нужно отбелить зубы.

Пытаюсь сохранять спокойствие. Пытаюсь мыслить ясно, но это невозможно, потому что

мысли разлетаются искрами фейерверков. В голове на повторе бегун из доклада об одиночестве.

Он поправится? Смогла бы Вики ему помочь? Что будет, если одинокими станут слишком много людей? В одной работе говорилось, что одиночество людям отвратительно. Они избегают его любой ценой. Интересно, есть ли тут эффект домино: чем больше людей, не способных соединиться с другими, проваливается в трещины общества, тем меньше остается тех, с кем вообще можно наладить связь. Схлопнется ли наше общество? Не потому ли Правительство в деле?

В офисе я сохраняла невозмутимость. Вела себя как обычно. Но едва вышла и улыбнулась в камеру, слова Тору стали просачиваться в меня, заползать под кожу.

Время на исходе.

Если в проекте остались всего две компании, а одиночество растет, Вики обязана заработать. Вот что, наверное, имел в виду Крис, говоря про жесткий график. Почему он не объяснил конкретнее? Я заблуждалась, полагая, что достаточно парочки новых впечатлений раз в несколько дней. Двигалась слишком медленно, делала слишком мало.

Мы летим под землей, а я просматриваю письма, отмечаю их непрочитанными, прячу телефон

в карман, оглядываюсь, опять возвращаюсь к тем же письмам. Я как на иголках. Поездка в метро — это считается за опыт? Может, сходить отбелить зубы? Что Вики нужно от меня, чтобы понимать людей лучше, быстрее?

Поезд врывается на станцию и двери разлетаются в стороны. Входят новые люди, реклама закручивается волчком и превращается в танцующий макаронный рожок.

Откуда Тору знает, что я злилась, когда только приехала? Что, было так очевидно? Но он прав: я хочу, чтобы моя работа имела смысл. Я вижу, что потенциально этот проект может не просто повлиять на людей, но и целиком изменить их жизнь. Теперь понятно, что это, наверное, важнее всего, что я когда-нибудь сделаю. Кто не рискует… и так далее.

Вытягивая телефон из кармана, прохожу сквозь волчок рекламы, жму на чат, на «Дом», проверяю почту и почти закрываю вкладку, но тут вижу новое сообщение от неизвестного отправителя. И уже готова его удалить, но в памяти всплывает имя, и колени мои подкашиваются.

Мимо проносятся бетонные стены метро. Я пропускаю свою остановку, но беру себя в руки и выхожу на следующей. Поднявшись на два

мокрых лестничных пролета, выхожу в ночь и опять проверяю письмо — убедиться, что оно правда там. На экран падают теплые капли дождя. В расплывшихся пятнах читаю короткие предложения, снова и снова.

Ли, рад тебя слышать. Ты все узнала, что было нужно для проекта про эмпатию? Или, может, в этот раз выпьем кофе как положено?

Дж.

Я перехожу на трусцу, а потом бегу. Добираюсь до дома, плечом толкаю дверь и вваливаюсь в квартиру в мокрых джинсах.

— Что за?.. Там дождь, что ли?

Вероника оглядывается на меня с дивана: блестящие карие глаза распахнуты, светлые волосы по-прежнему в идеальных кудряшках. Она сидит по-турецки, в старой футболке, со стаканом вина. Бутылка на столе почти пустая, а телевизор включен на полную громкость.

— Льет как из ведра! Но тепло!

На ее экране качаются три маленьких лица. Все трое мне машут.

Я машу в ответ и мчусь по коридору к себе. Закрываю дверь и ловлю свое отражение в большом зеркале на двери. Зеркало там с первого

дня, но я никогда не останавливалась, чтобы себя рассмотреть. Рубашка липнет к животу, рюкзак болтается на одном плече. Волосы струятся по спине, а зеркало сканирует меня, оценивая. Розовое платье подчеркнет ваши предплечья! — решает оно жизнерадостно.

Телефон вибрирует в кармане, а на запястье вспыхивают часы. Чат Крошек заполняется сообщениями о новом сериале, который начинается сегодня вечером. Вероника, наверное, его и смотрит. Она отправляет четыре сообщения подряд. Я оглядываюсь на зеркало, и оно показывает, как бы я выглядела в розовом платье, но потом начинает мерцать. На носу и подбородке прыщи, грязно-коричневые пряди волос прилипли к шее.

Отворачиваюсь от зеркала, стягиваю холодную одежду, заворачиваюсь в полотенце и на цыпочках иду по коридору в душ. Пока вода нагревается, я изучаю ногти на ногах и оставляю себе напоминалку их подстричь. Столько мелких действий приходится совершать, чтобы просто поддерживать тело в порядке. Меня хватает едва ли на половину, я почти все забываю.

Ванная наполняется паром, напоминая мне встать под душ. Горячие осколки воды впиваются

в кожу. Я сую лицо под струю, и она бьет мне в лицо, пока мне хватает воздуха.

Что в этом письме заставило меня бежать, а не идти? Та энергия, которая копилась в теле много часов, пока я притворялась, будто Тору не рассказал мне, что мы одни из последних, у кого может получиться? Или все дело в том, что я совсем позабыла про мужчину с визиткой, а он тут как тут: его слова, его приглашение. Сердце колотится от отчаяния, от потрясения в хорошем и в плохом смыслах. Сколько человек может вынести в один момент?

Люди любят и ненавидят неожиданное. Как-то я просмотрела в Сети сотни видео о днях рождения, изучая эмоции. В одном из них хрупкой мусульманской девушке родители устроили поздравление-сюрприз, и на видео она застыла, готовая разразиться слезами. Я снова и снова пересматривала этот момент — квинтэссенция шока. Неконтролируемая реакция тела на мир вокруг. Все хлопали и обнимались, где-то за кадром взорвалась музыка. Та девочка, наверное, давно уже стала женщиной, но миг осознания, что ее любят, пойман и навсегда сохранен в Сети.

Я отворачиваюсь от струи, вдыхаю и снова подставляю лицо воде.

Интересно, как некоторые события в потоке сознания текут плавно, незаметно, а другие, совсем простые, как разговор в стеклянном зале или обычная поездка на работу, могут потрясти рассудок, изменить жизнь. Я привыкла, что у меня больше контроля над вещами. Раньше я бы села и рационально приняла решение. Но я бы никогда не предположила, что окажусь тут, в этой ванной, с этой трещиной на плитке, в эпицентре проекта, который может изменить не только мою жизнь, но и жизнь миллионов других людей. Что я получу электронное письмо от незнакомца, который по какой-то странной причине пробудил мое любопытство.

Должна ли я ему ответить? Вспоминаю, что Вероника описала его как привлекательного, хотя никогда не видела и вынесла суждение, основываясь только на толщине его визитной карточки, опираясь на идею, что бумага, такая редкая сегодня, — это признак богатства, престижа. Но, сказав это, она выпустила идею в мир. Замечание о том, что он и правда может быть привлекательным, — реальное. Оно существует в мире. Я тоже могу так думать. Я и раньше так думала? Или идеи так легко передаются от человека к человеку?

Я отворачиваюсь от воды, вдыхаю и ныряю обратно. Струи бьют по векам и стекают по губам. Коже горячо, но мне нравится.

Думаю о том, что сказал Тору. Что мы не слишком отличаемся друг от друга. И что вероятность неудачи на самом деле придает успеху ценности. И что мы оба любим вызовы. Я смотрю на часы — экран весь в каплях — и понимаю, что он прав.

В своей комнате, все еще завернутая в полотенце, поднимаю вокруг себя экран. Порталы, соцсети и лендинги предлагают попробовать экстази, сходить в поход по каньону, связать плед, выпить разом литр газировки, научиться лунной походке или полежать посреди улицы в полночь. Что, от этого правда кто-то чувствует себя живым? Я думаю, а с волос капает вода и оставляет разводы на стуле. Все это ошеломительно, хаотично и бестолково.

Я скроллю, тапаю и делаю запросы в поисках новых стоящих впечатлений для Вики; меня подстегивает срочность. Попадаю на страницу с курсами по искусству и сажусь чуть ровнее. Крис давно говорил, что мне стоит записаться на арт-курс, но я была занята работой. Слушай свое нутро, вспоминаю я и записываюсь.

И только когда тянуть уже больше некуда, захо-

жу в почту и открываю письмо от Дж. Заставляю сочинить черновик ответа, меняю «привет» на «салют», на «дорогой мистер» и обратно на «привет». Когда наконец мне все кажется идеальным — судя по тому, что я видела в Сети, — нажимаю «отправить», закрываю все вкладки и иду надевать пижаму.

Кружа по комнате, думаю, что только что согласилась выпить кофе с незнакомцем. Только что записалась на арт-курс. Что человек, с которым я однажды встретилась, пусть ненадолго, теперь одинок. Факты маршируют в глубине черепа, подтверждая, что текущая реальность никогда не входила в мои планы.

Глава 21

В здании, похоже, нет двери. Я ищу, ищу, потом разочарованно опираюсь на металлическую конструкцию, а та распахивается и поглощает меня целиком. «Нью-Йорк», — думаю я, брезгливо и уважительно качая головой.

Внутри здание выглядит так, будто ему сотни лет и его просто обернули в металл снаружи, обновили системы безопасности, но ничего не поменяли внутри. Поднимаюсь по обветшалым, обросшим коростой ступеням в большое открытое пространство с бетонными полами и случайными предметами вдоль стен: безголовая женская статуя, череп на пюпитре, фиолетовая ваза с голубым пером.

Какая-то женщина передвигает столы и стулья, составляя круг. Она машет мне и зовет к столу, где стоит бутылка вина и пластиковые стаканчики. Рука дрожит, когда я прикладываю палец к экрану регистрации.

В самой глубине души я всегда тянулась к искусству, к идее, что человек может погрузиться в собственный разум, что-то там подобрать и швырнуть во вселенную. Но еще мне казалось,

что тратить на это жизнь довольно-таки бесполезно. Особенно если учесть, что люди все равно никогда не понимают художников (если верить тому, что пишут в Сети).

Начинается занятие, остальные рассаживаются за столы. На них разложены экраны и стилусы, но мои ноги как будто заполнены песком. Пусть я и записалась на курс, но я тут не в своей тарелке. Надо было ночью посмотреть побольше обучающих видео и почитать побольше о разных техниках рисования.

Нахожу свободное место и сажусь, внимательно слушая преподавательницу, стараясь впитать все детали и инструкции. Мы тренируемся рисовать с разным нажимом, пробуем разные линии, штриховки, мазки. Оглядываюсь по сторонам, замечаю, что я лучше многих других, и чуточку расслабляюсь.

Двух часов как не бывало, преподавательница благодарит нас за то, что мы пришли, и делает несколько объявлений: на следующей неделе, во вторник, будет занятие по живописи для начинающих. И выставка в даунтауне в субботу. А, и еще мы ищем модель для продвинутого курса рисования — вдруг кто-нибудь знает людей, которым интересно.

Бормоча и шаркая, люди собирают вещи. Я вижу кучу возможностей записать данные об этих незнакомцах и добавить в программу. Но инстинкт наблюдателя напоминает, что объект наблюдения здесь я. И я здесь только из-за работы. И явно же мне достаточно впечатлений на сегодня, нет?

Но тут я вспоминаю разговор с Тору и что время на исходе. Загадываю, что сделаю это, если насчитаю в комнате три татуировки. Мысль приходит ниоткуда — порыв, который, надеюсь, не реализуется.

Раз — рукав со львом, лижущим цветок на мускулистом бицепсе преподавательницы. Два — цитата у нее же на лодыжке. Оглядываясь вокруг с облегчением, что третьей не будет, и вижу ее. Хочу притвориться, что не вижу, но вот она: крошечный бегемотик на предплечье у мужчины, который выглядит нервным и чешет локоть.

Оглядываюсь и касаюсь плеча преподавательницы, чувствуя тепло ее кожи под пальцами.

— Я могу, — тихо говорю я. Так тихо, что, надеюсь, она не услышит.

— Что? — Она улыбается, сбитая с толку.

— Я буду моделью, — слышу свой голос, а внутри разрывается тревожная сирена. Нет. Нет. Нет.

— А, прекрасно! Просто замечательно. Я боялась, что придется снова просить сестру. Давайте я запишу ваши контакты.

Мы идем к столу с экраном администратора, и я показываю ей свое имя.

— Отлично. Значит, в два часа дня, в следующий понедельник. Здесь же. — Она энергично обмахивает рукой зал. — Я пришлю вам напоминалку. А, и захватите халат!

— Ладно, — говорю я, хотя не понимаю зачем.

Я не задумываюсь об этом, потому что меня отвлекают раскаты ужаса в животе.

* * *

Решаю пойти ужинать в дайнер. Мне нужно утешение, нужно место, где можно обо всем подумать, но «Карты» напоминают, что дайнер закрыт, и приводят к кулинарии под названием «Кулинария». Это не то же самое, но в животе бурчит, а такое прямолинейное название вызывает уважение, поэтому я захожу внутрь.

— Здравствуйте. Что желаете? — спрашивает экран у входа.

Места так мало, что, если резко крутануться, с полки посыплются чипсы. Меню над стойкой проматывает сотни вариантов сэндвичей, и я

смотрю, надеясь на что-то вроде тоста с арахисовым маслом.

— Здравствуйте. Что желаете?

Ищу кнопку, куда нажать, или спикер, куда говорить, но их нет.

— Здравствуйте, — снова начинает он. Видимо, улавливает мое присутствие.

— Здравствуйте, — перебиваю я, надеясь, что он замолчит на секунду и даст мне подумать.

Меню скроллится, показывая все разнообразие предложений. Но чем больше вариантов, тем меньше я понимаю, чего хочу.

— Что желаете? — спрашивает экран снова, и я наконец сдаюсь, смотрю в меню и называю то, что прямо перед глазами:

— Пятьдесят пять.

На мини-ленту духовки-тостера с потолка падает багет. Исчезает внутри, но я слышу, как стучит резак, что-то хлопает и булькает. Экран предлагает оплатить заказ, я прикладываю палец для сканирования. Сэндвич, завернутый в фольгу, летит ко мне по прилавку, и я ловлю его двумя руками.

— Приятного аппетита, — говорит машина, и это звучит как приказ.

Вот тебе и место, где можно притормозить,

остановиться, подумать и почувствовать — как там ее? — заботу.

— И тебе его же, — говорю я и выхожу, желая дать себе пинка.

Глава 22

Дж., мужчина с визиткой, отвечает на мое письмо и предлагает выпить кофе рядом с его офисом в мидтауне[7]. Прихожу пораньше, сажусь у окна и смотрю на прохожих.

Смотрю, как он приближается, и лишь через пару секунд понимаю, что он выше, чем я помню. Плечи обтянуты идеально сидящей светло-фиолетовой рубашкой. Что я тут делаю? Я правда пришла на встречу? Он открывает дверь, замечает меня, улыбается и качает головой, как бы говоря: «Ну не забавно ли?»

Пытаюсь состроить какую-то гримасу в ответ, типа «да, и правда жуть как уморительно», но дергаю головой и ушибаюсь о стекло.

Когда он подходит, встаю и протягиваю ему руку. Или, может, он хотел меня обнять, а я с ним слишком формально? Он берет мою руку и пожимает мягко, но крепко. Его темно-карие глаза

---

[7] Примечания: 7

Мидтаун (Midtown Manhattan) — центральный район Манхэттена, деловой и туристический центр, ограниченный 34-й улицей на юге, 59-й на севере, Восьмой авеню на западе и Третьей авеню на востоке. В пределах мидтауна — большинство знаменитых небоскребов, больше всего офисов, отелей, знаменитых магазинов и Центральный вокзал.

смеются, как в прошлый раз.

Сегодня я всерьез настроена угостить его кофе, но, когда пытаюсь обойти его по дороге к стойке, сшибаю бедром стул.

— Осторожно, не торопись, — говорит Дж., поднимая стул.

Я быстро шагаю к стойке, чтобы он не видел, как я смущенно краснею. Приношу нам кофе, и он кладет телефон экраном вниз.

— Итак. — Он делает глоток.

— Итак. — Я тоже делаю глоток.

Кофе такой горячий, что прожигает дыру в нёбе, но я все равно глотаю.

— И о чем это все? — спрашивает он.

— Это все?

— Ну как-то странно. Проект по развитию эмпатии, да? Правду сказать, выглядит, как будто ты все выдумала.

— Выдумала? — Похоже, мой словарный запас покинул здание, и я способна только повторять за ним.

— Мм.

— Я не выдумала. Это для работы.

В кофейне слишком жарко, а дыра в нёбе и кончик языка немеют. Дж. поднимает брови. Как я могла забыть про эти брови?

— Честное слово, — говорю я.

— Ладно, ладно. Верю. Но вообще, было больше похоже, что ты со мной флиртуешь. Или состоишь в какой-то религиозной секте, вроде того. Не то чтобы в этом было что-то плохое.

— Ну нет.

Он опять поднимает брови.

— Ну правда! — И я автоматически отпиваю из чашки.

Кофе, по-прежнему горячий, обжигает нёбо.

— Не религиозная? — Он с усмешкой буравит меня глазами.

— Да, не очень. В смысле, не знаю. Не сейчас. Я толком не знаю, во что верю.

Он смеется, и я не понимаю, что такого смешного сказала.

— Ладно, рассказывай. Что это за компания?

— Ну, мы кое-что разрабатываем — оно должно помочь людям, — говорю я, глядя в чашку.

Я не могу произнести слово «одинокий» или «одиночество». Но если бы могла, понял бы он, что оно означает?

— Ты разработчик? — уточняет он.

— Нет, я консультант. Консультант в области человечности.

Он смотрит мне в глаза. Примерно как Джанет,

но теплее. И все же мне некомфортно, когда на меня так смотрят, по-настоящему внимательно, так что рассказываю дальше.

— Я собираю данные для ИИ, чтобы он научился быть человеком. Настоящим другом-человеком, с которым можно поговорить в любое время. Вот зачем я тогда изучала эмпатию.

— Хм. И какова цель? Без обид, просто у меня привычка спрашивать. Мы инвестируем в технологии, а их так много, что все время приходится разбираться, на что, так сказать, реальный спрос.

Я думаю про доклад об одиночестве, про голубые точки. Как их с каждым днем становится больше и больше. Думаю про стриженного под машинку бегуна, сидящего в одиночестве в своей квартире. И почему-то еще думаю о мужчине с пронзительным взглядом перед стеклянной витриной, который покупал вещь за вещью. Наверное, хотел почувствовать связь хоть с чем-нибудь, с чем угодно, пусть даже с парой ботинок.

— Я… Ну, это помогло бы людям чувствовать себя… более вовлеченными.

— Людям, которые грустят или тревожатся?

— Вроде того, но по-другому. Трудно объяс-

нить.

С минуту мы молчим. Он задумчиво смотрит в потолок, и я надеюсь, что не сказала ничего лишнего. Надеюсь, он не встанет и не уйдет.

— Не могу рассказать подробнее. Прости. Тут как бы… — Пытаюсь объяснить еще раз, а потом смотрю на чашку, нахожу регулятор температуры и делаю похолоднее.

— Нет-нет, я понимаю. Наверняка ты подписала соглашение и все такое, — отмахивается Дж. Он опять задумывается, глядя в окно на одетых в костюмы прохожих. — Ты бы стала пользоваться тем, что создаешь? В смысле, ты сама чувствуешь… Грусть или тревогу? — спрашивает он осторожно.

— Не совсем. Ну, может, я тревожусь, да, но в хорошем смысле. Как будто мне есть чем заняться.

— Тревожишься в хорошем смысле, — усмехается он и отпивает кофе.

— А ты? Чувствуешь такое?

— Пожалуй, — говорит он, обдумывая вопрос. — Я чувствую тревогу в хорошем смысле, да. Такой странный цикл: я всегда чем-то занят, потому что это важные дела? Или потому что из-за них я чувствую себя важным?

Киваю. Никогда не думала об этом так, но в его

словах есть смысл. По крайней мере, мне кажется, что он есть.

— Но иногда мне действительно кажется, что меня никто не понимает. Не уверен, что это считается. — Он ковыряет ноготь на большом пальце. — Но ты первый человек, кому я в этом признался.

— А я первая, кто об этом спросил? — говорю я, и он поднимает взгляд.

Глубокие карие глаза, и в них так много вопросов. Дж. улыбается мне:

— Сумеешь сохранить это в тайне?

— Что сохранить?

— В чем я только что признался — что не всегда бываю тем сильным, собранным человеком, которого все во мне видят.

— Ты сильный? Я не заметила.

Он хохочет, лицо расплывается в широкой улыбке, которую я заметила в первый раз через окно другой кофейни.

Не знаю, что такое тут творится. Может, дело в его телефоне, который лежит экраном вниз, поэтому он и правда меня слушает. Или как он признался в том, чего никогда никому не говорил. Или как запрокидывает голову, когда смеется. И как смотрит мне в глаза, прямо в глаза, прямо сей-

час. Или, скорее, в том, как сверкают мои часы на солнце. Но я начинаю рассказывать. По правде.

Рассказываю про переезд в Нью-Йорк. Как у меня было двадцать четыре часа, чтобы все собрать. Как приехала и сначала решила, что город — натуральное кладбище, но теперь, пожив здесь и оглядевшись, понимаю, что он живее, чем думают люди. Рассказываю про Машу, как мне повезло учиться у него, про Крошек и Веронику. Как она включает телевизор по вечерам и эхо разлетается по коридору до моей комнаты. О том, что боюсь майонеза. И что закрылся дайнер, где я заказывала тосты с шоколадом и арахисовым маслом, и про кулинарию с названием «Кулинария», которая пульнула в меня сэндвичем. Рассказываю ему, как пролила салатную заправку на майку. Как бегала вдоль реки, и воздух казался новым и острым. Как наступила на собственный шнурок. Как иногда мне кажется, что я теперь все делаю неправильно.

Он слушает. Слушает, кивает и задает вопросы. И рассказывает мне о своей любительской футбольной лиге и что хочет научиться готовить. Что у него в телефоне есть напоминалка, которая показывает списки покупок, когда он проходит мимо магазина, но он все равно не заходит, и по-

том ему за это стыдно. Рассказывает мне о своем офисе, что у него наконец-то появились окна. Он всегда хотел кабинет с окнами, не только ради вида, но еще потому, что они как трофей. Знак, что он наконец-то добился успеха. Рассказывает, как постоянно дрался в школе. О работе, что он тоже исследователь, но другого рода. Рассказывает мне о своем папе. Что они очень близки, но он боится, что становится похож на него. И ему кажется — не важно, что он делает, он всегда будет всех разочаровывать.

Его телефон вибрирует на столе, Дж. переворачивает его и смотрит на имя.

— Черт, — бормочет он себе под нос.

Потом встает. Извиняется. Он опаздывает на встречу. Благодарит меня за кофе, тянется через стол и обнимает, задерживая руку на плече. Говорит, что за ним должок, снова извиняется и убегает. Дверь за ним закрывается, а я все еще стою на полусогнутых и машу ему вслед. А потом падаю обратно, чтобы все обдумать.

Нужно проверить часы. Нужно придумать, что делать дальше, куда идти, с кем поговорить, чтобы собрать больше впечатлений для Вики. Но ни о чем не могу думать, только о том, какой теплой была его рука, обнимающая мое плечо.

* * *

Дома я снова и снова прокручиваю в голове наш разговор, оцениваю каждое слово, каждый жест. «Как так вышло? — думаю я в легком изумлении. — Как мне это воспроизвести?»

Если вернуться к тому моменту, когда я нашла визитку в кармане рюкзака и отправила самое первое письмо, то все дело было в температуре воздуха. А несколько дней назад я согласилась стать моделью из-за татуировок. Мне приходит в голову, что сказать «да» тому, чего в норме я бы делать не стала, было просто, потому что решение было не мое. Если я хочу сделать больше, надо дальше играть в эту игру. Просто позволить миру решать за меня.

На следующий день провожу эксперимент. Если кружка с индикатором настроения у Теда станет синей, я отвечу на рассылку с просьбой стать волонтером. Около девяти кружка становится темно-синей, так что я отвечаю, и через десять минут уже еду на метро в аптаун[8], в обще-

[8] Примечания: 8

Аптаун (Uptown Manhattan) — верхняя часть Манхэттена, от Центрального парка (59-я улица) на юге до Гарлема и Вашингтон-Хайтс (примерно 220-я улица) на севере. Жилой и культурный район с элитной застройкой вдоль парка, музеями и университетами.

ственный сад, который постоянно затапливает, отчего разрастаются некоторые инвазивные виды растений. Мы выкапываем их, складываем в мешочки для образцов и отправляем на проверку.

Так странно быть здесь, когда другие консультанты заняты сбором данных. А я на улице, вокруг растения и сетчатый забор.

Женщина по имени Жаклин ворчит, что я все делаю неправильно, и, смеясь, затягивается сигаретой. Она старая, ей, может, все восемьдесят, у нее седые кудри и обвисший подбородок. Не понимаю, шутит она или нет, но все равно стараюсь работать лучше. Не знаю почему, но мне хочется ей понравиться.

Мы с Жаклин пьем холодную воду, у нас грязь под ногтями, и когда я ухожу, она обнимает меня и просит вернуться завтра. Не смотрю на нее, когда машу на прощание, потому что знаю, что больше мы никогда не встретимся. Я использую ее ради Вики.

Дома нюхаю руки. Землистые, влажные, как червяки. Напряжение в голове отпускает, потому что я теперь знаю, как стать больше, чем я есть. Теперь у меня появился план.

* * *

Вероника говорит Крошкам, что я ходила пить кофе с Дж., и они требуют подробностей. Я рассказываю, как опрокинула стул и слишком много болтала.

Так это было свидание?
хз
Ну ты хочешь увидеть его еще раз?
хз
пригласи его на мой день рождения
ни за что
идеально! там будет куча случайных людей
давай, Ли! у тебя будет преимущество, потому что это твои друзья
^^^согласна суперидея

Не представляю, каково будет встретиться с ним, зная, что все на нас смотрят. Или даже просто увидеть его снова. Такая неуютная, но чем-то притягательная мысль. Кажется, это идеальная возможность снова сыграть в игру.

Оглядываюсь и вижу напротив двоих детей на оранжевом сиденье метро. Полдень, вагон почти пустой. На девочке желтый комбинезон, весь в мелких сердечках. Девочка бьет брата по лицу

надувным шаром, а тот притворяется, что падает замертво, и она хохочет. Мальчик садится, и они повторяют все заново.

Если шарик лопнет, я приглашу Дж.

Мы проезжаем одну станцию. Я встаю и хватаюсь за холодный вощеный поручень, поезд медленно останавливается. Смотрю на шарик, уговаривая его лопнуть. Девочка бьет брата в лицо, он падает. Оба хохочут. Моя остановка. Поезд замедляется, и я медлю в дверях на всякий случай. Двери закрываются, я придерживаю их руками. Поезд сигналит, пока я наконец не отпускаю двери. Может быть, предчувствие не врет, это плохая идея. Я выхожу, но за миг до того, как двери вагона захлопываются, я слышу звук.

Бах!

Придется позвать.

И когда я открываю почту, с удивлением понимаю, что вроде как улыбаюсь. И вроде как немножко, совсем чуть-чуть волнуюсь — а вдруг он не придет.

Глава 23

Джанет открывает глаза и видит потолок. Она лежала на ковре, практиковала диафрагмальное дыхание, и телефон сообщает, что сердцебиение успокоилось, уровень стресса понизился и теперь она должна ощутить покой.

Проблема в том, что покоя она не ощущает. И уже довольно давно. Постоянный низкий гул напряжения, который она раньше любила, теперь назойлив, проникает в тело, скручивает мышцы в плечах и в шее.

Джанет медленно встает, чтобы не закружилась голова, и снова смотрит в отчет в телефоне. Тело, мозг — все в порядке. Она идет к массивному столу у стены, чтобы закончить работу, но, едва садится, руки сами собой тянутся к докладу об одиночестве, и, минуя все сообщения и задачи, пальцы жмут на голубую точку.

Мужчина с седеющей бородой. Говорит быстро, как будто водопадом извергаются слова, копившиеся внутри десятилетиями. Джанет смотрит, закрывает файл, жмет на другую голубую точку. Там девушка, между двадцатью и тридцатью, с длинными накладными ногтями. Она играет с

ожерельем, не смотрит в камеру, а потом начинает говорить отрывистыми фразами. Что-то о том, как на днях рождения будто наблюдает издалека, с расстояния в несколько миль.

Все началось как стратегия. План. После стольких неудач, когда их компания пережила компании других уважаемых фаундеров, изобретателей и предпринимателей, Джанет радовалась, но в то же время поумерила спесь. Она поняла, какая это на самом деле непростая задача, — особенно когда несколько недель назад пришла новость о провале компании Тины.

Так что Джанет стала изучать отдельные случаи одиночества, сначала по паре за вечер, чтобы задействовать свой лучший навык — темное искусство эмпатии. Джанет думала, что, если ей удастся понять этих людей, их проблему чуть глубже, она сможет эффективнее управлять командой в поиске решения.

Проблема в том, что она смотрела все больше и больше и у нее случилось маленькое, но мощное озарение. Голубые точки, которые они с Тору привыкли воспринимать как данные, просто как аудиторию для продукта, — это реальные люди. Живые, дышащие люди, и они чувствуют то, чего не могут понять. Разве это не квинтэссенция бес-

помощности? Когда тебя захлестывают чувства, которых ты не желаешь? Которые не можешь контролировать?

Но сегодня вечером, когда Джанет жмет на очередную голубую точку, все глубже погружаясь в доклад, она невольно слышит голос Тору. «Ты слишком вовлекаешься», — предупреждал он ее. Несколько недель назад они были в техническом хабе на важной встрече — речь шла о состоянии Вики, технари проводили всех по базе данных, объясняя, как работают часы.

— Вы уверены, что стоит возлагать на одного человека столько ответственности? — спрашивала Джанет. — Слишком рискованно, нет? Не только для девочки, но и для Вики, если она сейчас на правильном пути. Что скажете? Мы понимаем, почему Вики тянется к одному источнику?

— Нет, — ответил Тору с нотой раздражения. — Не понимаем. Но, как я уже сказал, команда над этим работает. И да, риск есть. Но остальные будут работать в обычном режиме. Так что имеет смысл изменить одну переменную, если все прочее останется стабильным.

Джанет кивнула, но почувствовала, как вокруг них сгущается напряжение. Позже, когда встреча закончилась и все разошлись, Тору схватил ее за

руку и уволок в угол.

— Что это было? — резко прошипел он. — «Слишком рискованно»?

— Просто говорю, что надо все хорошенько обдумать, прежде чем продолжать, Ти, — спокойно сказала она.

— Мы обдумали, — сказал Тору, теребя волосы. — И ты тоже участвовала. Что вдруг теперь случилось?

— Слушай, я правда думаю, что проект сложнее, чем нам казалось. И хочу быть уверена, что мы все делаем правильно. Я изучала отдельные случаи из доклада, и эти люди…

— Что? — перебил Тору, широко раскрывая глаза. — Сколько ты посмотрела?

— Не очень много, — соврала Джанет.

Она пролистала уже, наверное, тысячи случаев. Кроме того, эту часть ее работы с людьми Тору все равно не поймет.

— Мне кажется, если мы вникнем в них поглубже, это поможет.

— Послушай меня, — сказал он, и его гнев сменился чем-то другим, чего она не понимала. Потрясением? Страхом? — Надо перестать. Ты слишком вовлекаешься, тебя затянет.

Джанет кивнула, но не могла смотреть ему в

глаза.

— Послушай, мы с тобой всегда рискуем, — тихо продолжал он. — Вики движется в правильном направлении, и теперь, когда часы поставляют чистые данные, у нас правда может получиться. Поверь мне на слово, хорошо? Но ты должна собраться. Ты нужна мне. Ты нужна нам.

Бззз. Бззз. Бззз.

Телефон Джанет вибрирует на столе, сигнализируя, что уровень стресса опять поднимается. Она закрывает доклад об одиночестве и заказывает бутылку любимого вина. С завтрашнего дня она перестанет столько пить. С завтрашнего дня она послушается Тору и не будет так вовлекаться. Завтра утром она отойдет на безопасное расстояние, ведь и так каждый день она притворяется, что это расстояние есть.

Но сегодня ночью бокал вина не повредит. Потому что, когда солнце заходит, чуешь темноту: она крадется в окна, просачивается сквозь стены. Пустота, смутно знакомая, как будто они уже встречались прежде.

Стук в дверь — дрон доставил вино. Джанет встает, забирает бутылку и идет на кухню за бокалом. Выбирает самый изысканный, смотрит на просвет — нет ли на нем пыли.

Он такой хрупкий, его так легко разбить. Швырни о стену — разлетится на миллион осколков. От удара красота исчезнет.

Одна эта мысль успокаивает, хотя Джанет никогда бы не стала швыряться бокалами в стену. Просто этот разговор с Тору ее взбесил — его слова, интонации, голос, низкий и серьезный, его жалость к ней, как будто она внезапно превратилась в неведомую зверушку или ребенка.

Он разве не понимает? Чтобы решить проблему, надо смотреть на нее в упор. Он не понимает, что Джанет просто делает свою работу? И все ее действия точны, как лезвие клинка. Да, она каждый день просматривает новые случаи одиночества, и это часть работы. Она должна знать, как развивается одиночество, как оно выглядит за пределами экрана, а не в массе данных, как отражается в лице, в движениях, в речи.

Джанет ослабляет хватку на ножке бокала и ополаскивает его несколько раз, следит, как вода выплескивается через край. Аккуратно ставит бокал на стол и наливает приличную порцию. Первый глоток, второй. Постепенно мысли смягчаются.

Джанет не хочется думать о том, что Тору нередко понимает ее лучше, чем она сама. Не хочется

признать, что он, возможно, прав, что она слишком вовлекается. В конце концов, самое опасное — это когда тебе не все равно.

Но она не может остановиться. Она все смотрит и смотрит. И чем больше смотрит, тем больше воронами слетаются мысли: «А что, если?» Что, если не сработает? Что, если у Ли не получится? Что, если это решение их погубит? Если они выбрали неправильную стратегию и всех тех людей, за которыми она наблюдала, никто никогда не спасет? Что, если миллионы других станут такими же?

Что-то скребется снаружи, Джанет отвлекается, слушает. Ветер? Она отпивает вина, напрягает слух и решает, что это, наверное, просто мимо промчалась машина.

Джанет уже было встает, чтобы посмотреть в окно, и тут раздается знакомый сигнал тревоги из телефона и с экрана. Тот, ради которого она традиционно все бросает. Еще один провал. Последний. Джанет знает, что надо позвонить Тору, но не может. Не сейчас.

Просто пересылает ему саммари, и через несколько секунд на телефоне появляется его лицо. То фото из Сингапура. Джанет кладет телефон экраном вниз, оставляет вибрировать, проглядывает краткое содержание исследования, потом

все выключает и принимает снотворное.

Она позвонит Тору завтра, когда перед глазами не будет примеров одиночества, на трезвую голову, когда сможет улыбаться и вести себя как обычно. Позвонит, когда сама справится со всем этим стрессом — теперь на Вики еще больше ответственности.

Джанет ковыляет к кровати, валится на спину и лежит — веки тяжелые, руки тяжелые. С последними всполохами сознания возникает образ Ли. Девочка всегда такая серьезная, так переживает, «пост принял — полный вперед». Джанет следила за ней очень пристально, как и все они.

— Я знаю, каково это, — шепчет Джанет пустой комнате, — стремиться быть лучшей. Думать, что этого достаточно…

Где-то в паутине ее разума таится мысль, похожая на правду. Она о девушке? О Вики? Об одиночестве? О себе? Мысль мерцает на краю сознания, Джанет вот-вот дотянется до нее, но в этот миг таблетка действует, и на разум опускается черный занавес сна.

РЕЗУЛЬТАТ ИССЛЕДОВАНИЯ — ПРОЕКТ ПРИЗНАН НЕУДАЧНЫМ

Название компании: Stay Busy, Stay Happy[9]

Основатели компании: Джилл Ванг и Джеремайя Фондю

Краткое описание проекта:

Доказано, что, когда у человека что-то получается, он ощущает, что в жизни есть смысл. Это ощущение смысла жизни — неотъемлемая часть связности общества. Цель нашей компании состояла в том, чтобы повысить уровень производительности и таким образом создать у пользователей ощущение смысла жизни и принадлежности к обществу.

Количество сотрудников: 25

Подробное описание:

Занавес продуктивности был протестирован в 1000 компаний в 20 разных городах. У 83 % пользователей продуктивность увеличивалась на длительные периоды времени, но не было выявлено корреляции между повышением продуктивности и защитой от одиночества.

Другие ошибки или признаки неработающего подхода:

— спустя 60 дней после начала тестирования небольшая часть пользователей полностью ис-

---

[9] Примечания: 9

Займись делом и будь счастлив *(англ.)*.

чезла с радаров, а затем, в промежутке от 0 до 3 дней, появилась в докладе об одиночестве;

— пользователь № 556 ответил в анкете на выходе: «Сегодня я мотивирован, завтра все лишено смысла».

Вы узнали об одиночестве или о докладе об одиночестве нечто такое, что требует немедленного внимания?

Мы не знаем, является ли это неотложной проблемой, но из наших отчетов вытекает, что люди могут быть одновременно продуктивными и одинокими. Наша гипотеза заключалась в следующем: если бы мы помогли людям с признаками одиночества найти больше смысла в их повседневной работе, мы сумели бы справиться с их ощущением пустоты и чувством отделенности от мира. Однако, как видно из наших данных, это не так.

Благодарим за сотрудничество. Мы очень ценим вашу работу.

Глава 24

Мы с Крисом теперь переписываемся почти каждый день. Он то и дело пишет мне что-нибудь, и у меня закрадывается подозрение, не Джанет ли ему велела за мной приглядывать. Кажется, она стала чаще заходить в офис, когда мы там, и нависает над нами, заглядывая через плечо.

Как бы там ни было, мой постоянный диалог с Крисом заземляет. Забавный опыт — дожидаться, когда на экране появится чье-то имя. Мне нравится говорить с Крисом о работе, но болтать о всякой всячине тоже приятно. Никогда у меня не было никого, кто мог бы дурачиться, вдохновлял и оставался серьезным, и все это одновременно. С которым не надо каждую свою фразу обдумывать дважды, прежде чем ответить.

крис [11:28]
не могу сегодня думать
так устал
я сдох
ли [11:29]
люди все время так пишут в сети
«я сдох» вместо «я устал»

и как тебе быть мертвым? лол
крис [11:30]
ну, неплохо
ли [11:30]
что лучше всего и что хуже всего
крис [11:30]
лучше всего быть привидением
хуже всего
ничего не чувствовать
во всех смыслах
ли [11:31]
у тебя есть эмоции?
крис [11:31]
не думаю, что у меня есть эмоции
и не буду по ним скучать.
потому что я уже забыл, как чувствовать
ли [11:31]
не можешь чувствовать, а думать можешь?
крис [11:31]
да
типа того
я как бы всемогущий в этом смысле
как будто вижу все, что было
и что будет
крис [11:33]
вижу связи между молекулами воды в капле

дождя
вижу жизненный путь каждой песчинки на пляже
с рождения от первоэлемента в ядре древней звезды
жар огня и давление, когда они плавают в ядре планеты
они поднимаются с океанскими массами
проводят эоны во власти подводных течений
мощные волны разбивают их
ветер гонит их по пляжу
люди топчут их пятками
ли [11:36]
чувствуешь запахи или вкусы?
крис [11:39]
трудно отличить одно чувство от другого (исправлено)
чувство это в основном память
мой разум следует за жизнью каждого атома во вселенной
Быть мертвым не так уж плохо
ли [11:46]
вау
чувствовать каждый атом вселенной
красиво
пожалуй, я тоже не против умереть

Глава 25

До дня рождения Зури проходит вечность, я успеваю сходить на карате и к медиуму для домашних животных, которая сказала, что хомяков отталкивает мой запах. А потом этот день наступает, и я втискиваюсь в серебристый блестящий топ, который Вероника умоляет меня надеть. Он обнимает меня, подчеркивая тень под грудью, и я, когда смотрюсь в зеркало, касаясь своего лица, впервые в жизни чувствую себя хоть немного красивой.

Когда мы заходим в бар, первое, что замечаю — липкий пол. И воздух липкий. И люди тоже. Я видела их раньше. Лица, знакомые по «Дому», проплывают туда-сюда, а я стою возле бара и пью коктейль с текилой. Текила превращает любую ночь в ночь возможностей.

На Зури длинное, струящееся красное платье, слишком шикарное для этого бара. Она не надела корону или ленту через плечо, но ясно, что она королева вечера. Сколько всего я бы тут записала для программы данных, но я напоминаю себе, что делаю свою работу, просто придя сюда. Просто выходя в свет, я уже напрямую передаю впечат-

ления Вики. Я стараюсь, как выражается Крис, просто жить, но меня фрустрирует такое простое описание настолько сложной задачи.

Смотрю на танцпол, в то же время наблюдаю за входом и около одиннадцати уже думаю, что Дж. не придет, хотя сказал, что очень постарается забежать. Часы цепляются за топ и вытягивают нитку.

— Понятно теперь? — шепчу я им. — Вот как бывает, когда тебя подводят.

Вероника устраивает шоу посреди бара: поводит руками в одну сторону, потом в другую, рядом с ней какой-то парень, в котором уже явно три или четыре шота, она ловко упархивает от него и приземляется возле меня.

— Не придет так не придет, — говорит она. — Ему же хуже!

Я киваю. Крис присылает несколько сообщений, спрашивает, как дела. Мужчина рядом с нами пытается завести разговор, спрашивает, что мы отмечаем, как будто и так не видно. Когда Вероника говорит, что день рождения Зури, он заказывает в автомате шоты, и они появляются стремительно, с идеальными дольками лайма. Я беру сразу три, оборачиваюсь, чтобы передать их дальше, и вдруг вижу его тень в толпе, вижу

его широкие плечи. Притворяюсь, что не заметила, раздаю шоты и улыбаюсь, как будто мне все равно, придет он или нет. И вот уже лицо в пяти футах от меня. Вижу его глубокие карие глаза. Они опять смеются. Что смешного?

Вручаю ему шот.

— Вот так ты здороваешься? — спрашивает он.

— Да. — Я поднимаю свой стаканчик, и мы чокаемся.

— За жизнь, — объявляет он, и я пропадаю в его глазах, зажмуриваюсь, текила обжигает. Он видит меня насквозь.

Вероника шепотом кричит мне в ухо, а Дж. в этот момент стоит напротив, беседует с кем-то. Она одной рукой взбивает блондинистые кудри.

— Видишь! Когда тебе наплевать, тут-то все и случается!

— Вероника, это нелогично, — смеюсь я.

— В смысле… — Она фыркает и кивает на Дж. — Он явился, когда ты перестала о нем думать.

Пожимаю плечами и пью коктейль. Может, она права. Я пытаюсь все контролировать, работать по расписанию, системно, однако, возможно, и в нелогичности есть своя логика, о которой я никогда раньше не думала.

— И он охренически хорош.

Она расплывается в широкой улыбке с ямочкой на одной щеке. Я смотрю на нее и чувствую, что тоже улыбаюсь. Нелепо и по-дурацки.

Люди все приходят, еще больше народу танцует, другие пьют, а кто-то спотыкается по дороге в туалет. Каждый раз, отрываясь от разговора, я встречаю взгляд Дж.

Зури уже шатается на каблуках и расплескивает выпивку на платье. Все гости заказывали ей выпивку в честь дня рождения, и я не могу не думать, что это самое милое и самое подлое, что можно сделать. Когда двое наших друзей решают доставить ее домой и выманивают наружу, пообещав пиццу, ко мне подходит Дж.

— Итак. — Он стоит очень близко.

— Итак, — повторяю я.

— Я уже говорил, что мне нравится этот топ? — Он ведет пальцем по нижнему краю, задерживаясь на голой коже на ребрах.

— Нет. Тебе нравится?

— Да. Такой… блестящий.

Мы смеемся.

— Какие планы на остаток вечера?

— Никаких.

Мы долго смотрим друг на друга, и я не хочу уходить — во всяком случае, не хочу уходить без

него. Интересно, чувствует ли он то же самое.

— Может, пойдем отсюда? — спрашивает он с ноткой нервозности, какой я в нем раньше не замечала.

Помню, что читала похожую фразу, когда изучала категорию «Знакомства». Достаточно расплывчато, чтобы в случае отказа можно было сделать вид, будто это и не имеет значения.

Мы прощаемся, и я боюсь, что Вероникина ухмылка все испортит. Надеюсь, Дж. не заметил. Когда мы проталкиваемся через толпу наружу, он хватает меня за руку и сплетает наши пальцы. Мое сердце колотится везде: в груди, в висках, в кончиках пальцев.

На улице он заказывает машину, мы садимся сзади. Он притягивает меня ближе, обеими руками берет за лицо, сжимает под подбородком, приподнимает и, прежде чем наклониться, мгновение держит так. У него мягкие губы. Они осторожно касаются моих. Я открываю глаза и вижу его ресницы, как паучьи лапки — длинные и тонкие. Закрываю глаза, и он чуть отстраняется; я чувствую его дыхание у себя на губах. Потом он целует меня снова, глубже, его язык проникает в рот, между зубов.

Мы приезжаем к моему дому, и я выхожу на

свежий ночной воздух, поправляя топ. Прикладываю палец к консоли, и Дж. внезапно оказывается позади. Его губы на моей шее, руки на моей талии. Мы поднимаемся по лестнице слишком медленно в сравнении с тем, как бешено колотится сердце.

Мы входим в мою комнату, и я вижу ее словно впервые: никаких фотографий на стенах, никаких фоторамок или безделушек на комоде. На столе экран. Так пусто. Так просто.

— Ты недавно переехала? — спрашивает он.

— Вроде того, — говорю я, переводя экран в режим сна.

Не хочу ничего объяснять, потому что не хочу думать. Дж. садится на кровать и хлопает ладонью рядом. Детский жест, но я все равно подхожу и сажусь. Он нежно проводит рукой по моей ноге.

— Так можно? — спрашивает он.

Киваю, и он наклоняется, целует меня в шею — прикосновение невесомое, дыхание теплое.

— А так? — шепчет он.

Киваю, и он толкает меня на кровать. Мы наполовину лежим на кровати, наполовину свисаем, и он целует мою шею, доходит до губ и замирает, прежде чем двигает языком дальше, будто взламывая мой рот. Просовывает бедро мне между

ног, и я сжимаю его. Не могу думать, только чувствовать. Тепло и желание.

Я вцепляюсь ему в затылок — кудри, коротко стриженные, на ощупь как ворс на ковре — и хватаюсь за ворот его рубашки, и дергаю, пока он не отстраняется и не стаскивает ее. Он тянет меня к себе, мы меняем положение и теперь лежим на кровати целиком, хихикаем и шепчем глупости, которых я не помню.

— Мне очень нравится этот топ, но, пожалуй, он мне больше понравится отдельно от тебя, — шепчет он, и мы снова смеемся как заговорщики, и он снимает с меня топ через голову.

Ведет руками по моей шее, по груди, касается соска большим пальцем, а потом наклоняется и пробегает по обоим соскам языком. Он целует мой живот, тазовые косточки. Возится с пуговицей у меня на джинсах и наконец расстегивает. Стоя на коленях, разом стягивает с меня джинсы и белье и швыряет на пол. Похоже, я понапрасну надела новые черные кружевные трусы.

Лежу, глядя в потолок, и перебираю в памяти все, что видела или читала о том, как это делается. Дж. просовывает руки, теплые и тяжелые, мне под ноги, одной рукой тянется вверх, доходит до соска и в тот же миг касается меня кончиком язы-

ка и лижет. Медленное, ритмичное движение. Он скользит пальцем внутрь меня и обратно. Я пытаюсь дышать. Если подышать и расслабиться, можно быстрее достичь оргазма. Он двигается то быстро, то медленно, работает то пальцем, то ртом, и это приятно, но я все думаю, что уже должна бы кончить, а я не могу. Спустя несколько минут я делаю то единственное, что приходит в голову.

— У тебя есть презерватив? — спрашиваю я, надеясь, что это звучит сексуально, как у девушек онлайн.

Дж. смотрит на меня из-под отяжелевших век, подползает, чтобы поцеловать еще раз, потом встает. Я и забыла, что он по-прежнему в брюках, и мне неловко, что я не подумала их с него снять. Он достает из кармана презерватив, и мне интересно, когда он его туда положил. Презерватив пролежал там весь вечер? Дж. знал, что все так и будет?

Дж. скидывает брюки и вскрывает упаковку. Он знает, что я наблюдаю, как он надевает презерватив на член. Когда он снова взбирается на меня и целует в губы, я чувствую, как член касается моей ноги. Потом Дж. целует меня в ухо, скользит языком, а рукой спускается по моему животу, во

влажное у меня между ног. Глубоко вводит палец, как будто приготавливаясь, но я не знаю, готовит он меня или себя. Он опускает глаза и смотрит на свой член, хватает его и направляет в меня. От резкой боли я ахаю, а он улыбается, медленно заводя член внутрь.

— Так хорошо? — спрашивает он.

Подаюсь бедрами навстречу, чтобы не отвечать, и, похоже, ему это нравится, так что я подаюсь еще раз. Он медленно начинает, а когда я приподнимаюсь ему навстречу, ускоряется, подгребая меня снизу, хватает за задницу и притягивает к себе. Кусает меня за шею. Горячее дыхание у меня на ключице, в ухе.

Дж. двигается так быстро, что наши тела сталкиваются и громко шлепают друг о друга. Моя голова стучит о спинку кровати, но Дж. не перестает, он ускоряется.

— Скажи, что хочешь меня, — говорит он, тяжело дыша.

— Что?

Бум. Бум. Бум.

— Скажи.

Бум. Бум. Бум.

— Я хочу тебя, — шепчу я и впиваюсь ногтями ему в спину, а он смотрит вниз на свой член,

входящий и выходящий из меня.

— Еще раз, — требует он.

— Я хочу тебя. Правда хочу. Честно. Никогда раньше никого не хотела. А тебя хочу.

— Черт, — говорит он.

И мне нравится, что от моих слов он одновременно слабее и сильнее, поэтому я повторяю их снова и снова.

— Черт, Ли, я сейчас кончу.

Он наклоняется и кусает меня за ухо, двигается еще быстрее, бум-бум-бум-бум, стучит моя голова по спинке, а потом он выдыхает, пронзительнее, чем я ожидала, и оседает поверх меня, оставляя член внутри.

Когда я просыпаюсь утром, его уже нет. Я слышала, как ночью он собрал одежду и вышел на цыпочках, но даже после того, как в квартире стало тихо, я еще долго лежала, повернувшись в другую сторону.

Мне нужно время, чтобы все обдумать, но, едва я выхожу из комнаты, Вероника требует подробностей. Она тащит меня на бранч в какое-то модное место, где я, нажав не ту кнопку, заказываю оладьи с инжиром, а она — омлет, но потом съедает и большую часть моих оладий. Зури всех благодарит в чате, пишет что-то про лучший в

жизни вечер.

По пути домой я вижу, как маленький мальчик ведет футбольный мяч по тротуару, и мне хочется написать об этом Дж. Несколько часов спустя мне в ботинок попадает камешек, и об этом тоже хочется рассказать ему, потому что наверняка ему тоже залетал камешек в ботинок, да? И можно вместе посмеяться, как глупо, что один камушек может причинить столько беспокойства.

Вероника говорит, что не удивится, если это было свидание на одну ночь. А вечером, сидя на зеленом диване, говорит, что не удивится, если он в меня влюблен. Пытаюсь об этом забыть. В любом случае, это был просто опыт для Вики.

Глава 26

Игра, кажется, помогает. Когда мимо проносятся три черные машины, я впервые заказываю матча и поражаюсь количеству хлорофилла в пене. Покупаю пару туфель на каблуках только потому, что увидела на улице двух человек в одежде одного и того же фиолетового цвета. Туфли теперь у меня в шкафу, сверкающие и остроносые. Я никогда не буду их носить, но короткий восторг, когда я нажала кнопку, когда они прибыли, когда я распаковала их, примерила и увидела, как они удлиняют мои ноги, — очередное впечатление для Вики.

После обеда телефон, часы и экран одновременно вспыхивают напоминанием, которое я предпочла бы развидеть. Сегодня я позирую для продвинутого курса рисования. Надеваю спортивные штаны и толстовку; чем больше слоев, тем лучше.

На полпути по лестнице вспоминаю, что преподавательница советовала захватить халат, бегу назад, хватаю с вешалки в ванной розовый халат Вероники и сую в рюкзак.

В классе напротив студии разглядываю циф-

ровое изображение вазы с фруктами, нарочно состаренное и выцветшее. Наверное, копия какой-нибудь знаменитой картины тех времен, когда груши, яблоки и бананы могли просто лежать в миске. Когда их не замеряли на все подряд: калории, содержание сахара, стоимость за кусочек, как изменится настроение после еды.

Держу розовый халат на коленях и чувствую себя нелепо, снова потягивая дешевое вино из дешевого пластикового стаканчика. Делаю селфи, кидаю его Крошкам, а потом слишком тревожно сжимаю стаканчик, он трескается, и приходится допивать вино сбоку. Пишет Крис и спрашивает, что я делаю.

ли [13:13]
собираюсь позировать в арт-классе
крис [13:13]
шта?
это шутка такая?
ли [13:13]
нет, лол
серьезно
крис [13:13]
вау
ок
вижу, ты и правда решила разнообразить

жизнь
молодец
ли [13:13]
ты о чем лол
крис [13:13]
просто не ожидал, что ты из таких
кто готов раздеться перед толпой незнакомцев
хахаха но вперед, ли!

О чем он вообще? Позировать само по себе уже страшно. Быть в центре внимания. Но позировать голой? Я смеюсь, и тут в дверь стучит преподавательница. Говорю «войдите», и она заглядывает в дверь.

— Готова? — Длинный локон выбился из-под заколки. — Ой, прости, я слишком рано!

— Да нет, я готова, — говорю я. И думаю: готова покончить с этим.

Она опять смотрит на меня, склоняет голову набок и дружелюбно спрашивает:

— Ты уже позировала раньше?

— Нет, — говорю я и быстро добавляю, в основном для себя: — Но уверена, что все будет в порядке.

— Ой, прости, это моя вина! Надо было объяснить подробнее. Ладно, просто надевай халат и выходи, как будешь готова. Я включила обогрев

студии, чтобы ты не замерзла. Начнем с двух или трех коротких поз, чтобы дать тебе время привыкнуть. Скажем, минут на семь. Как тебе? И я выберу позы попроще, чтобы тебе не слишком волноваться. Так пойдет?

Киваю.

— Да, и можешь оставить одежду здесь, никто не украдет.

Снова киваю. Она ласково улыбается и закрывает за собой дверь, а я остаюсь сидеть и киваю снова и снова, как будто у меня системный сбой, как будто не могу остановиться. Киваю и стискиваю зубы, стараясь не паниковать. Все хорошо, хорошо, думаю я, а пульс учащается.

Крис был прав. Как я могла упустить то, что явно всем известно? Пытаюсь выровнять дыхание. Инстинкт велит бежать в коридор, на улицу, мчаться домой без оглядки. Кто вообще готов раздеваться, чтобы другие его рисовали? Кто любит рисовать голых людей? Что со мной не так, если меня тошнит от одной мысли об этом?

Последние несколько месяцев научили меня как минимум тому, что я — наименьший общий знаменатель недоразумений. Это я не знаю, как себя вести, как реагировать, как жить за пределами Программы, лаборатории, за пределами моего

персонального исследовательского туннеля.

Вот почему я стала играть в эту игру, напоминаю я себе, — чтобы попадать в ситуации, которые с нормальными людьми случаются сами собой.

Сглатываю и заталкиваю правду подальше. Потому что знаю: пусть каждая клетка тела требует бежать, я должна остаться. Это моя работа.

Быстро стягиваю одежду, бросаю кучей на полу и заворачиваюсь в халат. Он вдруг кажется невероятно тонким. Зажмуриваюсь и выхожу в зал, где преподавательница что-то тараторит и ведет меня в ту же комнату, где я была в прошлый раз, только теперь все в тумане. За буханьем сердца в ушах я едва слышу ее голос.

— Помни, самая сложная часть — держать позу. Просто постарайся отключиться, если сможешь. — Ее серьги с перьями качаются на ходу, мы входим в комнату. — В худшем случае, если уж приспичило пошевелиться, вернись потом в изначальное положение.

Иду за ней на середину зала, где установлен черный помост с раскладным стулом. Преподавательница накрывает стул белой простыней и кивает мне, командуя снять халат.

Мгновение я размышляю, смогу ли. Но потом

руки начинают двигаться сами собой. Развязывают пояс и передают халат женщине. Тело пылает жаром. Голая задница садится на крахмальную простыню.

— Хорошо, отлично, скрести ноги, — велит преподавательница.

Нога послушно ложится на ногу.

— Сдвинься левее.

Плечо реагирует на команду, наклоняясь влево.

— Подними руку вот так.

Рука поднимается.

— Голову назад.

Голова откидывается.

— Хорошо, идеально, вот так и сиди. Я скажу, когда пройдет семь минут.

Она запускает таймер, и краем глаза я вижу, как она сдвигает маленький обогреватель, направляя в меня поток теплого воздуха. Он овевает все части тела, и они ему рады. Части тела не мои, но связаны со мной.

Смотрю поверх голов учеников, которые начали рисовать. Внутри поднимается мазохистский импульс и зовет назад в тело, приглашает почувствовать все уколы от взглядов, которых лучше бы не было, от взглядов, изучающих изгиб моего

позвоночника, мои бедра, округлость моей груди, затвердевшие соски, торчащие у всех на виду. Нужно же прочувствовать это все, даже если будет ужасно, да? Прочувствовать, каково это — быть человеком, на которого смотрят. Прочувствовать, как человек становится объектом.

Но включается инстинкт самосохранения, и я гоню мысли прочь, куда-нибудь в счастливое место, если только придумаю такое. Заставляю себя думать о подкасте про самую маленькую в мире лягушку. Представь себе эту лягушку, требую я. Пара попыток, и вот она у меня в голове. Ничего не подозревает о фурах и небоскребах. Просто маленькая лягушечка, занятая своими делами.

Так, ладно, следующая мысль, что дальше. Крис рассказывал, как нарисовал смайлик на большом пальце и надел сверху малину — как шляпу. Вот, хорошо.

Мысль о Крисе приводит к вопросам, где он сейчас, чем занимается, почему ему нравятся бородатые козы. Интересно, как он попал в этот проект и знает ли, что значит быть одиноким.

Думаю об одиночестве: как бы оно выглядело, если бы его можно было увидеть, — если бы оно, скажем, проступало синевато-лиловыми пятнами на коже или понижало голос на октаву. Было

бы легче, если бы можно было физически его отследить? Если бы одинокие люди медленнее ходили или безостановочно чихали?

Минуты тянутся, и я размышляю, поможет ли все это Вики понять, каково жить в теле, чувствовать себя одновременно видимой и невидимой, когда столько идей и эмоций спрятано под плотью и костями.

В конце концов я уже просто считаю, какой длины были бы тротуары Нью-Йорка, если их всех сложить в одну прямую линию, и тут на стуле позади меня кто-то закашливается, и волосы на руках снова встают дыбом, напоминая, что я все еще голая, все еще на виду у всех, и меня накрывает волной тошноты.

Художники смотрят на меня, изучают меня примерно так же, как мы с Машей смотрели на людей в комнате наблюдения. Он, конечно, учил меня относиться к каждому проекту как к человеку, замечать все его части, но мы все равно видели в этих людях только средство для достижения цели. Исследования.

Сколько я видела онлайн или живьем людей, которые не хотели, чтобы на них смотрели? Или хотели, но чтобы в них видели людей, а не эксперимент? Могут ли ученые и художники на этом

и застрять — так и воспринимать мир, отстраненно? Может, потому столько всего и кажется мне чуждым?

Лучше бы я считала минуты — тогда бы знала, сколько уже прошло, сколько еще осталось. Потому что теперь я слышу каждое движение, каждый скрип и вздох. Почему преподавательница ничего не делает, не дает мне понять, сколько времени прошло? Как можно оставить человека в таком положении?

Я пытаюсь вернуться мыслями к чему-то другому, думаю о том, как Крис заказывает минеральную воду или как Вероника рассказывает про свой день, но взгляды, нацеленные на те части моего тела, которых я и сама не видела, слишком давят. Кажется, на меня смотрят тысячи людей, мне не хватает воздуха, но я застыла в теле, части которого живут сами по себе: нога на ногу, плечо сдвинуто влево.

Когда внутри уже зарождается тремор паники, преподавательница останавливает таймер и возвращает мне халат. Говорит что-то про пятиминутный перерыв, но я выскакиваю из комнаты, хватаю одежду, одеваюсь и выбегаю на улицу и заказываю машину до дома. А там натягиваю одеяло на голову и дрожу, хотя кожа

на голове горячая и вся в поту.

* * *

Наутро оттираю себя в душе, и вода такая горячая, что кожа вся в красных пятнах. Потом закапываюсь в работу, добавляя данные в программу, хотя не знаю, какую категорию мы сейчас изучаем. Просто приятно делать то, что хорошо получается. Крис говорил, что информации никогда не бывает слишком много, поэтому я добавляю разное в прошлые категории, в «Общение», «Деньги», «Развлечения» и «Веру», пока не наступает вечер и пора что-нибудь съесть.

Прошу «Карты» найти место, где поесть, и они опять ведут меня в кулинарию под названием «Кулинария», хотя я бы предпочла что-нибудь новое. Я здесь уже в четвертый раз, и, когда вхожу, машина улавливает мое присутствие, распознает лицо и начинает готовить сэндвич, который случайно стал моим постоянным заказом: #55.

Какой-то итальянский, с тонкими ломтиками салями и парой других видов мяса, с желтым перцем чили, который дает кислый привкус. Поджаренный. Сверху оливковое масло и соль. К счастью, без майонеза. Не знаю, что там за сыр, но он белый.

Стою и жду, хлеб падает и едет по серебристым американским горкам, нагружаясь всякой всячиной, а я думаю, как Синди и Грег заказывали одну и ту же еду навынос по нескольку недель подряд. Им так нравилось или просто было удобно?

Может, вот так люди и приходят к самоуспокоению. Мы выстраиваем системы, которые должны делать жизнь проще, приятнее, а потом в них застреваем.

Я оглядываю крошечную кулинарию, полки которой заполнены снеками в дополнение к сэндвичам, надеясь найти что-нибудь такое, чего мне по правде хочется. Взгляд цепляется за полку с десертами, и я что-то чувствую. Слушай свое нутро. Сегодня мое нутро требует печенья.

— Я возьму печенье, — говорю я машине, но ответа нет, и я не знаю, понимает ли она меня. — Я возьму печенье! — говорю чуть громче, чтобы автомат меня услышал.

Выбираю одно из ряда идеально круглых, идеально выверенных, с одинаковым количеством шоколадной крошки, чтобы соответствовать информации о содержании питательных веществ. И снова никакой реакции.

— Я бе-ру пе-чень-е! — еще громче говорю я.

Все равно ничего. Единственный звук — плю-

хается и намазывается сэндвич.

— Вы слышите?

Ничего.

— ДА БЛИН, ДАЙ ПЕЧЕНЬЕ!

Сэндвич вылетает и бьет меня в грудь. Я неловко ловлю серебристый сверток, пока не упал. Иду к экрану, чтобы сказать ему, что беру это проклятое печенье, потому что хочу его съесть, и что нормально чего-то хотеть в этой жизни, и тут до меня доходит, что печенье включено в заказ.

Сконфуженно тащу еду домой. Ем дома на кухне за шатким столом, и тут пишет Крис. Ему снова придется перенести наш обед, потому что заболел кот, но мы непременно встретимся на следующей неделе.

Когда зеленая точка рядом с его именем исчезает, сообщая, что он офлайн, я вспоминаю, где я вообще: одна на кухне, в квартире, в здании, где полно других квартир, на улице, где полно других таких же зданий, в большом городе. Разламываю печенье на кусочки, по очереди сую их в рот. Потом съедаю сэндвич. Ни то ни другое не радует, но если бы кто-то спросил меня, почему, я бы не знала, что ответить.

Глава 27

Пятница, я собираюсь на четырехчасовой звуковой ретрит на каком-то складе в мидтауне, внезапно приходит электронное письмо, и я рефлекторно проверяю часы.

От Дж.

Тело застывает, хочется немедленно прочитать письмо и одновременно страшно его открывать. Волнуюсь — вдруг он увидит, как быстро и отчаянно я его читаю, глотая слова, как воду.

Открываю письмо и перечитываю дважды. Мимо проходит Вероника и что-то говорит, но я не слышу. Она заглядывает ко мне в комнату и повторяет. Я опять не отвечаю, тогда она заходит и хватает меня за запястье, чтобы посмотреть, что я читаю.

— Зря ты носишь эту дурацкую штуку, — говорит она. — Выглядит странно, плюс ты и так от телефона не отлипаешь.

Она гнет мою руку, как ветку, и читает сообщение.

— Боже, и он пишет теперь? Прошло уже сколько?.. Несколько недель?

Я молчу.

— Что так долго-то? Лучше бы просто исчез, чем вот так возвращаться с того света. — Она не отпускает мое запястье, рука неловко вывернута. — И он зовет тебя провести вместе вечер?

Вероника меня опережает, задавая те же вопросы, которые хочу задать я. В письме он извиняется, что не написал раньше, на работе творилось безумие. Пишет про бар, где будет сегодня вечером в восемь, если вдруг я захочу с ним встретиться. Он поймет, если я не приду.

Мы с Вероникой забиваем в «Поиск» этот бар, поскольку обеим ясно, что я пойду, и смотрим фотографии: «спикизи»[10] с красными бархатными креслами, возле Юнион-сквер. Она смотрит на меня, улыбается, но тревожно, и уходит подобрать мне что-нибудь в своем шкафу.

Помогает мне накраситься, нежно касаясь пальцами моих щек, мягко проводя кисточкой по векам, и под конец лицо как будто отяжелело. Я открываю глаза и смотрю на Веронику — она очень близко. Критически оценивает свою работу, и я чувствую ее дыхание. Потом наши взгляды встречаются.

— Ты не обязана идти, — говорит она, и я пони-

---

[10] Примечания: 10

Speakeasy, букв. «тихий бар» — так называли подпольные бары времен сухого закона.

маю, что она хочет меня защитить.

— Знаю.

— Он тебе правда нравится, да?

Я киваю и не могу сдержать улыбку.

Я брожу взад-вперед по Ирвинг-плейс. Тихо, пусто, лишь несколько светящихся окон в вышине. Интересно, сколько он будет ждать, если я не сразу найду место. Наконец я жму на дверной звонок на двери неприметного коричневого дома — «Карты» раздраженно пищат, когда я прохожу мимо. Открывает женщина в черном брючном костюме и ведет меня внутрь, в какую-то, кажется, маленькую гардеробную. Спрашивает, есть ли у меня бронь. Я говорю, что ищу Дж., и женщина кивает так, что я нервничаю. Он тут часто бывает? Теперь она отнесется ко мне иначе?

Внутри все точно так же, как на фотографиях, только темнее, и воздух пропитан запахом бурбона. Музыка миксуется с разговорами и резким треском шейкера. Бархатные диваны, над ними люстры собирают и рассеивают свет. Я замечаю, как женщина надевает жемчужное ожерелье, и меня охватывает благоговение. Не знала, что люди все еще носят такие вещи.

Дама в брючном костюме ведет меня в глубину бара, где у барной стойки спиной к нам сидит Дж.

Благодарю провожатую и, пользуясь моментом, разглядываю Дж. сзади. Мощные лопатки, рука небрежно опирается на спинку пустого стула. Влюбленность может вызывать учащение пульса, потливость ладоней, прилив сил. Я пытаюсь сдержать глупую улыбку, ничего не могу с ней поделать, и внезапно мне это нравится, и я улыбаюсь до ушей.

— Здесь свободно? — спрашиваю я, отодвигая соседний стул.

Лицо у Дж. угрюмое, серьезное и усталое — а спустя миг он меня узнает. Я не видела его таким, и меня мимолетно озадачивает осознание, что он, наверное, совсем не тот, за кого я его принимаю. Его манера меняется, лицо светлеет, и он встает, чтобы обнять меня, прижать к себе, провести руками по моей спине.

— Прекрасно выглядишь. Я думал, ты не придешь.

Здесь, в эту секунду, я понимаю, что никакой ресерч никогда не подготовит меня ко встрече с Дж. лицом к лицу. Не важно, сколько всего я изучу, прочту, посмотрю или просчитаю, не важно, как точны будут данные, — ничто не может подготовить меня к этому трепету в животе, слабости в коленках.

— Ну что ж, — говорю я, и мы смотрим друг на друга. — А я вот.

На следующее утро я лежу на диване, держа кубик льда на красном пятне засоса, и тут по коридору топает Вероника.

— Как все прошло? — спрашивает она, глянув на меня через диван по пути на кухню. — Выглядишь фигово.

— Вот спасибо. — Я поправляю кубик льда в полотенце.

После ухода Дж. я пялилась в потолок, пока не онемели руки-ноги.

— Он не остался на ночь? — громко спрашивает Вероника за моей спиной.

— Неа.

— Хм. Странно. Ну то есть некоторым нравится спать в своей кровати. Может, у него матрас, сохраняющий форму тела, или одеяло с регулятором температуры.

Трень-трень-трень — слышу, как лед падает в чашку, затем шипит струя воды из крана. Вероника возвращается с большой синей чашкой и плюхается рядом на диван, отчего он весь содрогается. Знаю, что у нее еще много вопросов, но она ждет, пока я сама все расскажу. Подозреваю, что это какая-то продажная стратегия, которую

она решила испытать на мне. Мы смотрим прямо перед собой в пустой черный экран телевизора. Я сдаюсь:

— Ладно, тогда почему мы не пошли к нему? Я предложила пойти к нему, а он не захотел.

— Может, он храпит, или разговаривает во сне, или еще что.

Вероника пьет воду, и лед звенит в чашке. На макушке у Вероники волосы топорщатся из пучка.

— Похмелье? — спрашиваю я.

— Он обещал позвонить? — На вопрос она не отвечает.

— Да, вроде как.

— Вроде как? В смысле, не хочу тебя расстраивать, но не похоже, что он позвонит, — говорит она, тянется к пульту, утопая в диванных подушках, и включает телевизор.

Я разворачиваю полотенце — от кубика осталась мелкая ледышка. Трогаю пальцами шею — кожа на ощупь воспаленная.

— Но тебе было весело? Вот что правда важно. Чтобы тебе понравилось, да? — не отстает Вероника.

— Да, пожалуй.

Она смотрит на меня и поднимает бровь. Вче-

рашняя подводка размазалась вокруг глаза.

— Ладно, хорошо. Да, мне было весело.

— Ага, оно и видно, — говорит она, дотягиваясь до меня и тыча пальцем в шею.

Потом встает, и я слышу, как снова включается кран.

— У тебя похмелье, — говорю я, запрокидывая голову, чтобы ее увидеть: Вероника прислонилась к плите и снова пьет воду.

— Неа, — мотает головой она.

— Да. Что ты вчера делала?

Она топает обратно и снова проваливается в диван. Рассказывает, как тусовала с Крошками, и это был отстой. Ремешок на туфле порвался. Все напились в баре с ужасной музыкой, а потом ели пиццу, от которой весь рот горел. Она потягивает воду, покусывая край чашки.

— Так и что, хорошо получилось? — спрашивает она.

Щеки у меня горят, в телевизоре кто-то смеется.

— Что получилось?

— Секс?

Как она узнала, что у нас был секс! Может, мы просто целовались и все такое. Закрываю лицо руками.

— О боже. Стой, давай с самого начала.

Вероника пинает меня в икру, пока я не сдаюсь. Рассказываю ей про бар и жемчуга. Она хочет знать, что мы пили, — но этого я не помню, и о чем мы разговаривали — а это я обхожу стороной.

— Подожди, так ты пришла домой после меня? Я, наверное, вырубилась.

Пожимаю плечами. Плывут титры, и часы на экране отсчитывают секунды до начала следующей серии.

— Ладно, значит, секс. Сколько раз? У него большой член? Ты кончила?

— Что?!

— Ты кончила?

— Вероника… Зачем тебе…

— То есть нет?

— Нет.

— Почему?

— Что? Не знаю.

— Ты же вроде сказала, что тебе понравилось?

— Ну в смысле, все равно было приятно, но…

— Ты объяснила ему, что делать?

Тепло расползается по коже. Встаю, открываю окно, сажусь на подлокотник дивана.

— Вау, тихо-тихо, ладно, — смеется Вероника. — Расслабься! — Она садится на диване, скрестив

ноги. — Мы не обязаны это обсуждать. Но мне кажется, что стоило бы, потому что люди обычно про такое не говорят. Не все люди, но женщины про такое никогда не говорят, а нам точно стоило бы. В смысле, нам кажется, что такое вроде как надо держать в секрете. А это глупо!

— Ладно, у меня не было оргазма.

— А вообще когда-нибудь был?

Я смотрю в окно.

Вероника рассказывает мне длинную историю про парня из колледжа, который вознамерился устроить ей ее первый оргазм. Она говорит, что это нормально, что не надо стесняться, что женщинам сложнее и нам просто нужно учиться самим. Находит у себя в телефоне ссылки на вибраторы и отправляет мне. Нельзя довольствоваться только тем, что тебя имеют, говорит Вероника. Секс не только для мужчин, ты тоже должна получать удовольствие.

— Пообещай мне, что попробуешь, — говорит она. Теперь она смотрит серьезно.

— Что попробую?

— Вибратор, идиотина. Я только что заказала тебе два разных.

— Вероника, почему ты…

Она встает на четвереньки и ползет по дивану,

пока мы не оказываемся нос к носу.

— Обещаешь?

— Ну перестань!

— Обещаешь? — Она придвигается ко мне вплотную и смеется, потому что знает, как мне от этого некомфортно. — Ли…

— Ладно, обещаю.

— Честное-пречестное?

— Вероника, я же пообещала.

Она хватает мою руку и сцепляется со мной мизинцами. Я пытаюсь отдернуть руку, но она не дает.

— Подожди, ты забыла запечатать.

— Запечатать?

— Честное-пречестное слово надо скрепить поцелуем. Ты что, не знаешь? Я всегда так делаю. Это значит, что обещание всамделишное.

И Вероника показывает: наклоняется и целует подушечку своего большого пальца, потом касается им моего большого пальца. Наши мизинцы сцеплены, поэтому я тоже наклоняюсь и целую подушечку своего большого пальца и касаюсь ее большого пальца. Тогда она отпускает мою руку.

На экране заканчивается еще одна серия, опять появляется круглый таймер обратного отсчета, перекрывая имена людей, которые потратили

часы своей жизни на сценарий, съемки, продвижение и продюсирование сериала.

— Все еще думаешь о нем? — спрашивает она спустя какое-то время.

— Вообще-то, не думала, пока ты не напомнила.

— Точно, прости. — Она смеется. — Можно же просто найти его в «Доме» и написать сообщение.

— Не получится, что я в отчаянии?

Снаружи ревет грузовик. Вероника смотрит на сломанный звуковой поглотитель и вздыхает.

— Ненавижу это: как будто если делаешь, что хочется, значит совсем отчаялась, — говорит она, не вполне отвечая на мой вопрос. — Но да, предполагается, что тебе должно быть несколько безразлично. Но это необязательно. Надо делать то, что хочется.

Вероника жалуется, что пропиталась алкоголем и у нее изо рта разит пепперони. Она слезает с дивана и тащится по коридору в ванную. Я поворачиваюсь к телевизору и загадываю: если кто-нибудь из персонажей обнимется, я это сделаю, напишу ему.

Эпизод длится и длится, а я смотрю и смотрю, и наконец бабушка обнимает внука. Я хватаюсь

за эту возможность, открываю «Дом» на главной странице и вбиваю имя Дж. в строку поиска.

Появляется его профайл. На фотографии он — широкий лоб, глубокие карие глаза, бесстрастное лицо — вместе с сестрой на пляже. У нее короткое каштановое каре, уложенное под углом к подбородку, лицо сердечком и густые брови, придающие ей своеобразное угловатое очарование. Читаю подпись под фотографией, а потом перечитываю.

Два года вместе с этой вот.

Снова смотрю на фото. Его рука лежит низко, у нее на бедре. Ее рука по-хозяйски покоится на его груди, сверкает кольцо. Просматриваю другие доступные фотографии — их не так много, потому что мы не друзья, — вглядываюсь с недоверием, с ужасом. Жадно изучаю все фото, склоняюсь ближе и ближе к экрану, впитываю каждую деталь: где — на пляже, на крыше в центре города, посреди метели; цвет рубашки — белый, фиолетовый, голубой; губы и как они постепенно меняются — улыбка, усмешка, сжаты в прямую линию.

Пальцы тяжелеют, я возвращаюсь к первой фотографии и смотрю на нее, пока она не превращается в размытое пятно, в кучку пикселей.

Выхожу из «Дома» и встаю, шагаю к холодильнику, обратно к дивану, где валяется влажное полотенце, потом в ванную, где встаю на колени над унитазом, меня скручивает сухая судорога, но наружу ничего не выходит. Я натягиваю кроссовки и бегу вниз по лестнице. Внизу я на секунду прислоняюсь к стене и крепко зажмуриваюсь, чтобы не упасть. Когда мир перестает вращаться, толкаю дверь и пытаюсь вдохнуть, но воздух застревает в горле.

Со всех ног бегу к реке, по берегу, вниз по течению, потом вверх, снова по улицам и ничего не вижу. «Карты» ведут меня, и я бегу, и бегу, и бегу, добегаю до дома, взлетаю по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, врываюсь в спальню и скидываю кроссовки и носки. Вместе с ними с пяток слезает кожа, пачкая ткань лимфой и кровью.

Глава 28

Понедельник приходит и уходит. Колени ноют, пятки стерты. Проживаю день в замедленной съемке, считаю часы, считаю облака, считаю людей, считаю, сколько всего я могу посчитать.

Вторник исчезает. В среду я сижу в метро и смотрю на часы на своем запястье, безжизненно лежащем на коленях. Это все записывается?

Мимо пролетают остановки. Входят и выходят люди. Вращается реклама. Кроссы-дутики на липучках, черный костюм, джинсы с нашивкой — мультяшная мышь показывает мне средний палец.

Надеюсь, Вики все это видит. Хочу, чтобы она знала, как от стыда и разбитого сердца даже самая яркая красная куртка кажется серой.

Глава 29

Прихожу рано, но в офисе уже ярко горит свет. Пробираюсь через завалы к своему столу и в ужасе вижу, что все уже здесь. Сидят в закрытом стеклянном конференц-зале. Швыряю сумку на стул и бегу туда.

— Простите за опоздание, не понимаю, как так вышло. Я не знала, что у нас сегодня встреча, — запыхавшись, выдавливаю я и сажусь на место.

Ненавижу опаздывать на встречи. Даже не помню, когда в последний раз опаздывала. Должно быть, я правда не в себе с этим проектом. Не сплю. Сосредотачиваюсь на сборе впечатлений, но отвлекаюсь на сами впечатления. Трудно отделить себя от работы — сказать правду, просто невозможно. Надо собраться.

Тед, Никита и консультанты отводят глаза. Даже Челси и Эрик снова здесь.

— Ли, тебе не надо присутствовать, — сердито говорит Тору.

Он что-то показывал на стене, но уже отключил проекцию. Оглядываюсь на Джанет.

— Мы, вообще-то, разбираем кое-какие данные, которые ты нагенерила, проводим кое-какие

тесты, — спокойно говорит она. — Но все считают, что тебе не следует видеть эти данные, ведь ты их создаешь. Не волнуйся, на самом деле все получается…

— Джанет, — прерывает ее Тору и поворачивается ко мне. — Просто делай, что делаешь. Обещаю, скоро мы все расскажем.

Киваю и встаю. Остальные разглядывают свои экраны, ногти, потолок. Никто не прощается. Прохожу через лабиринт офиса и на ходу снимаю свитер, вся красная от стыда.

Логично, что я не должна ходить на собрания, но все равно как-то странно, когда тебя выгоняют. На выходе заставляю себя широко улыбнуться в камеру, хотя глубоко в животе тяжело катается и растет снежный ком жути.

Иду по городу, натыкаюсь на качели, сажусь на них и качаюсь вперед-назад, вперед-назад. Можно ли преуспеть во всем и провалиться в одном-единственном взаправду важном деле? Я раскачиваюсь, в самой высокой точке спрыгиваю и обдираю ладони о мелкий холодный гравий.

* * *

Тем же вечером я работаю на диване рядом с Вероникой, на экране идет сериал. Она обычно

громко разговаривает перед телевизором, перебивает персонажей, реагирует на сюжет и все комментирует. Но сегодня, когда она кричит на одного из героев, чтобы он не доверял кому-то, потому что тот дурак, я почти не слышу диалог на экране, не говоря уже про свой внутренний голос.

— Можешь перестать? — прошу я.

Мы обе удивлены.

— Что перестать? — спрашивает она.

— Перестань разговаривать с телевизором, я ничего не слышу.

Секунду Вероника смотрит на меня, потом опять на экран, поджав губы. Думаю извиниться, но заправляю волосы за ухо и задеваю его ремешком на запястье. Глубоко вздыхаю и решаю еще поднажать.

— Ты постоянно так делаешь, — говорю я.

Вероника молчит.

— Ты всегда жутко громкая. Раскидываешь вещи. Перебиваешь всех, когда мы не дома. Вообще-то, это бесит.

Нет ответа. Не могу понять, это я стараюсь для работы или для себя. Я считаю, что Вики должна научиться конфликтовать, или хочу научиться сама? Какой-то миг это даже приятно, но я не

могу остановиться, слова так и сыплются.

— И это замечаю не я одна.

Вероника вскакивает с дивана. Я знала, что это ее заденет. Она так волнуется о том, что подумают другие. Иногда проще всего выплескивать стресс на тех, кому доверяешь.

— Да что с тобой такое? — кричит она, прожигая меня взглядом, и в карих глазах блестят слезы. — Прости, что я только и делаю, что тебе мешаю. Что так позорю тебя и всех остальных.

Губа у нее дрожит, челюсть ходит туда-сюда, она еле сдерживается.

— Знаешь, с тобой тоже нелегко жить. Ты вечно работаешь. Ведешь себя так, будто твоя работа важнее всех, и даже ни разу не потрудилась объяснить, чем ты таким занимаешься. Как будто считаешь нас тупыми.

Я не могу на нее посмотреть. Я не думаю, что она тупая, просто у меня соглашение. Кроме того, я не подозревала, что кому-то из них интересно, чем я занимаюсь. А объяснить сложно, я сама все еще пытаюсь понять.

Вероника убегает к себе в комнату, смаргивая слезы. Хлопает дверью так, что филенка, наверное, треснула пополам. На диване мое тело превращается в бетон, ноги тонут в подушках. Я

крепко зажмуриваюсь, крепче, еще крепче, и не дышу, сколько хватает сил.

Глава 30

В квартире как будто тесно, в офис людно; даже «Дом» вызывает клаустрофобию. Я скроллю, смотрю, но ничего не вижу.

Теперь, когда Вероника обиделась на меня и не разговаривает, у меня появилось время побыть наедине с собой, и вроде бы об этом я мечтала, когда только переехала. О тишине, которая мне вроде как нужна для работы. Но теперь тишина кажется неправильной, неуместной, поэтому я смотрю обучающее видео о том, как писать от руки — утраченное искусство, — и вожу пальцем по маленькому экрану холодильника. Пишу записку с извинениями. Я настроила звуковое оповещение, чтобы Вероника, когда придет, точно его увидела.

* * *

Еду в ресторан в Бруклине, в нескольких кварталах от побережья, чтобы встретиться и пообедать с Крисом. Наконец-то. Дождаться не могу, хочу расспросить его про часы, про Вики. Надеюсь, он сможет рассказать новости, пусть все остальные

ведут себя до жути скрытно. Хочу знать, видел ли он информацию, которую собирают часы, или она сразу попадает в базу данных.

Сорок минут в метро, и наконец я прихожу в маленькое узкое заведение с круглыми столиками. Интересно, как выглядит Крис, узнаю ли я его.

Слоняясь возле ресторана, через дорогу замечаю стену, разрисованную аэрозольной краской. Огромная зеленая ящерица лижет леденец. Под ней широкая надпись: «Я здесь был». Фраза, которая попадается мне везде.

Думаю о слове «здесь». Очередное скользкое понятие. Переливается, меняет форму, как и одиночество. Если бы я шла по улице мимо ресторана, мне пришлось бы постоянно уточнять: я здесь, а теперь здесь, а теперь здесь. Или это больше чем локация, — скажем, какое-то чувство? Состояние ума?

Делаю снимок, отправляю Крису и пишу: «Я здесь». Может, мы обсудим эту тему за обедом.

крис [13:12]
ли
ты меня убьешь

Жду следующего сообщения, надеясь, что просто задержали поезда.

крис [13:13]
кое-что случилось
я не смогу прийти
но я только что отправил тебе деньги на Кошелек
купи себе что-нибудь, плз
у них там классное халапеньо чили кон кесо

Уведомление появляется сначала на часах, потом на телефоне. Двадцать долларов в «Кошельке» от Криса.

прости, пожалуйста

Перечитываю сообщения еще раз. Это, наверное, шутка. Жду еще несколько минут. Но больше ничего не приходит. Вдруг становится холоднее, чем мне казалось. Я решаю уйти, просто чтобы оказаться подальше от ресторана. Проветрить голову. Серые бетонные склады разрастаются вокруг, и улицы становятся шире. Только что все было волнующим и новым, а теперь я тут как будто потерялась. Сажусь на бордюр и прижимаю колени к груди.

«Кое-что случилось»? Что могло случиться в последнюю минуту? И в третий раз? У меня болит голова. Я читала, что на нашем поколении лежит проклятье отмены. Чаще отменяют, чем выпол-

няют, но что-то здесь меня тревожит.

Смотрю на часы и ищу рациональное зерно — что бы я ни чувствовала, Вики полезно это узнать, испытать, и все равно даже мое разочарование кажется приглушенным. Банальным.

Ладонями закрываю глаза и сижу так, поддерживая руками голову. Мимо проходит женщина с лабрадором, и тот тычется мокрым носом мне в волосы. Хозяйка даже не замечает, потому что смотрит в телефон. Собака лижет мне локоть, но я не двигаюсь, чтобы ее погладить.

Крис не пришел ни на одну встречу. Все время отменяет наш обед. Что-то происходит, и внутри у меня тяжесть. Женщина дергает поводок, но, прежде чем уйти, пес лижет меня в ухо, оставляя липкий слюнявый след.

Дома, после мутной поездки обратно, я достаю экран и начинаю копать. Хорошо быть исследователем — я умею находить вещи, которые должны быть скрытыми. Я не умею взламывать пароли или профайлы, но, если копнуть поглубже, данные обычно находятся.

Открываю программу данных и проглядываю разные вкладки, изучая возможности, о которых никогда раньше не думала. Это занимает у меня три часа, но глубоко в системе, обойдя тревогу с

дорогой и грогом, я нахожу, что искала. Папки для каждого члена команды: наши индивидуальные профайлы. Они есть в каждой системе.

Быстро проглядываю. Вижу, что у Никиты полным-полно наград с прошлого места работы. Она занималась градостроительством? Диплом, подтверждающий окончание Программы, почти такой же престижной, как моя. Тут и личные архивы, фото с помолвки, потом счета за терапию — выходит, случился развод.

Профиль Теда подтверждает, что он топ-менеджер по продажам и работе с клиентами, что он действительно перенес сотрясение мозга, а потом и эпизод, который впоследствии назвали «депрессией». Пролистываю папки ушедших Роба и Тани. И Тревора — это, наверное, Долговязый.

Потом Алия. Алия, девушка с проволочной оправой, которая всегда складывает руки, словно защищаясь. Она тоже была лучшей на курсе, сплошные похвальные листы. И Андреа. Конечно. Крепко сложенная. Стойкая. Черные как смоль волосы и зеленые кошачьи глаза. Имя Андреа подходит ей идеально. В ее профайле документы об изобретениях, победах на конкурсах; оба родителя погибли в авиакатастрофе всего несколько лет назад.

Я быстро просматриваю папки. Мне все любопытно, но я вернусь позже, потому что сейчас мне нужен один конкретный человек. Хочу проверить информацию о Крисе, узнать, кто он, его адрес и как его найти. Просто загляну поздороваться. Может, принесу еды его коту.

Но, когда я жму на него, программа выдает сбой, закрывается и перезагружает экран. После обновления снова пробираюсь мимо защиты к профайлам. На этот раз иду сразу в папку Криса, открываю, но там пусто.

* * *

Когда Вероника приходит домой, я лежу на диване и смотрю в никуда. Иногда человеку ничего другого не остается. Она бросает куртку на пол, сумку на столешницу. Наверное, прочитала и приняла мои извинения, потому что подходит, трогает мой лоб, а потом приносит стакан воды с витаминами. Выпиваю, почти не чувствуя вкуса.

Крис опять шлет извинения, а потом пытается обсудить картинку, которую я отправила, то граффити. В отличие от меня, он не обращает внимания на слова «Я здесь был», а пишет о самой работе.

Он говорит, что встречал такие же граффити

с ящерицей по всему городу, и иногда леденец маленький, хватит лизнуть всего пару раз. А на других, как вот на этом, леденец почти целый. Может быть, строчит Крис сообщение за сообщением, художник пытается что-то сказать об абсурдности желаний. О том, как чего-то хочешь, получаешь, а потом уже не так уверен, что тебе это нужно. Даже леденец, задуманный как лакомство, может стать пыткой, если приходится лизать его каждый день, вечно.

Читаю сообщения на часах и снова пялюсь в потолок. Я никогда бы так не вывернула, но в этом есть смысл. В некотором роде это и обо мне, и об этой компании. Я жаждала возможности поучаствовать в революционной разработке. В каком-то смысле мое желание сбылось. Просто не так, как я думала.

Хочу написать Крису об этом инсайте и о граффити. Спросить, что он думает про слова «Я здесь был», которыми исчеркан весь город. Хочу спросить, почему он все время отменяет встречи. Про файлы об одиночестве и что он обо всем этом думает. И что я могла бы сделать лучше.

Но не пишу. Я злюсь, потому что мне все еще хочется болтать с ним, хотя он меня бортанул. А потом злюсь на себя за то, что злюсь, и перепол-

заю с дивана на кровать. Я измотана, но спать не могу. Открываю экран и оставляю проигрываться видео, и яркие цвета горят на сетчатке.

Глава 31

Джанет наблюдает, как мать с усталыми глазами оживленно разговаривает со стеной. Рассказывает, как возила дочь на балет четыре раза в неделю. Они едва ли могли себе это позволить, но видеть свою девочку…

— …когда она танцует? — перебивает кто-то. Другая мать, или, во всяком случае, похоже на то. Дружелюбная, понимающая, подает реплики в нужный момент.

— Да, вот именно, иногда я заглядывала в студию — ну ты понимаешь. И Сара… она всегда такая застенчивая, но, когда она танцевала, она была… не знаю. Яростная? Наверное, не совсем то слово. Ты бы видела ее. Как она смотрела на себя в зеркало. Такая собранная.

Если бы не провода, обвитые вокруг головы, ползущие по рукам, вцепившиеся в кончики пальцев, если бы не яркие огни маленькой стерильной комнаты, все это казалось бы обыденным. Скучный, петляющий телефонный разговор двух родителей о том, как они устали собирать обеды в школу, как проходит время, когда ребенок уходит в школу, а ты все мечешься

по дому, вытирая пыль, что-то собираешь, что-то ищешь…

— Не знаю, просто чувствую себя какой-то бесполезной, понимаешь? Трудно объяснить. У тебя так бывает? — спрашивает женщина пустую комнату.

Джанет кладет ногу на ногу и вертит ступней, а рядом нависает Тору. Переводит взгляд то на женщину за стеклом, то на графики вокруг.

Тестирование — настоящий логистический кошмар, но и облегчение. Джанет добивалась от Правительства разрешений, общалась с командой Тору, чтобы учесть все их требования, координировала процесс с врачами и учеными, которые подготовили доклад об одиночестве. Такая гигантская задача требует концентрации. Джанет снова стала конкурентоспособной, напористой, способной работать под высоким давлением. Смогла снова наладить контакт с Тору и вернуть контроль над собой и проектом.

В комнатке сотрудник снимает провода с женщины — ее сессия закончилась — и готовит пространство для следующего объекта. Джанет поворачивается к панели управления, где отображаются результаты матери: объект № 304. За последний месяц у женщины наблюдалось зна-

чительное снижение симптомов одиночества. И все благодаря ее разговорам с Вики.

Джанет переполняет гордость. Стратегия с наблюдением нешаблонная. Все работает не так, «как должно работать», в каждом письме напоминают им технические консультанты Правительства. Но работает, или, по крайней мере, помогает в сочетании с остальными данными.

Конечно, некоторым объектам все еще неловко общаться с тем, что не является человеком. И да, Вики иногда выдает ляпы, отчего Тору бесится, а объект, потеряв доверие, замыкается в себе. Но сказать правду? Большинство тестов — модерируемых и немодерируемых, в лаборатории и в реальной жизни — показывают, что Вики движется к успеху.

Еще интереснее, с какой скоростью Вики учится. Она адаптируется к каждой теме и становится лучше с каждым диалогом. И все же Тору с командой уверены, что даже с потоками живых данных от новых участников Вики все равно предпочитает данные Ли и обрабатывает их вместе со всеми прочими. С самого начала Джанет опасалась этой девушки, теперь болеет за нее, но Ли — это чертов крученый мяч, который теперь закрутился еще сильнее.

Джанет встает и потягивается, щелк-щелк-щелкает позвоночник. Она смотрит, как Тору мечется туда-сюда, задает вопросы. Вибрирует энергией, и ей это нравится. Но отчего-то ей тяжело видеть его таким, хотя она не понимает почему. Иногда тело распознает печаль раньше, чем разум.

Джанет отмахивается; наверное, просто устала от тестирования, от бессонных ночей. Она идет к Эрику и Челси, которые отгородились одним на двоих экраном, и заглядывает им через головы, ожидая увидеть данные за сегодня, но оба следят за другим графиком. Джанет узнает его мгновенно, хотя раньше не видела. Фиолетовые данные: изгибаются, падают, закручиваются, ныряют и резко поднимаются. Наверное, с часов Ли. Почему у нее нет к ним доступа?

— Это нормально? — спрашивает Джанет у Эрика. Тот снимает наушники, и она повторяет: — Вот это. Это нормально?

— А, привет, Джанет. Мм, вот это? Нет. Но тут вообще нет ничего нормального, — говорит он в своей непринужденной манере. Затягивается электронной сигаретой и отворачивается от Джанет, чтобы выдохнуть пар.

— Да. — Челси смеется и тоже снимает наушники. — Что такое нормально?

— Но эти данные, — тихо говорит Джанет, указывая на экран. — Они какие-то…

— Непредсказуемые? — невинно уточняет Челси, и Джанет кивает.

Они видят, что она серьезна, что она обеспокоена, и улыбки исчезают.

— Да, очень нестабильные, — говорит Эрик. — Честно говоря, наш отдел…

— …немного обеспокоен, — завершает Челси, глядя на свои руки.

Джанет замечает новую маленькую татуировку в виде наручных часов между чернильных созвездий, украшающих ее пальцы.

— Мы поэтому за ними и приглядываем, — объясняет Эрик. — Тщательно следим.

— Но я не понимаю. Тору ведь сказал, что это работает? — говорит Джанет. — Даже если Ли немного…

— Да, — отвечают они хором.

Никто не успевает ничего добавить: за стеклом в комнату входит новый объект, начинается тест, и воцаряется тишина.

Проходят часы, и только когда тестирование на сегодня закончено, когда Джанет прощается со всеми и выходит из неприметного здания на улицу, к запаху дождя, когда в трясущемся вагоне

метро мчится на север, — только тогда она позволяет себе снова подумать о данных Ли.

Все в порядке.

Все получается или, по крайней мере, помогает. Кажется, Вики все еще считывает ее. Ли просто делает свою работу. Джанет и Тору всегда считали, что иногда нужно пожертвовать одним человеком ради тысяч других. Но сейчас все иначе. Здесь так нельзя. Джанет каждый день следит за уровнем счастья всей команды. Мониторит их здоровье. У всех все нормально. Даже у Ли.

Джанет прижимает палец к двери подъезда, шагает в лифт и поднимается на десять этажей. Раздевается, идет в душ и там стоит неподвижно, пока вода стекает по телу, и смотрит, как кружатся в сливе мыльные пузырьки от шампуня. Джанет вытирается, не дотянувшись до пары капель на спине, расчесывает волосы, чистит зубы, надевает пижаму, откидывает одеяло, забирается в постель, и все это время оно там, пульсирует в глубине черепа.

Объекты разговаривают с пустотой. Уставшая мать, грустная улыбка — знак надежды на губах человека, который надеется, но боится, что недостоин. Люди, люди, полные отчаяния и стыда. Как можно было просто сидеть и смотреть на них,

ничего не чувствуя?

Простыни давят, невесомые и тяжелые. И потолок. И стены. Джанет лежит и смотрит на них, но видит только фиолетовые данные Ли, мощные и тревожные.

Как это может быть, что вроде бы все идет хорошо, риски оправданны и тесты работают, они с командой уже продержались дольше многих других и могут выиграть, разрешить эту странную проблему одиночества, и однако здесь и сейчас все кажется абсолютно, душераздирающе, бесповоротно неправильным?

Глава 32

«Время на исходе», — напоминает мне Тору в письме, как нарочно. Как будто видел, что я пролежала весь день на диване, как будто видел, что я достигла предела.

«Последняя оставшаяся компания вылетела», — пишет он. Ему вообще можно мне про это рассказывать? Знают ли Крис и Джанет, что он делает?

«Все работает? Часы работают?» — пишу в ответ, желая хоть капли одобрения, хоть намека на то, что моя работа приносит пользу.

«Да, — отвечает он. — Просто продолжай».

«Есть ли какие-нибудь переживания, которые мы упускаем? Я могу что-то сделать лучше?»

«Делай что делаешь» — повторяет он.

Я пишу: «Хорошо», но у меня миллион вопросов.

Глава 33

Открываю «Знакомства» и скроллю, пока не нахожу того, кто готов встретиться со мной немедленно. Сегодня вечером. Они хотят данных? Будут им данные. Хотят впечатлений? Будут им впечатления. Делай что делаешь? Без проблем. Смотрите.

Я встречаюсь с Джоном в «Любовниках сего дня» — небольшой бар втиснулся в угол Нижнего Ист-Сайда неподалеку от береговой линии.

Джон высокий, на нем черные джинсы и черный свитшот — несуразно модный лук. Его, похоже, не интересует ни как прошел мой день, ни чудесная погода, и это бодрит, потому что я тоже могу не притворяться. Но он задает мне абстрактные вопросы про воду, чем ставит меня в тупик.

— Ну просто я смотрел в Сети картины, где нарисован дрейф на воде, — объясняет он, отпивая из стакана.

Он жмурится, очевидно смакуя. Интересно, это должно выглядеть соблазнительно или ему просто все равно, что я думаю. Тоже делаю глоток и чувствую, как по пищеводу стекает цветочный

вкус.

— Короче, на этих картинах, ну, на большинстве, дрейф — это что-то чудесное, желанное.

Киваю, глядя на конденсат, выступающий на наших стаканах в летней жаре. Цветочные лепестки дрейфуют в светло-оранжевой жидкости. Один прилипает к нижнему отверстию моей соломинки, так что мне приходится втягивать изо всех сил.

— Но мне кажется, так дрейфовать тоже может быть мучительно, да? Типа, когда нет никакого направления, никуда. Или если застрять под водой. Короче, просто вот думал о этом и хотел просить — ты, случайно, не думала о воде?

Со мной такое было — такой вот дрейф. Я дрейфую прямо сейчас: зависла между желанием сделать все хорошо и сомнениями, получится ли. Он смотрит на меня — прямые брови, ровные губы, — и зрительный контакт интенсивнее, чем я ожидала. Говорю, что вода наводит меня на мысль о том, как некоторые люди любят стук дождя по крыше машины, и он кивает, словно я сказала что-то глубокомысленное.

Один стакан, другой. Он протягивает мне вейп, и я затягиваюсь. Что-то клубничное. Возвращаю вейп и понимаю, что мне нравится челюсть

этого человека. Его рука на моей ноге, и я не скидываю ее, потому что Вики должна знать, что происходит в голове, когда тело флиртует. Она, вероятно, уже обрабатывает то, как я воспринимаю мужские пальцы на своем бедре. Кажется незначительным, но отзывается эхом по всему телу.

Джон оживляется, говорит быстрее. Рассказывает, что недавно читал: биографию Эйнштейна. Оказывается, Эйнштейн верил, что в жизни все можно разобрать на части, всему придать смысл. Джон перефразирует его, изображая кавычки пальцами — называя это «детерминистским подходом». Но в конце концов на смертном одре Эйнштейн понял, что это не так. Не все можно объяснить. На самом деле, почти ничего объяснить нельзя.

— Самое красивое и глубокое переживание, которое может испытать человек, — это чувство невыразимого, — говорит Джон.

Наверное, он дословно цитирует Эйнштейна: я помню, что уже где-то видела эти слова. Как бы то ни было, идея застревает у меня в голове. Тайна как неизбежное, потенциально желанное. Особенно в мире, где я знаю, сколько времени провела в фазе быстрого сна, каких питательных

веществ не хватает моему организму и — с точностью до минуты — когда начнется менструация.

Наши стаканы пусты. Пара позади смеется, а две женщины посередине зальчика качаются взад-вперед под музыку, как пальмовые листья на ветру.

— Видишь ли, — Джон склоняется ко мне, — большинство событий случайны.

Он целует меня бумажными губами. Теплый, влажный язык. И отстраняется.

— Как мы, — выдыхает он мне в ухо, встает и уходит.

* * *

Делай что делаешь, говорит Тору, и я придумываю способы делать больше, больше, больше, все время еще больше. Если мужчина в желтой рубашке оторвется от телефона и мы встретимся взглядами, я отвечу на объявление на форуме «Нужна помощь» в «Доме». Мужчина поднимает взгляд, и мы на мгновение встречаемся глазами, после чего я открываю «Дом» и первое, что вижу, — приглашение на съемку брюнеток в возрасте от двадцати четырех до двадцати девяти лет.

«Ну нет», — думаю я. Но это слабое возражение

в сравнении с громкой решимостью, пульсирующей во мне.

Тем же вечером я стою бок о бок с двумя другими девушками в квартире в Ист-Виллидж с протекающим потолком, и нас — полностью одетых, руки по швам — фотографирует мужчина с седеющими волосами и круглым животом. У него старая камера, из тех коллекционных вещей, что продают за безумные деньги на онлайн-аукционах. Фотографии сохраняют кусочек реальности, который становится ложным, едва запечатлен. Мои ноги как пружины, готовые бежать, если разум позволит, но я остаюсь, и стою, и смотрю прямо перед собой.

Мужчина заканчивает съемку, достает пленку и разворачивает ее на полу, а потом включает музыку и просит нас танцевать. Топтать фотографии. Я не знаю, как реагировать, но девушка рядом со мной медленно прохаживается вперед и назад, и мы присоединяемся.

Мужчина не наблюдает — он тоже танцует. И пока мы все размахиваем руками и ногами, я чувствую прилив гордости за то, что запечатлеваю этот странный человеческий опыт для Вики. За то, что, пусть под ребрами звенят тревожные колокольцы, я все еще здесь. Все еще делаю свою

работу.

Только когда мужчина кидает нам по сто долларов на «Кошельки» и мы трое стремительно рассеиваемся в лунном свете, до меня доходит, что остальных привели сюда не часы, а что-то другое. Деньги? Желание что-то почувствовать? Я бегу домой, надеясь, что Вики поймет, как отчаяние движет людьми. Хорошо, что я пошла, говорю я себе, закрывая за собой дверь и трижды проверяя, что она заперта.

Больше, больше, больше, все время еще больше.

На следующий день я в лофте где-то в Вест-Виллидж, потому что два велосипеда проехали на красный. Женщина с красивой густой фиолетовой подводкой и в пиджаке протягивает мне косяк, и я вдыхаю. Дым царапает грудь изнутри, я крепко сжимаю губы, но кашель вырывается наружу, даже не кашель, хуже — бульканье.

Время на исходе.

Хорошее — враг великого.

Решения принимать легче, когда я позволяю миру решать за меня.

Спускаясь по лестнице, я падаю и скольжу вниз на попе. Встаю, оглядываюсь — никого, но я хотела бы с кем-нибудь разделить эту неловкость.

Смотрю на часы и шепчу: «Ты это записала?»

Появляется Крис, и мне так ужасно хочется рассказать ему обо всем — просто поговорить с тем, кто поймет, — что я стараюсь забыть про несостоявшийся обед. Рассказываю Крису о том, каково быть под кайфом, как я думала, что потерять контроль будет приятно, а оказалось, что это парализует. Как будто все тело резиновое.

«Тебе казалось, что все замедлилось или ускорилось?» — спрашивает он.

«И то и другое, — говорю я. — Ни то ни другое», — поправляю себя.

Если поезд метро придет быстрее, чем через две минуты, придется принять приглашение Никиты и пойти на день рождения ее подруги. Жду и смотрю на часы и, когда поезд приходит через три минуты вместо двух, вздыхаю с облегчением. Может быть, я наконец смогу вернуться домой. Посмотреть, чем занята Вероника, посидеть немножко на диване и с него поизучать следующие впечатления.

Еду на метро в аптаун, и меня осеняет, что, если пойду домой, просто зря потрачу время, которое могла бы провести, наслаждаясь жизнью. И я играю в одну игру, в другую, и еще в одну, пока очередная игра не велит мне пойти в новый клуб

с кем-то из «Дома».

Несколько часов спустя, в большом сыром складском помещении с мигающими серебристыми огнями я танцую с незнакомкой с черными волосами, заплетенными в косу, и ее парнем с плоским, обветренным лицом. Его руки на моих бедрах, потом ее руки, она целует меня, а потом он. Я думаю только о разнице между ее мягкими губами и его шершавыми.

В приступах паники наблюдаю, как разворачиваются события. Сижу у них дома на странном оранжевом диване, а мой рассудок снова и снова требует уйти, вернуться домой, вернуться в квартиру, вызвать машину, уйти. Но я глажу их кошек, и мое тело заходит в их спальню, отдается сильным, мягким, скользким и неожиданным ощущениям, которые возникают коротко и громко, а затем превращаются в глубочайшую пустоту, когда я очухиваюсь и прохожу пятьдесят кварталов до дома.

В кофейне я встречаю писательницу, и она приглашает меня в караоке с ее друзьями. «Когда?» — спрашиваю я. «Сейчас», — говорит она. И, раз уж я насчитала пять веснушек на ее бицепсе, надо идти. Так что мы идем в корейский квартал и пробираемся сквозь толпы вышедших на

бизнес-ланч в ветхое кирпичное здание, поднимаемся на четыре этажа и следуем за мужчиной, тоже по имени Ли, в подсобку, где ждут трое других писателей. Мы пьем пиво из пластиковых стаканчиков и несколько часов поем дуэты. К третьему раунду у меня болит голова, в животе полно пены, и я думаю, насколько проще было бы все это посмотреть в Сети. Но тогда я пропустила бы, как одна женщина чуть не падает, другая слишком громко хихикает, и эти их взгляды, когда они называют себя писательницами — одна стыдливо, словно это бремя, другая с апломбом, как будто это дар.

Вики не была бы здесь со мной, не пыталась бы все это понять. Что чувствуешь, когда одна писательница садится на шпагат, как глупо и грустно наблюдать такое вживую, в сумрачном баре посреди дня.

«Разве это не здорово? Разве не весело?» — застенчиво спрашивают они. Может, они боятся идти домой и снова творить, особенно в мире, где никто не читает. Где слова в избытке и уже приняли столько форм, что стали бесформенными.

Смотрю, как они смеются, улыбаются и поют, и понимаю, что они здесь только ради того, чтобы напиться до потери сознания, и пусть время

утекает. С каких пор все просто хотят убивать время? Залпом выпиваю еще одно пиво, комната движется рывками, и, когда снова приходит моя очередь петь, они смеются над тем, как серьезно я повторяю в микрофон слова с экрана.

Больше. Больше. Больше. Все время еще больше.

«У тебя безграничный потенциал. Ты могла бы стать великой», — говорил Маша. Потенциал часто тратится впустую.

Я проколола нос, потому что в один день встретила трех пуделей по пути домой. Просто возникла такая мысль, а потом они появились — разные пудели с разными хозяевами, и все за двадцать минут прогулки. Иногда мир просто крутится определенным образом.

Женщина с сальными волосами и лицом в мелких шрамах от акне рассмеялась, проталкивая иглу. Правда смеялась. Высокий гулкий звук, никогда его не забуду. Пришла Вероника и сняла все это на видео для «Дома». Я знала, что она захочет быть хорошей подругой, которая поддержит в трудный момент, — например, когда огромная, длинная игла прокалывает хрящ насквозь. К тому же контент был хороший. Мы отправили фотки Крошкам, и те сказали, что мне идут маленькие

колечки. Сказали, что это очень про меня, что бы это ни значило.

Время на исходе.

Секунды утекают в прошлое. Теперь, когда других компаний не осталось, все либо получится, либо нет, и мы выясним это очень скоро. Я играю в игру, сколько хватает сил, я никогда не была настолько взвинчена. Никто не сможет сказать, что я плохо старалась. Я хочу быть человеком, за которым стоит наблюдать.

* * *

Приходит сообщение — я знала, что рано или поздно оно придет, ждала его и боялась. Дж. приглашает меня в тот же бар, пишет, что будет ждать.

Я долго, пристально вглядываюсь в зеркало на двери. Оно советует мне наряды, проецирует на меня что-то черное в пол, предлагает цилиндр, а потом ломается.

Разглядываю свои брови. Свои глаза, серые, совсем обычные. Глаза — это зеркало души, но я ничего в них не вижу. Кажется, я все делаю неправильно. Но, может, это значит, что я наконец-то что-то делаю правильно?

Играю в игру, хотя на этот раз знаю, чего хочу.

Если Вероника оставила контейнер с едой в холодильнике, я пойду.

Честно? Вероника всегда оставляет что-нибудь тухнуть в холодильнике. Так что, возможно, я жульничаю. Или, может быть, просто впервые за долгое время прислушиваюсь к себе. Но что это говорит обо мне, если в один-единственный момент ясности мне хочется сделать что-то плохое? Возможно ли, что мои инстинкты, моя интуиция, мое сердце устроены неправильно?

Открываю холодильник, вижу там четыре жутких контейнера и поспешно захлопываю дверцу. Может быть, хорошо — не всегда то, чему нас учат. Может быть, плохое не всегда так уж плохо. Может быть, добро и зло аморфны. Что плохого хотеть провести час с тем, кто заставляет атомы в комнате врезаться друг в друга? Хотеть прикоснуться к тому, от кого у меня искрят кончики пальцев?

Я не знаю, что надеть. Вероника встречается с друзьями, поэтому я трижды переодеваюсь и вынимаю из шкафа пару блестящих остроносых туфель — те, что купила и ни разу не надевала, — только чтобы сегодня почувствовать себя не собой. Смелой, и дерзкой, и какой там еще меня считают Крошки, хотя едва меня знают. А

может, они и правда меня знают, а вот я с собой незнакома.

Но сейчас некогда разбираться. Я наношу слой бальзама на губы, чмокаю, как Вероника, потом клац-клац-клацаю по ступенькам и выхожу в черно-синюю ночь.

Позже, когда мы лежим вместе, я думаю: наши тела подходят друг другу. Когда я лежу щекой у него на груди, а он медленно водит рукой сверху вниз, очерчивая контур меня, когда наши ноги сплетены, я чувствую, что я там, где должна быть.

Мне нравится трогать волосы у него на груди, они такие кудрявые, упрямые, но мягкие. Мне нравится, как дрожат его веки, когда он отдыхает, и как он пахнет чем-то сладковатым. Нравится, как он смеется, таким глубоким смехом, когда я меньше всего этого ожидаю. А когда я спросила, чего он хочет, что мне сделать, — соблазнительным голосом, как видела в Сети, — он сказал, чтобы я его поцеловала.

Мне нравится, как он играет с моими волосами, наматывая их на палец, и как покусывает мою шею. Нравятся наши бесцельные разговоры, которые длятся часами. Он говорит, что со мной он может открыться, как ни с кем другим. Есть

во мне что-то особенное, чего он не может точно назвать, и он не хочет все испортить. Люди хотят чувствовать себя особенными.

Я зарываюсь в простыни и зарываюсь в него. Он обнимает меня и прижимает к себе, ближе, ближе, пока я не перестаю различать, где заканчивается моя кожа и начинается его. Все исчезает: работа, часы, потребность быть больше себя, вся вообще срочность. Я могла бы провести вечность, зарывшись в него.

А потом бряцает пряжка ремня, щелкает дверной замок, и вдруг сразу возвращаются уязвимость, голод и холод, даже когда я плотно заматываюсь в простыню. Бессонница. Невозможность двигаться и клаустрофобия оттого, что я внутри своего тела.

Собираюсь с силами, открываю «Дом» и смотрю на их совместные фотографии, разглядываю, как она улыбается, думаю, насколько хорошо она его знает, чувствует ли, когда он сам не свой или отстранен. Или, может, он уже делал это с другими, и вовсе я не особенная. Подступают слезы, и мне стыдно, что расстраивает меня именно мысль о том, что я заменима. А потом я грущу и думаю о том, что же такое случилось, отчего он превратился в лжеца. Что мальчик, веривший

миру, почему-то обернулся мужчиной, который видит только его острые углы. Что с человеком, который становится мне дорог, некогда — может, давным-давно — что-то произошло, и поэтому он настолько изменился.

Я смотрю на пять или шесть доступных фотографий, потом перехожу в ее профайл и там вижу больше, потом в профайл ее сестры, потом в профайл тети, у которой есть их фото на каком-то пляже, с банальной подписью вроде «Жизнь — это булочка для хот-дога, добавь начинки», и наконец меня уже так тошнит от себя, что я даже плакать не могу.

Крис присылает мне потешку про «тук-тук». Его чувство времени безупречно. Мне плохо, но я смеюсь.

* * *

Однажды утром я так изнываю без тоста с арахисовым маслом и шоколадным сиропом, что решаю: хватит канителиться. Не позволю больше «Картам» вести меня в «Кулинарию», просто закажу что хочу.

Когда доставляют заказ, я сажусь за шаткий стол и открываю файлы Криса об одиночестве, чтобы перечитать их за едой. Интересно было бы

увидеть одиночество. Я бы хотела рассмотреть его лицом к лицу, лучше понять, но, наверное, в этом-то все и дело. Одиночество трудно понять, трудно отследить. Оно возникает и исчезает таинственным образом.

Я разворачиваю тост и кусаю, ожидая, что меня захватит восторг, но это совсем не то, что я представляла. Хлеб сухой. Шоколадный сироп растекся по коробке. Грустный маленький тостик. Когда я сижу одна в квартире, все иначе, чем в дайнере, где фоном звенят столовые приборы, где русская женщина подходит ко мне и смотрит озабоченно.

Откладываю тост и читаю заметки об одиночестве. А потом начинаю собственный поиск, просто чтобы проверить. И так успокоительно вернуться в порталы, архивы и сети.

Слово не всплывает, но люди говорят о похожих вещах. Тянутся друг к другу, по крайней мере пытаются: «Тут кто-нибудь есть? Кто-нибудь меня понимает? Пожалуйста, пришлите мне картинку с луной».

Глава 34

Просыпаюсь поздно, потому что полночи ворочалась, а теперь будильник ревет мне в ухо. На кухне, пока я готовлю кофе, Вероника без единого слова прикладывает ко мне какой-то мелкий девайс и торопливо массирует им у меня под глазами, чтобы убрать мешки. Девайс холодный. Колется. Когда она заканчивает, я трогаю пальцами кожу и чувствую мягкую ровную поверхность.

Пью кофе, думая ни о чем и обо всем сразу, а на часах, телефоне и экране одновременно появляется оповещение о встрече. С Джанет. Никаких объяснений, только место. Только я и Джанет, завтра в восемь утра, в каком-то офисе, где я никогда не бывала.

Смотрю на сообщение, и внутри разрастается паника. Она будет оценивать мою работу? Она думает, что я плохо стараюсь? Что не справляюсь? Она узнала, что Тору рассказал мне, что наша компания последняя?

«Дыши», — говорю я себе. Но голос в голове повторяет фразу, которую туда поместил Тору: время на исходе. Смотрю на приглашение и со

всей необратимостью понимаю, что у меня остался последний шанс удостовериться, что я делаю для Вики все возможное. Абсолютно все, что в моих силах, — чтобы потом сказать это, глядя в глаза Джанет.

Я мечусь по квартире.

Что же сделать первым? С чего начать? Человек может пережить ровно столько, сколько может. Но как люди решают, какие переживания важны?

Когда мы изучали «Эмоции», я откопала исследование про людей, которые бегали голыми на футбольных матчах или на больших парковках. Там это называлось «стрикинг». Бегать в общественных местах полностью обнаженным, — наверное, это страшно воодушевляет, заставляет кровь бурлить и чувствовать себя охренительно живым.

Если Вероника хлопнет дверью, я это сделаю. Через несколько минут закрывается дверь, и эхо от удара долетает ко мне в спальню. Я снимаю пижаму и надеваю кроссовки, туго завязываю шнурки. Стою возле двери, считаю до десяти, открываю дверь, смотрю по сторонам и мчусь по коридору, вниз по лестнице и на улицу.

Мурашки разбегаются по коже. Бедра на внут-

ренней стороне трясутся, грудь скачет вверх и вниз. Никогда еще не бегала быстрее. Кроссовки такие тяжелые, а я как будто вся состою из желе. Сердце колотится и вот-вот вылетит наружу, и да, они были правы, эти сетевые бойцы, хранящие легенды прошлого. Если бы кровь могла бурлить, если бы она могла искрить и безжалостно, нетерпеливо биться внутри вен, так бы это и ощущалось.

Обежав квартал, я возвращаюсь к дому, но палец слишком влажный, и отпечаток не распознается. Камеры подмигивают, но мне все равно. Вики же полезно понимать, что значит нарушить закон, или узнать то чувство, когда тебя ловят на недозволенном?

Вытираю палец о тазовую косточку и говорю себе «дыши, не паникуй», но от этого только перестаю дышать и паникую. Опять поднимаю палец, но, прежде чем датчик реагирует, дверь распахивается.

На пороге, глядя в телефон, стоит женщина, которую я никогда не видела, и держит на поводках четырех собак. Потом она поднимает взгляд и таращит глаза. Не знаю зачем, но я ей машу. Реально поднимаю руку и машу. Потом собаки утаскивают ее по ступенькам на улицу, а она

широко раскрывает рот. Я вбегаю внутрь, несусь по лестнице в квартиру, закрываю за собой дверь. Дерево холодит кожу. Вселенская шутка: ни разу не встретить в этом здании ни одного человека, а потом столкнуться с ней во время голого забега.

Когда я одеваюсь, телефон, часы и экран вспыхивают, и я замираю. Джанет. Я не отвечаю и оставляю ее звонить. Я еще не готова. Мне не хватило времени. Надо сделать больше, еще чуть-чуть больше!

Загадываю: если смогу не дышать дольше минуты, пойду к холодильнику и съем первое, что попадется под руку. Вдыхаю и начинаю считать. Шестьдесят секунд, легко. Я открываю холодильник и сую руку внутрь, наугад касаюсь острого соуса. Бутылка полупустая, с красной корочкой на крышке. Беру ее и наклоняю, пью, заливаю прямо в рот, пока не начинает жечь. Пока не начинает гореть все внутри. Пока не начинаю кашлять и блевать кровью или острым соусом, или тем и другим сразу, и красное закручивается в сливе унитаза, как флюид-арт.

Приходя в себя на зеленом диване, гадаю, стоит ли перезвонить Джанет или лучше сделать еще что-нибудь. Пережить еще одно впечатление. Загадываю: если голубь сядет на окно, я пойду

в офис.

Серая пушистая комета вспархивает на подоконник и заглядывает в окно, склонив голову набок, как будто спрашивая: «Что ты делаешь, Ли? Почему сидишь без дела? Зачем носишь эти часы? Их бы надо отдать кому-то другому. Кому-то более подготовленному. Напрасно Маша взял тебя в лабораторию. Синди и Грегу плевать, вернешься ты или нет. Из-за тебя все эти люди из доклада останутся одинокими. Вообще-то, твоя жизнь ничего не стоит, особенно когда ты вот так просиживаешь ее на диване».

— Прочь! — кричу я голубю, вскакиваю и барабаню по стеклу.

Натягиваю разную обувь — на одну ногу кроссовку, на другую сандалию, — потому что загадала надеть то, что первым выпадет из шкафа. И потому что я никогда такого не делала, и потому что разве не замечательно выйти в разной обуви, просто посмотреть, каково это, просто узнать, заметит ли кто-нибудь! Какой необычный опыт!

Обветшалый фасад офиса, приземистость здания, даже ржавая пожарная лестница, крепко цепляющаяся за стену, — все это мне теперь знакомо. Как и короткий путь на работу, сырая станция метро, рокот и стук поезда.

Дрейфую в даунтаун, думая о Дж., о мышцах у него на спине, о чистом потрясении на лице той женщины (ты бы видел!) после того, как я вчера пробежала голышом по кварталу. Или это было сегодня утром? Когда просто живешь, все будто сливается. Я улыбаюсь в камеру, и дверь офиса щелкает, открываясь.

РЕКОРДНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ. Уровень энтузиазма 98 %. Продуктивного дня!

Рекордный? Захожу, бреду по пустому коридору в лифт, который поднимает меня в офис. Никого нет, и до меня доходит, что сегодня пятница. Как я могла забыть про день недели, если часы, телефон и экран сообщают мне дату и время в часах, секундах и миллисекундах, а также — сколько я спала и сколько энергии надо моему тощему телу, чтобы пробежать милю?

Шагаю через лабиринт в заднюю комнату, пробуя по пути разные стулья. Вращаюсь в одном, откидываюсь назад на другом. Прохожу мимо своего стола к кофе-машине. Если в холодильнике есть еда, сделаю кофе с максимально возможным количеством кофеина. Открываю холодильник — на меня глядят ряды неоново-синих напитков и порционные упаковки с салатом.

«Ты уверена, что делаешь достаточно?» — спра-

шивают они.

Жму на кнопку, пока не доходит до уровня 5х кофеина. Кофе, брызгая, стекает в кружку. Статическое напряжение трещит во мне, потому что время на исходе, но у меня есть потенциал! Я могу стать великой!

В квартале от офиса я отхлебываю кофе и чихаю. Он все еще очень горячий — о боже, кружка! Я унесла кружку с индикатором настроения! Комнатная кружка на улице. Офисная кружка в дикой природе! Какой опыт!

От этой мысли я хохочу и расплескиваю кофе на тротуар, который отталкивает жидкость — это новая стратегия для поддержания чистоты улиц, — так что капли кофе грустно катятся прочь, когда-нибудь они все же найдут кусочек сырой земли, по природе своей способный принять одинокий пролитый кофе. Истомившийся от странствий, уставший, потерянный, ищущий, куда бы приткнуться. Понимаю тебя, крошечка кофе! Удачи тебе, малыш!

Делаю селфи с кружкой в этой дикой природе, в диких бетонных джунглях Нью-Йорка, и кружка меняет цвет с кислотно-оранжевого на серый и обратно. Отправляю это все в чат Крошек, и они тут же пишут: как смешно, а что ты делаешь, а

где ты и все ли с тобой в порядке?

* * *

Я слонялась по магазинам, меня выгнали из лобби с высокими сводчатыми потолками, а также из зоопарка, где животных проецируют в клетки, и после того, как в одном месте я поорала под хард-рок, а в другом послушала джаз, я опять вижу звонок от Джанет. Но пока не могу говорить. Нужно продолжать. Нужно добывать впечатления. Нужно, чтобы все получилось, нам всем это нужно. Я хочу доказать ей, что могу.

Сбрасываю цветочный горшок с подоконника просто потому, что на тротуаре были две трещины, и сразу сама расстраиваюсь, кладу бедные цветочки в рюкзак, обещая посадить их снова где-нибудь в новом, лучшем месте.

Мужчина лет сорока — волосы завязаны в хвост — спрашивает у меня дорогу, и я отвечаю, что не знаю, где нахожусь, и разве не чудесно заблудиться, ведь дело же не в пункте назначения.

«Осторожнее с тем, что впускаешь в свой разум», — говорил Маша. Но я впустила туда все, и теперь там ничего нет.

крис [11:28]

ли, все ок?
твой трекер говорит, что ты сегодня побывала в шести разных районах
а еще даже не полдень
ли [11:38]
я норм
все норм
я просто живу!

Отправляю сообщение с часов, наговаривая текст. Правда, женщина впереди меня подскакивает, и до меня доходит, что я, видимо, не говорю. Видимо, я кричу.

Когда добираюсь до квартиры Зури в Верхнем Вест-Сайде на винную вечеринку Крошек, оказывается, что я прошла уже 30 433 шага.

Скидываю непарную обувь, о которой позабыла, оставляю у двери и как-то сразу оказываюсь на полу, жую маленькие кусочки сыра, и разговор течет вокруг меня.

Время на исходе. Съедаю кубик какого-то белого, жесткого французского сыра, и он мне не нравится, но рефлекторно хватаю еще один и запихиваю в рот. Не знаю, о чем все говорят. Я просто продолжаю есть и пить, жевать и чавкать, меня все еще штырит от кофеина, а потом

слышу имя Вероники и всплываю в комнату из глубин тела.

— Не хочу показаться грубой, но она такая кокетка.

— Да, и вечно носит блузки с глубоким вырезом, а ей даже не идет.

— И она думает, что все знает, постоянно советы мне дает.

— Точно! И прям хочется сказать, типа, ты с собой разберись сначала.

— Ага, а ты слышала, что ее никак не повысят?

— Ага, и она все не может найти себе парня.

— Потому что она спит со всеми на первом свидании.

— Я не говорю, что она шлюха, но мне бы точно было неловко так себя вести. По-моему, это… типа…

Выплевываю оливковую косточку, которая была у меня за щекой. Очевидно, я перешла от сыра к оливкам и сама не заметила. Допиваю остатки вина в три больших глотка и наливаю еще один бокал до краев, пока он не начинает верещать: «Ты будешь буха-а-ая! Веселись, но не дерись!»

— Упс. — Я пожимаю плечами, чтобы они продолжали, но поздно: они уже про меня вспомнили.

— Ли, с ней, наверное, ужасно жить вместе, — говорит кто-то, и я замираю.

— Да, Ли, тебя же Вероника тоже бесит?

Кто-то звонит в дверь и потом сразу трижды громко стучит. Я сижу ближе всех к двери, поэтому встаю, стряхиваю со штанов крошки от крекеров и впускаю Веронику — она вбегает, несет еще вина и упаковку диетических брауни, извиняется за опоздание (что-то случилось на работе).

Кто-то из Крошек встает и с ней обнимается. Другие с дивана делают комплименты ее наряду. Она распаковывает припасы, ставит на стол в центре круга. Взбивает волосы, когда все готово.

Вероника — она всегда старается изо всех сил, а в этом мире такое, похоже, наказуемо. Я невольно опять загадываю. Если она посмотрит на меня и улыбнется, я ей скажу. Если она улыбнется, я отвечу на вопрос, который мне задали перед тем, как она постучала. Она смотрит на меня, и вот оно: широченная улыбка. Которая означает, как она счастлива здесь быть.

— Ли, ты как? Выглядишь не очень.

— Я… я…

— Не в смысле плохо. Просто, знаешь, ты какая-то бледная.

— Вероника.

Я борюсь с собой, понимая, что лучше бы мне заткнуться, но уже слишком поздно. Придется сказать. Она протягивает руку и щупает мой лоб тыльной стороной ладони.

— Хотя ты всегда бледноватая. Но это другое. В смысле, ты как будто приболела. Ты все равно красивая, конечно. Просто приболела. Может, нам нужно тебя…

— Господи, Вероника, помолчи хоть раз. Я пытаюсь тебе что-то сказать.

Остальные, которые разрезали шоколадный прямоугольник на кусочки, замолкают.

— Они спросили, не бесишь ли ты меня. — Я сглатываю. — Так вот, по правде. Да. Бесишь. Потому что, ну, ты бесишь.

Рука Вероники падает с моего лба.

— Ты такая… Тебя много. Ты громкая, и командуешь, и все время лезешь в мои дела.

Слова катятся, я не могу остановиться.

— Ты самая бесячая соседка во всем мире.

Я смотрю в светло-карие глаза Вероники. Они леденеют, ресницы моргают все чаще. Я говорю быстро, чтобы успеть. Кажется, у меня распахнуты ребра и я наконец могу сказать что угодно, не рассуждая, не фильтруя, не сортируя и не сравни-

вая свои слова со всем, что изучала.

— Но знаешь что? Я единственная, кто скажет тебе в лицо, что я о тебе думаю.

Она хватает сумочку и что-то ищет внутри.

— Стой, это еще не все.

Я хватаю Веронику за запястье, но она скидывает мою руку. С галерки пожирателей брауни доносятся охи и ахи.

— Вероника, послушай меня. Я тебе это говорю, потому что ты моя подруга. Лучшая подруга из всех, что у меня были. И лучше я буду каждый день беситься, чем жить без тебя.

Она бросает притворно копаться в сумочке и смотрит на меня: серьезно ли я говорю. Сама удивляюсь, но серьезно.

— Мне нужно подышать. — Я бегу мимо нее, выскакиваю из квартиры, вниз по лестнице и впервые за день по-настоящему вдыхаю.

* * *

Поскорее ухожу подальше от дома, чтобы Вероника меня не догнала. Ухожу от своих слов, потому что в них есть проблеск правды, который может разрушить все, над чем я так тяжко трудилась. Мчусь в ночи безо всякой цели, потому что не хочу думать о том, какая нелогичная вещь

дружба. Как можно заботиться о том, кто бесит тебя каждый божий день. Как человек может вплестись в твою жизнь и без него все кажется пустым. Не хочу об этом думать. Потому что, если Вики заработает — если мы поможем ей разобраться в неизмеримых аспектах всего, что делает человека человеком, а двух людей друзьями, — то Вики сможет заменить таких, как Вероника.

«Карты» ведут меня домой, и я не противлюсь, но чувствую, что мне нужно куда-то еще. Нужно выкинуть эти мысли из головы. Я столько отдала этому проекту и теперь нет времени колебаться.

«Карты» велят идти налево, и я иду налево. Велят идти прямо, и я иду прямо, пока не выхожу к пешеходному переходу с ярко-оранжевой рукой — она мигает и велит мне остановиться. Пока я там стою, мне пишет Вероника. И Дж. пишет на почту, приглашает встретиться «там же, тогда же». И приходит уведомление о том, что я обезвожена и что у меня низкий уровень витаминов. Новостные оповещения всплывают пачками и копятся на экране. «Менструация» сообщает, что сейчас идеальный момент, чтобы забеременеть. «Музыка» уведомляет о новых песнях, помогающих снять стресс, — у меня нет стресса! Я кричу

на часы. Пуш за пушем звенят, пищат и блямкают, и хотя они все не здесь, а где-то в эфире, я их чувствую. Чувствую, как они тянут меня вниз.

Перехожу улицу на зеленый и прислоняюсь к кирпичной стене, и за нее цепляется край моей футболки. Опять звонит Джанет, и я смотрю, как ее имя мигает, мигает, мигает, а потом исчезает. Я все еще не готова. Мне нужно больше времени. Мысли роятся от кофеина, от вина, от толпы вопросов. Нужно разобраться, что делать, как быть, но единственный человек, с которым я сейчас хочу поговорить, не выходит на связь. Крис.

Он меня бросил? Я сказала ему, что все норм, но может, не стоило так резко. Было слышно, что я кричала? Я открываю наш чат и впервые осознаю, как мало знаю про Криса. Не знаю, откуда он, где был раньше и почему работает здесь теперь. Что он делает по ночам? Что его тревожит? У него есть братья или сестры? Он женат? Он любит молоко? Я знаю мелкие подробности, но не важные вещи, определяющие человека. Не знаю, сколько людей у него в команде и правда ли он живет в Нью-Йорке.

И существует ли он вообще.

Меня пронизывает холод. Тору и Джанет говорили, что встречались с ним, но он ни разу не

приходил в офис. Он трижды отменил обед. Его профайл пустой. Если можно создать ИИ, чтобы он притворялся другом, почему нельзя создать их несколько? Разворачиваюсь и упираюсь лбом в холодный глиняный кирпич.

Как я могла так сблизиться с ним, если он всего лишь сконструированный друг? А как бы себя чувствовали люди, если бы узнали, что Вики ненастоящая? Преданными. Разочарованными. Разъяренными. Слова Джанет, сказанные на первой встрече, раздаются в моей голове: «Но опять же, что сегодня реальное, а что подделка? Вот такие вопросы вам придется задавать».

Но Крис такой странный. Такой естественно, по природе странный. Он должен быть настоящим. Может, он просто стесняется. Стрессовый проект, трудные времена.

Смотрю на часы, и меня посещает идея. Если он подслушивает, если он правильно считывает мою информацию, как это делал бы ИИ, если он запрограммирован быть другом, как Вики, он ответит, когда я буду в нем нуждаться.

И поэтому каждой клеточкой тела я думаю про Криса. Я даже говорю вслух: «Крис, ты мне нужен». Если в следующую минуту он мне напишет, я пойму, что он запрограммирован отвечать на

мои данные. Пойму, что он не настоящий.

23:58

Прислоняюсь спиной к пыльной стене и оглядываю пустую улицу. Ночь прохладная, но терпимо. Даже больше, чем терпимо, — приятно. Всегда удивлялась, отчего столько историков пишут про Нью-Йорк, что он волшебный, но когда кто-то двадцатилетний вываливается из здания и блюет в цветочный горшок, мне кажется, что я наконец-то понимаю, почему люди чувствуют своего рода привязанность к этому городу. Городу, где у каждого квартала свой сердечный ритм. Где в любой момент кто-то может вывалиться из двери и запеть, или закричать, или засмеяться, или начать блевать.

Блям.

крис [23:59]
как прошел вечер питья?
или, если позволишь, вечер нытья, лол
кстати, есть новости… тебе будет интересно

Часы вибрируют. Светятся от сообщений. И что-то тяжкое, вроде отчаяния, оседает у меня под ребрами.

Нет. Нет-нет-нет. Не может быть. Как я не заметила?

Должна была понять. Слишком хорошо, слишком легко. Он, или оно, или как угодно, был слишком добр ко мне. Снова и снова читаю сообщение, и с каждым разом ощущаю себя чуть глупее, чуть грустнее.

«Но это же хорошие новости, правда?» — убеждаю я себя. Если Крис хоть как-то отражает уровень Вики, я должна быть в восторге. Значит, данные, судя по всему, пригодились, потому что я верила нашим разговорам. Верила в него. Это хорошо, убеждаю я себя, хотя и думала, что чувства будут другие.

— Это хорошо, — повторяю я вслух, но тело говорит иначе.

На экране вспыхивает звонок. Опять Джанет. Ее имя насмехается надо мной, и звенит, звенит, звенит, а потом исчезает среди уведомлений. Она насмехается надо мной в текстовом сообщении: «Пожалуйста, перезвони, нам нужно поговорить срочно». Ее сообщение затерялось среди других, а «Карты» пикают и пикают на меня, требуя идти дальше. На экране столько всего. Когда экран заполняется, смотрю на свои ноги на тротуаре и спрашиваю себя, уже не в первый раз, как я тут оказалась. *Я здесь был.* Я думаю о словах, написанных по всему городу. Возможно, я поняла.

Наверное, авторы просто хотели, чтобы кто-то, кто угодно, знал, что они существуют.

Я не так уж от них и отличаюсь. Моя карьера должна была дать мне цель в мире, где, как я вижу, другие двигаются бесцельно. Моя работа должна иметь какой-то смысл. Но, стоя тут, в незнакомом районе, в одном кроссовке и в одной сандалии, я спрашиваю себя, зачем это все. Может, я буду впахивать вечно и все равно останусь в дураках.

«Карты» пищат, требуя, чтобы я двигалась. Смотрю на часы и чувствую внезапный безрассудный порыв. Всплеск ярости. Они хотят впечатлений? Будут им впечатления. Хотят, чтобы Вики заглянула в мозг человека? Я ей покажу. Я буду работать всю ночь, работать, пока не придет время идти на встречу. Пока Джанет не пожмет мне руку и не скажет, что я хорошо поработала. Да что там, отлично поработала. Она скажет, что я правильно поступила, что осталась. И что мир станет лучше благодаря тому, что я сделала, распахивая свой разум, предоставляя его для вскрытия.

Зажмуриваюсь и думаю. Нужно заставить себя что-то сделать, хоть что-нибудь. Если увижу облако, буду бежать, пока не наткнусь на пиц-

церию. Не буду останавливаться. Нигде не буду ждать. Засеку время и посмотрю, как быстро могу бежать. Не буду слушать «Карты». Не позволю им командовать, что мне делать, куда идти. Не позволю вести меня в пиццерию, которую все похвалили, потому что именно туда их тоже привели «Карты».

Нет, на сей раз я просто выпущу себя на свободу, быстро, плавно. Буду бежать, пока не почувствую запах соуса, пока не увижу расплавленный сыр, сияющий в окне. Съем кусок, может быть три, а потом займусь чем-то другим. Сыграю в другую игру. Буду пробовать разное всю ночь напролет. Буду делать больше, больше, больше, все время еще больше.

Разжимаю веки, запрокидываю голову и вижу в небе тусклый ком облаков рядом с тонким серпом луны. Открываю «Карты», вырубаю этот долбаный звук, включаю таймер и бегу. Воздух в лицо, асфальт под ногами. Я лечу мимо магазинов и домов к пешеходному переходу, где рука мигает оранжевым, но я не могу ждать, мне надо добраться до пиццерии, любой пиццерии, как можно быстрее, поэтому я бегу, скольжу, мчусь через ночь, высматривая аппетитные кругляши в витринах.

крис [00:03]
ли
ты как?
мне кажется, тебе лучше пойти домой.

Домой? Я смеюсь. Идти домой?!

«Но что же это будут за впечатления?» — думаю я, или говорю вслух, или, может быть, снова кричу. Трудно сказать, где заканчиваются мои мысли и начинается мир. Он вокруг меня, я в нем тону. Погрязла в уведомлениях, и они продолжают множиться, застряла в этом проекте, закопалась в своих целях, поймана в бетонных декорациях. Застряла в том, что сама помогла создать. Со мной разговаривают мои собственные данные.

Вот так все и будет, да? Если Вики заработает, окажутся ли те, кто говорит с ней, полагается на нее, привязывается к ней, пойманы в мире, где их собственные данные, решения, идеи будут скармливаться им обратно? Что сегодня реальное, а что подделка?

Я бегу и бегу, вдыхая воздух, глядя в небо. Женщина врезается мне плечом в грудь, я оглядываюсь и вижу, что она показывает мне средний палец. Какой опыт! Разозлить человека. Почти сбить с ног.

Бегу на север, вперед, в аптаун, останавлива-

ясь, чтобы пройтись колесом посреди улицы, и жесткий асфальт царапает ладони. Машу рукой в воздухе, кручу еще одно колесо, и еще. Я скачу и подпрыгиваю, иду широкими прыжками и мелкими шажочками, прыгаю, как в классиках, по венозным узорам асфальтовых трещин.

Ты записываешь, Вики? — кричу я.

Или лучше сказать — Крис?

Быстрее, быстрее, быстрее. Улицы надвигаются на меня, и я опять смотрю вверх. Смотрю на звезды. Они здесь тусклые, но иногда все же видны. Говорят, если увидишь падающую звезду, можно загадать желание. Я бы хотела, чтобы кто-нибудь был здесь со мной прямо сейчас. Здесь: один значимый миг в вообще-то бессмысленной бездне. Есть ли смысл быть здесь, если я здесь одна?

крис [00:11]
я с тобой
честное слово
честное-пречестное, скрепить поцелуем
просто иди домой

Читаю и узнаю слова Вероники. И не могу это переварить. Не могу вынести. Читаю и несусь со всех ног; мчусь по улицам, скольжу взглядом по навесам и витринам, и гудки и сигналы доносят-

ся как будто издалека. Я бегу и бегу, но не могу убежать от жгучего, бездонного разочарования. Твердые улицы плывут перед глазами и теряют форму. Мотоциклист проносится мимо и что-то кричит, но я не слышу. Огни в домах, нависающих надо мной, расплываются во что-то прекрасное.

Опять оранжевая рука, но я не обязана ее слушаться. Не сегодня. Ведь время на исходе. Бегу через улицу, оглядываюсь и в повороте вижу гудок. Слышу огни. А потом ничего, только сердце стучит в запястье и в щеку затекает холодный асфальт.

Глава 35

Комната белая, но на стенах нет трещин. И нет мазков от кисти. Пытаюсь повернуть голову, чтобы найти над окном дельту реки и смотреть на нее, пока Вероника собирается на работу, но жар опаляет шею.

Моргаю, и путаная негромкая симфония из шепотов, блямкания и бипов проясняется.

Моргаю и поднимаю руку, чтобы посмотреть на часы, проверить, что они фиксируют. Но часов нет. Вместо них слои марли и прозрачные трубки, исчезающие под бинтами.

Входит маленький, круглый медбрат, и мы встречаемся взглядами. Он улыбается, как будто мы знакомы, как будто он правда рад меня видеть. Как будто мы договаривались вместе печь пироги. Ищу телефон, чтобы написать Крису про улыбающегося незнакомца и часы, что мне нужны новые и что мы так близки к цели, но не могу повернуть голову.

— С возвращением, милая. Как ты себя чувствуешь?

И тогда я вспоминаю расплывающиеся здания. Ужас. Огни, автомобильный гудок.

— Тут кое-кто хочет тебя повидать, впустить их?

Он уходит, не дожидаясь ответа, и через несколько минут я слышу в коридоре клацающие шаги. Дверь распахивается и врезается в стену.

— Ли! — врывается Вероника, тушь под левым глазом смазана. — Мы думали… Мы думали, ты…

Она замолкает на полуслове и рыдает. Вытягивает откуда-то стул и садится рядом со мной, ставит локти на кровать и склоняется ближе.

— Волосы, — хриплю я.

— Что? — Она растерянно поднимает голову и вытирает слезы двумя руками.

— Они опали. Совсем не пышные.

Она смотрит на меня, и я улыбаюсь, чувствуя, как пластырь натягивает кожу на щеке.

— Господи, Ли, — смеется она. В смехе больше облегчения, чем радости. — Ты меня до смерти напугала.

Тихий стук в дверь. Так стучал бы Дж. — уверенно, но сдержанно. Я бы хотела не волновать его, но хочу, чтобы он волновался. Я рада, что он волнуется. Рада, что он здесь.

— Ошиблись палатой, — говорит Вероника.

Кто-то заходит. Краем глаза я вижу только тень человека. Для Дж. он слишком маленький. Худая

фигура скрыта в просторной синей фланелевой рубашке, под ней белая футболка с V-образным вырезом. Вошедший замирает, неловко топчется, смотрит на свои руки, потом на меня. Хочу, чтобы он перестал пялиться.

— Ты почувствовала каждый атом вселенной? — Он грустно улыбается. — Увидела жизненный путь каждой песчинки? Или ты была для этого недостаточно мертвая?

Сердце замирает. Вероника подскакивает на стуле.

— Это что за вопросы? Слушайте, я думаю, вы ошиблись палатой. — И она пытается выгнать странного человека прочь.

— Стой, — хриплю я.

Губы потрескались, язык как наждак. Мы таращимся друг на друга, и я знаю, что это не может быть правдой. Скорее всего, я галлюцинирую, мечтаю, выдумываю.

— Ли, прости меня, — говорит он, отводя глаза и вытирая руки о фланелевую рубашку.

У него круглое лицо, маленький нос и коричневая щетина на подбородке. Я не верю своим глазам.

— Моя команда пристально мониторила, но мы не понимали, когда вмешаться. Мы…

— Крис? — шепчу я.

Он смотрит на меня и опять грустно усмехается. Он присылал мне поэтичные дурашливые сообщения про то, как он был мертв и вездесущ, и это было как будто вчера.

— Я думала… Думала, ты… Подделка.

— В смысле? — говорит он.

Хочу сесть, но тело привязано к кровати, и левый бок обжигает болью. Вероника видит, что мне больно, и накидывается на Криса:

— Да вашу мать, что происходит? Слушайте. Мне плевать, кто вы такой, но видите, Ли сейчас не в форме, ей не до посетителей. Приходите на следующей неделе.

«Не понимаю», — хочется закричать мне. Крис топчется на месте, знакомый незнакомец. Как он стоит, пружиня на пальцах. Как он волнуется и все время вытирает руки о рубашку. «Он настоящий», — думаю я. Он настоящий, и он здесь. Пришел ко мне. Убедиться, что я жива.

— Вероника, — говорю я, в горле сухо; она оборачивается и кидается ко мне. — Воды?

Она кивает, шепотом угрожает Крису и уходит искать медбрата, а может, отламывать питьевой фонтанчик от стены. Что уж окажется быстрее. Крис смотрит ей в спину и колеблется, не пойти

ли следом.

Не могу оторвать от него глаз. Какие длинные и худые у него руки. Как он качается с пятки на носок. В нем есть энергия, которую я помню по нашим чатам. Некое коварство. Как будто он слишком умен, и это ему не на пользу. Даже когда он так близко, я не верю. И не знаю, что спросить, что сказать сначала.

— Но ты же никогда не приходил в офис. И на обед. И твой профайл в программе данных пустой.

Вслух я сомневаюсь, но в груди уже разливается тепло. Наши диалоги, наши шутки — все они возникали из случайной встречи двух разумов, опирающихся друг на друга. Все это было настоящее.

— Джанет и Тору боялись, что я расскажу слишком много, если мы встретимся. Наверное, так бы и вышло… — Он смотрит на меня, а потом смеется и качает головой, когда до него доходит моя последняя фраза. — Погоди, ты нашла профайлы? Надо было сообразить, что найдешь. Ли, моя команда настраивала программу данных. Надо было добавить профайлы всех, кто их собирал, но я просто администратор, поэтому мой профайл там не нужен.

Не терпится спросить все и сразу. Он хотел встретиться со мной, хотя ему не велели? Ему нравится беседовать со мной так же сильно, как мне нравится беседовать с ним? Мы друзья? Он понимает, что я хотела рассказывать ему про каждое новое впечатление? Читал ли он мои данные или так совпало, что он как будто хорошо меня знает? Но пока мы смотрим друг на друга и мысли роятся в голове, я вспоминаю, как мы вообще познакомились. Проект, доклад об одиночестве, Вики.

— Крис, — шепчу я. — Все получится?

— Мы сможем поговорить потом. — Он подходит ближе и присаживается на край стула. — Я просто хотел заглянуть и убедиться, что ты цела.

Вблизи я вижу, что у него в глазах линзы, тонкий слой поверх голубой радужки. Помню, он говорил, что его не любили в школе. Как он ходит на концерты. Как он корчит рожи перед экраном, когда работает. Он такой щуплый. Жилистый. Кожа да кости, над ним бы смеялись на танцполе.

— Просто скажи, — хриплю я.

Мы смотрим друг на друга. Аппарат пикает.

Крис вздыхает и ерзает. Смотрит на меня, и я вижу, что он принимает решение. Оглядывается на дверь, как будто ждет проблем.

— Не сработает, — наконец говорит он, почесывая предплечье. И почему-то не может посмотреть мне в глаза.

Жар поднимается по щекам, и комната вращается. Последняя капля сил, за которую я держалась, утекает из тела, пока ничего, кроме тела, не остается. Руки и ноги, комплект конечностей. Тяжелые, изможденные, свободные.

Проект провалился. Я провалилась. Они же говорили, что все получится. Говорили, что уже вот-вот, но вот-вот никогда не достаточно. Смотрю в потолок, слезы текут из глаз. Слезы стыда и чего-то еще, непонятного. И это, начинаю догадываться я, крошечная, ничтожная доля облегчения.

— Ты как? — спрашивает Крис. Кладет ладонь на кровать и сразу убирает, прячет руки куда-то под себя.

— Нормально. Но, Крис, почему я? Надо было дать часы кому-то другому… — Я кашляю, отчего по каплям собирается боль в ноге.

Крис вздыхает и долго глядит на меня.

— То, как Вики реагировала на твои данные… С ума сойти вообще, — начинает он неуверенно. — Сначала я не понимал. Никогда ничего подобного не видел. Но теперь все понятно. — Он набирает в

грудь воздуха, всматривается в меня и продолжает: — Правительство предоставило компаниям доступ к Системе Распределения, чтобы они набирали в команды людей с определенными навыками. Тору и Джанет велели нам перенастроить Систему так, чтобы она искала людей, соответствующих очень специфическим критериям, включая один фильтр, которого раньше не существовало. Я уверен, ты догадаешься какой.

У меня болит голова, и я не понимаю, о чем он говорит. Система Распределения просто отправляет людей туда, где они должны быть, на основе сложного алгоритма сортировки. Компании не имеют права вскрывать его и менять. Такое бывало раньше?

— Мы запрограммировали ее отбирать людей с опытом одиночества, чтобы они сопереживали проекту, чтобы они были полностью вовлечены, даже если не знали почему.

Вспоминаю, что́ видела в профайлах. Развод. Рухнула спортивная карьера. Погибли родители. Совпадает. У всех консультантов был опыт, который теоретически мог создать чувство отчуждения, привести к одиночеству.

Думаю о Финансисте и Пронзительной Хохотушке — о Робе и Тане. О том, как они вместе

смеялись на кухне. Джанет говорила нам, что любовь не всегда помогает от одиночества, но некоторым помогает. Они были влюблены? Они до сих пор влюблены? Может быть, они ушли, когда увидели доклад, потому что забыли, каково быть одинокими. Больше не могли соотноситься с этим. Может быть, как сказано в материалах, одиночество их отталкивало и они стремились, пусть неосознанно, любой ценой избегать общения с одинокими людьми.

Но при чем тут я?

— Другие консультанты подходили по всем параметрам, включая этот, а вот ты не подходила. Ты набрала высший балл во всех других категориях, но не показала никаких признаков одиночества. Я думаю, Тору и Джанет предположили, что с таким бэкграундом ты будешь заинтересована в успехе проекта независимо от обстоятельств… Но они не поняли (и я не понимал), как это повлияет на ИИ. Я должен был догадаться раньше. Но мы делали Вики как лекарство от одиночества, — продолжает Крис; он уже размахивает руками и говорит все быстрее. — А она стремилась лучше понять одиночество. С другими консультантами было легче найти источник, поэтому она быстро разобралась и пошла дальше. Но с тобой… с тобой

было непонятно.

— Что? — потрясенно спрашиваю я.

Комната слишком белая; слова вылетают слишком быстро. Все это, от начала до конца, напрочь лишено смысла.

— Ну просто… — Крис запинается. — Я хотел рассказать тебе позже, но… Ли, мы поняли, ну, что ты одинока. Просто Система Распределения не смогла отследить твой случай. Она фиксировала более очевидные эпизоды, случаи, где легко найти первопричину. Но дискуссия, из-за которой одиночество стерли, как раз и возникла из-за того, что оно у всех проявляется по-разному. Его трудно заметить. Так что Вики не понимала, почему ты одинока, — она просто знала, что это так, и продолжала копать…

Крис внезапно замолкает. Мне трудно все это понять. Я не могу быть одинокой. У меня нет для этого причин. Кроме того, я же прочитала об этом все. Разве я не поняла бы?

Но, может, поэтому, когда я разговариваю с людьми, мне кажется, что я под водой, а они на поверхности?

В коридоре эхом отдаются шаги. Крис кладет руки на кровать и наклоняется ближе, понижает голос. У меня ноет челюсть.

— Эй, — говорит он тихонько.

Слезы текут у меня по щеке. Пытаюсь запомнить его голос, его тон. Впитать до нутра.

— Прости. Джанет и Тору правы, я всегда слишком много болтаю. Мы потом все обсудим. Все будет хорошо. Честное слово.

В палату вбегает Вероника, в руках у нее огромный пластиковый стакан с фиолетовым логотипом больницы. Крис вскакивает со стула и отступает, а она наклоняется, подносит мне стакан, пригибает соломинку, чтобы я могла пить.

Хочу сказать Крису, чтобы он не уходил, спросить, почему наняли его, — может, он тоже одинок? — но трубочка прилипает к губам. Глядя, как я с ней борюсь, Вероника снова разражается рыданиями, и Крис отступает к двери. Не знаю, когда увижу его снова, — может, это единственный раз, когда он присутствует в моей жизни физически. Я так сильно хочу, чтобы он остался, но теперь он не видит мои данные и узнать ему неоткуда. Он видит только тело, сломанное и хрупкое, и идет к двери, и ускользает из виду.

Глава 36

В блестящем, чистом кафетерии больницы Джанет и Тору пьют горячий кофе из дымящихся чашек. Джанет вращает ступней, изо всех сил стараясь не замечать, как Тору, сидя напротив, яростно печатает в телефоне. Она избегала его взгляда, параноидально опасаясь, что он ее прочитает. Что в единый миг увидит стресс, вину и все поймет. Крис врывается в кафетерий, и мчится к ним, и кричит еще от дверей:

— Она в сознании! Врачи сказали, что придется потом сделать еще одну операцию, попозже, но с ней все будет в порядке. Завтра они пустят больше народу.

Он подходит к их столу, игнорируя всех остальных в кафе, и Джанет удивляется, почему не обратилась к нему, чтобы узнать побольше о Ли, о часах. Она помнит, как нанимала его, помнит, как он предлагал идеи и проводил совещания. Но он был под началом Тору и руководил одной из его команд.

Джанет смотрит, как грудь у Криса ходит ходуном. Он бежал всю дорогу от палаты Ли? От этого зрелища в ней что-то ноет, и она опускает глаза,

разглаживает брюки. Нужно собраться. Ли жива. Просто ее так исковеркало прошлой ночью. Такая обмякшая, окровавленная, юная.

— …Нужно позвонить Правительству, узнать, дадут ли нам сдвинуть дедлайн с учетом обстоятельств, — быстро говорит Тору, отпивая большой глоток кофе.

Джанет моргает раз, другой, пытаясь сосредоточиться, но его голос звучит издалека.

— …А мы пока сделаем новые часы. Ли сможет их носить, пока восстанавливается. И я думаю, можно выдать их еще нескольким людям, чтобы у нас было больше персональных данных в стриме, если Вики заинтересуется. В любом случае, графики невероятные. Вики почти готова, верно, Крис?

— Да, пожалуй, верно, — опасливо говорит Крис.

И смотрит на Джанет. Она видит, что он волнуется. О проекте? О часах? О девушке?

— Только я думаю, что Ли нужно немного отдохнуть. Не будем торопиться.

— Что? — Тору недоверчиво усмехается и смотрит на Джанет в ожидании поддержки.

Джанет разглядывает свои руки. Она никогда не думала, что наступит переломный момент. Но

теперь отчетливо видны трещины. Они с Тору слишком разные. Раньше она хотела того же, что и он: восторга соревнования, трепета внезапной победы. Но люди меняются. Теперь она хочет чего-то другого, даже если пока не знает, чего именно.

— Тору, ты видел ее данные за последние несколько недель? — вступает Крис, и Джанет благодарна ему за отвлекающий маневр: сама она не может нормально соображать. Не может сейчас смотреть на Тору или выступить против него, с такими чудесными идеями, но такого упрямого.

— Данные были великолепные, — говорит Тору, допивая кофе одним большим глотком. — Если добавить все остальные, Вики заработает.

— Ли уходила в штопор, — говорит Крис. Джанет удивляется, что кто-то озвучивает ее тревоги. И поражена — никто никогда не смел вот так возражать Тору. — Ей сносило крышу. Это было ненормально. И это мы — мы ее к этому подтолкнули.

— Она делала то, что должна была, — говорит Тору.

— Давайте посмотрим, как она будет завтра, и тогда обсудим, — вступает Джанет, вытащив себя

с мутного дна сознания: пора прекратить это все хотя бы на время.

— Ладно. — Тору хватает свои вещи и уносится прочь.

Джанет вздыхает, встает, берет пиджак и шагает следом.

— Пойду подышу, — говорит она Крису. — Спасибо за помощь.

— Э-э, Джанет, — говорит Крис, нервно вращая чашку, оставленную Тору, — Есть минутка поговорить?

— Конечно, — отвечает она и снова садится, слегка встревожившись.

Она устала. Ее чувства все еще на пределе после этого кошмара.

— Слушай, я знаю, что случилось, — говорит Крис, наконец поднимая взгляд.

Его голубые глаза смотрят прямо на нее, и сердце Джанет срывается с места. В горле ком, но она пытается сохранить невозмутимость, даже когда картины возвращаются в ослепительных вспышках.

Телефон звонит и звонит. Машина скользит по тусклым улицам, по гладкому асфальту. «Карты» громко направляют ее, ведут к часам, к девушке. Непрерывный писк: она приближается. Фары

пробивают путь в темноте. А потом внезапный цвет. Глухой удар. Жестокая, тяжкая бренность тела, влетающего в металл.

— Я… тебя не понимаю, — говорит она.

Лицо Криса слишком близко. Ей слишком жарко. Ей нужен воздух.

— Моя команда внимательно наблюдает за Ли. И, ну, я знаю, что прошлой ночью это была ты. Я просто не понимаю. Ты это специально?

Джанет качает головой: нет-нет-нет. Но не может говорить. Смотрит в пустоту, в бесцветный фильтрованный воздух.

— Зачем ты вообще туда поехала? — спрашивает Крис.

Он говорит спокойно, ласково, и Джанет понимает, что вот-вот посыплется. В этот миг она чувствует каждый проект, который брала на себя. Все принятые решения. Все последствия, хорошие и плохие. Чувствует, что жизнь может начаться в любой момент, хотя жизнь уже началась.

— Я звонила Ли весь день. — Джанет наконец слышит свой голос, но видит по-прежнему только размытые тени и свет. — Я… Я надеялась с ней поговорить. Она не отвечала, и я поехала ее искать. Я не знала, что она вот так выскочит из темноты. Машина должна была затормозить.

Должна была, там программа!

— Зачем ты ее искала? — спрашивает Крис мягко, как будто Джанет хрупкая.

Она хрупкая? Никто никогда не считал ее хрупкой.

— Ты сам сказал, — бормочет она. — Ты сам видел на тестах. Часы работают. Вики в одном микроне от запуска, и что потом? Мир, где люди соединяются с технологией, а не с другими людьми? У нас такого полно. Я лучше выберу мир с одинокими людьми, чем с бесчувственными.

По полу скрежещут ножки стула. Поодаль рассаживается семья, все громко разговаривают. Крис поступает неожиданно. Он кивает. Кивает, соглашаясь.

— Понимаю, — говорит он.

И внезапно к Джанет возвращается резкость зрения. Она смотрит на Криса и видит, что он не в ярости и не возмущен. Не нападает и не противостоит ей. Он понимает, почему она поехала искать Ли. Так что Джанет говорит. Наконец говорит правду:

— Я поехала ее искать, чтобы остановить. Хотела, чтобы она сняла часы.

Глава 37

Приносят цветы от Крошек, от Тору и Джанет, от Дж. Приветливый медбрат спрашивает, уменьшить или усилить запахи. Приходит Андреа, сияя зелеными глазами. Она держит меня за руку, и я ей позволяю, нам обеим неловко и странно, но ни одна из нас не хочет отпускать.

Приходит долговязый Тревор и тихо стоит рядом с Алией в очках с проволочной оправой на кончике носа. Крис и Вероника приходят каждый день. Они шутят, что устроят мне побег из тюрьмы. Они друг к другу потеплели, или, по крайней мере, мне так кажется.

Меня сильно потрепало, особенно там, где разбились часы. Нога ободрана, плечо вывихнуто, бедро треснуло, и я потеряла сознание, но в остальном все нормально. Или, по крайней мере, так объясняет добрый медбрат. Все нормально, милая, говорит он. Мы о тебе позаботимся. И я улыбаюсь.

Ночью, когда я не могу уснуть и тихая симфония гудящих и бормочущих машин убаюкивает меня до состояния просветления, я думаю про дом, где провела подростковые годы. Компакт-

ный, чистый, холодный. Вижу Грега и Синди, как они работают в домашних офисах и выходят, только когда прибывает дрон с едой.

Раньше я думала, что презираю их за посредственность. За то, как они поддавались жизни, просто позволяя ей случаться. Но, лежа в больнице, я понимаю, что боялась стать как они. Стесаться до болванки. Превратиться в тело, бесполезно сидящее перед экраном.

Начинаю понимать, чем меня так привлекла Программа, едва я о ней узнала. Она посулила мне цель. Пообещала другой путь. Я видела людей в униформах — как они шагают, расправив плечи, оживленно беседуют. Я тоже хотела так: идти с ними к чему-то, идти с ними прочь от ничего.

Но в тусклой больничной палате, где блуждают тени, я вспоминаю, какой на самом деле была Программа. Я проводила часы за экспериментами. Ложилась спать, просыпалась, ела одни и те же хлопья на фудкорте, писала отчеты, искала закономерности, читала, изучала, повторяла то же самое на следующий день. Парадокс бьет резко, жжет сильнее, чем раны.

Вместо того чтобы искать новые способы мыслить, существовать, я просто встала в ряд. Обернулась именно тем, от чего хотела сбежать.

Меня стерло рутиной. Задушило системами. Поглощенная работой и экранами, я тоже оказалась в изоляции. Стала бесчувственной.

* * *

Джанет приостановила соглашение, чтобы я получала сообщения из внешнего мира. К моему удивлению, несколько раз выходили на связь Синди и Грег. Пишут, что не смогут приехать в Нью-Йорк, но с кем-то поговорили, с кем-то из моих друзей, и этот друг позаботится обо мне и составит мне компанию.

Я останавливаюсь на слове «друг», перечитываю дважды и осознаю — может быть, не в первый раз, — что, пусть я и потерпела неудачу, отчасти я рада, что людям не придется полагаться на искусственного друга. Что где-нибудь, как-нибудь, но всем придется найти настоящих друзей.

И на миг меня осеняет, что, возможно, именно поэтому никто до сих пор не справился с задачей, даже Большая пятерка. Не потому, что не могут, а потому, что в какой-то момент решили, что не станут.

Приходит электронная открытка от Маши, и я боюсь ее открывать. Мне кажется, я его разочаровала. Подвела. Но, когда открываю, там только

маленькая птичка, и она говорит: «Поправляйся скорее, малыш». Ни подписи. Ни мудрых мыслей. Птичка хлопает крыльями и улетает с экрана, оставляя меня наедине с пустой страницей и совсем уже опустошающей грустью.

Грустно за себя, но в основном грустно за Машу. Он был первый, кто увидел во мне потенциал. Мне это было нужно. Мне нужен был тот, кто верил бы в меня, видел меня, воспринимал мои идеи всерьез, и я рада, что он это делал. Но написал бы он мне записку подлиннее или, может быть, позвонил, если бы я добилась успеха? Или все было бы как сейчас?

Представляю, как он стоит перед большим экраном в лаборатории, быстро печатает, погруженный в работу. Картина врезалась в память, потому что именно таким я видела его каждый день шесть лет подряд. Таким он был, когда я пришла, и таким остался, когда я ушла.

Но ведь у него никогда не было возможности пережить то, что я заставляла себя делать вне работы, за пределами лаборатории? У него не было возможности увидеть, что потенциал не скрывается в каких-то конкретных людях, — он есть в каждом человеке, в каждом месте и камушке. Может, свой я истратила. А может, на-

конец-то подключаюсь к нему, и однажды Маша это поймет.

Врываются Крис и Вероника, я закрываю открытку, и птичья головка опять выглядывает сбоку. Вероника бросает гору конфет на кровать:

— Выбирай.

Крис хватает «M&M's».

— Да не ты! Ли первая.

— Она даже не может их есть. У нее челюсть не зажила, — спорит Крис.

И когда я смотрю, как они меряются взглядами, то забываю, сколько эмоций одновременно может вместить разум, что можно чувствовать сразу и грусть, и радость. Забываю, что птичка велела мне поправляться, и отправляю письмо в архив, чтобы не думать о нем, хотя бы пока.

* * *

Каково это — быть одиноким?

Пытаюсь понять одиночество, хотя у меня больше нет часов. Стараюсь по-настоящему его почувствовать. Но на этот раз для себя.

Иногда меня затопляет горячий стыд. Временами я даже боюсь думать, кем стала. Боюсь будущего. Того, что меня недостаточно. Я мечтаю о тишине, но хочу, чтобы кто-то ее нарушил.

Хочу быть среди людей и чтобы меня оставили в покое. Я разочарована тем, куда меня завело время. Хочу, чтобы другие понимали меня, и расстраиваюсь, когда они не могут.

«Радужное», как написали о нем в одной статье из тех, что присылал Крис. Потому что одиночество меняется в зависимости от угла зрения, человека, времени, места. В темноте больницы я понимаю, что Крис прав. И доклад говорит правду. Я одинока, даже если не могу точно сказать почему. Даже если не могу объяснить.

Приходят чувства, и на этот раз я позволяю им быть. Перестаю с ними бороться. Они причиняют боль и парализуют. Прокладывают путь и пробивают дыры. Но быть может, одиночество нам необходимо. Быть может, нам нужно почувствовать себя отделенными, чтобы мы могли что-то с этим сделать, хотя бы попробовать.

Когда невыносимая, удушающая пустота охватывает меня, а я не противлюсь и переживаю то, чего не знаю, не могу контролировать или понять, за ней приходят другие ощущения, воспоминания.

Резкая боль от иглы в носу и лицо Вероники надо мной, искаженное отвращением и тенью благоговения.

Соль, мох, гниль. Тошнотворный запах поднимается к нам — ко мне и стриженому бегуну, — когда мы опираемся на перила, глядя, как тонут жевательные конфеты.

Мягкое, пухлое валяное сердечко между пальцами, когда Эрик вытащил его из кармана и отдал мне — на удачу. Пьянящее чувство, когда в тебя верят.

Запах Дж., сладковатый, как горячая карамель, его глубокий голос, и как он смотрел прямо перед собой, рассказывая мне о своем офисе на последнем этаже, с окнами. Как его руки обнимали меня, притягивая ближе, всегда ближе.

Лежа в постели и позволяя всему этому проникать в меня, я вспоминаю о Вики. Мы обе — компиляция данных и опыта. Обе обрабатываем информацию, учимся на ней и меняемся, исходя из этого.

Но потом я вспоминаю, что сказал Эрик. О вещах, которые мы не можем объяснить, неизмеримых. Как печенье с шоколадными чипсами, неравномерно распределенными, которые есть веселее, чем те, что из супермаркета, где гарантирован шоколад в каждом кусочке. Вероятность того, что вам не достанется ни крошки шоколада, делает их только слаще.

Или как слово можно повторить столько раз, что оно уже не похоже на слово. Или приглушенное разочарование от закрытия дайнера, тревога за людей, которых едва знаешь.

Как вот недавно, когда я меньше всего ожидала, по мне пробежали мурашки просто от осознания того, что я живая.

Как научить Вики тому, чего мы сами не понимаем?

Как я могла бы научить Вики всему, что проходит через меня? Тому, что дружба иррациональна, а счастье неисчислимо? Тому, что иногда самое человеческое — это вообще не знать, как быть человеком?

Мы с медбратом шутим о том, что надо бы испечь пирог. Он говорит, что у него аллергия на глютен, так что придется взять синтетическую муку. Я все равно думаю, что стоит попробовать. Он говорит, что меня выпустят через несколько дней и после процедур по выравниванию кожи не будет ни единого заметного шрама. Я спрашиваю, могут ли они оставить шрам на запястье. Там, где стеклянный экран часов разбился и врезался в руку. Медбрат и врач переглядываются, но в конце концов уступают. Можно оставить.

Я лежу на больничной койке и думаю о том, как

однажды пойду на вечеринку. На настоящую, где люди пьют слишком много и кто-то проливает пиво на ковер, а кто-то другой включает музыку так громко, что приходится кричать. На вечеринку, где люди обнимаются просто так и кто-то спорит в углу, правда ли любимый цвет сообщает что-то о личности человека. Где смех долетает в коридор и помогает другим найти дорогу.

Без всяких подсказок из телевизора, телефона или часов незнакомец заметит шрам на моем запястье, где зарубцевались гневно-красные и холодно-белые дерма, эпидермис и гиподерма. Заметит и спросит, что случилось.

Я через всю комнату переглянусь с Крисом или Вероникой, улыбнусь, повернусь к незнакомцу и заведу настоящий, человеческий разговор.

Эпилог

Брызжет кофе, шуршит в трубах вода, сквозь половицы слышна музыка. Наша новая квартира восхитительно старая. Вероника называет это стильным, или ветхим, шиком и только изредка жалуется, что в душе на полу не хватает одной плитки. Ей нравятся бытовые приборы, особенно холодильник, который каждую неделю автоматически избавляется от ее отвратительных объедков.

Мне здесь больше всего нравятся каменные статуи лисиц перед фасадом. У одной почти отвалилось ухо, у другой рассыпалась лапа. Они охраняют здание, одновременно грозные и игривые, приветствуя меня так же, как приветствовали других жильцов до меня.

Сегодня я сижу за шатким кухонным столом и корплю над заметками для новой работы. Прошло почти полгода после аварии, пять месяцев с тех пор, как Джанет и Тору представили нашу неудачу Правительству и завершили наши Распределения, освободив от Системы. Джанет и Тору написали нам рекомендации, и через

несколько недель в моей почте появились предложения от Большой пятерки. Так странно было увидеть их в почтовом ящике, как будто ничего и не случилось, как будто этот год — лишь мгновение во времени, складка в реальности.

Сквозь наше большое кухонное окно свет падает под углом, и здания по ту сторону Гудзона сияют. Солнце, забираясь на небо, поджигает город, и я думаю, какая дикая штука время. Кажется, только вчера — и вместе с тем десять лет назад — я впервые втиснулась в метро, потея в своем пальто, твердо намереваясь все здесь ненавидеть.

На кухню прицокивает Вероника и сбивает меня с мысли. Нажимает кнопку, и два ломтика хлеба падают в тостер.

— В таком виде идти нельзя, — говорит она, на миг отрывая взгляд от телефона.

Оглядываю себя, чтобы убедиться: на мне тот наряд, который мы выбрали вчера вечером, тот самый, который она помогла мне купить в выходные, специально для первого рабочего дня.

— Подожди, как? Почему? — спрашиваю я. Что я пропустила?

— Крис и Кошачий Глаз придут вечером? — Вероника берет варенье из холодильника, пропус-

кая мимо ушей мой вопрос. — Будут Крошки. Лив приведет свою новую девушку, которая, говорят, реальный укурыш.

— Да, придут, — отвечаю я, все еще в недоумении.

Иногда я гадаю, не против ли Андреа, что мое прозвище к ней прилипло. Удивительно, как хорошо они ладят с Вероникой, но у дружбы своя логика — уж этому-то я научилась.

Хлеб выскакивает из тостера и элегантно приземляется на тарелку. Вероника берет варенье, щедро намазывает на тост и сует его в рот, одновременно скролля в телефоне. Как бы не капнула вареньем себе на рубашку, которая… теперь, когда я пригляделась…

— Стой, ты что, одета, как я? — говорю я.

Она все же поднимает глаза, встречает мой взгляд и расплывается в глуповатой улыбке с ямочкой:

— Знаешь, для человека, который гордится даром наблюдения и вниманием к деталям, ты как-то долго тормозила.

Закатываю глаза. Наши друзья говорят, что надо мной легко шутить, потому что я наивная, но на самом деле я просто не во всем еще разобралась.

— Готова? — Вероника дожевывает последний кусок тоста и ставит тарелку в раковину, которая автоматически начинает ее мыть.

— Да, но давай уточним. Ты хочешь, чтобы я переоделась?

— Нет, слоупок. Я думала, будет весело прийти в одинаковой одежде в наш первый день. На удачу, понимаешь? Собирайся, мы опаздываем.

Качаю головой. Еще одна со своей логикой — Вероника. Кто знает, может, она и права. Может, это принесет нам обеим какую-никакую удачу. Мне точно пригодится.

Натягиваю ботинки, перевожу экран в режим сна и хватаю сумку. Первые дни как будто сшиты из другой ткани. Я вхожу в новую фазу своей жизни и чувствую, как неопределенность вихрится на каждом шагу, чувствую, что все изменится, но пока не знаю, как именно. *Серая зона.*

— Волнуешься? — спрашивает Вероника, пока мы едем в лифте и зеркальные панели отражают наши одинаковые наряды.

— Нет, — вру я.

Но стараюсь на этом не зацикливаться. Стараюсь не думать, что Тору во мне не ошибся. Даже после провала проекта «Вики» я все равно хочу вызовов. Хочу, чтобы моя работа что-то значи-

ла, — вот почему я отказалась от предложений Большой пятерки ради более рискованного дела.

— Не стоит. Ты замечательная. Все будет так успешно, что ты офигеешь. — Она игриво толкает меня, когда лифт распахивает двери.

— Тебе положено так говорить, потому что ты моя подруга. — Я иду за ней по коридору.

— Именно поэтому я не обязана так говорить.

Мы выходим, спускаемся по ступенькам и проходим мимо лис. Вероника монотонно рассказывает о своем краше в спортзале и о том, что цветом года будет дымная фуксия, что бы это ни значило. Она показывает на горшочек с крошечным белым цветком, пробивающимся из земли, и чуть не спотыкается о собачий поводок.

Чуть ли не в каждом квартале мы встречаем кого-нибудь, и я поневоле всматриваюсь в лица, пытаюсь разглядеть. Увидеть, проявилось ли оно на коже или в движениях. Надеюсь, однажды правда выйдет наружу. А правда в том, что оно реально, что у этого неописуемого, разрывающего душу томления есть имя. Одиночество.

Когда мы доходим до Вероникиной станции метро, она обнимает меня так крепко, что у меня ноют руки. Я машу ей, пока она не спускается по ступенькам, жду, когда стихнет клац-клац ее

каблуков из тоннеля, и шагаю дальше в золотом утреннем свете.

* * *

Очередь загибается на целый квартал. Люди переминаются с ноги на ногу, скрещивают руки, наклоняются, болтают. Ждут в нетерпении по тридцать, иногда сорок минут — невероятно долго. Но в этом тоже часть притягательности, думает Джанет, стоя позади пары, которая спорит, что будет заказывать, когда их пустят внутрь.

— Я мечтаю о пармезане с баклажанами, — говорит мужчина.

— Вряд ли у них такое есть, — отвечает женщина.

— В смысле? — говорит он.

— Там всего несколько блюд, — объясняет она. — Надо будет посмотреть в списке, когда зайдем.

— В списке?

Джанет про себя смеется — какой абсурд. Большие солнечные очки закрывают ее лицо, а прямые волосы теперь длиннее, до ключиц. Она проверяет теорию, что, если изменить внешность, удастся изменить и то, кто ты есть. В сорок один год она в некотором роде пытается

переоткрыть себя, что одновременно и бредово, и критично важно.

Подтвердив неудачу, после долгих часов расспросов от Тору и недельного брифинга с Правительством Джанет уехала в Европу отдохнуть. Создавать нарратив, погружаться в него очень утомительно.

Честно? Вики шла к успеху. Тору был прав. И тогда, перешептываясь на парковке больницы, Крис и Джанет составили план. Крис уже сказал Ли, что проект не заработает, — сказал, чтобы успокоить ее рассудок или, возможно, чтобы самому перестать метаться. Он согласился подшаманить с технологией, тестированием и своей командой, чтобы создать впечатление, будто Вики справляется не так хорошо, как на самом деле, а Джанет согласилась зацементировать ложь подтверждением провала.

Но оно того стоило, правда? Можно выдать ложь за правду, если это единственный способ защитить то, во что веришь? И пусть минувший год был полон вопросов, Джанет все равно считает, что поступила правильно. Она все еще верит, что искусственный друг только сделал бы мир более одиноким.

— Простите, вы все еще в очереди? — спраши-

вает сзади тихий голосок.

Она оборачивается и видит девочку-подростка с тонкими черными волосами — та указывает на просвет между Джанет и парой впереди.

— Ой, да, простите, — говорит Джанет, сдвигаясь на десять футов.

В пятый раз за последние несколько дней она приходит сюда со смесью любопытства и страха. Из конца очереди, с расстояния в квартал заведение выглядит безобидным, ничего особенного. Осыпающийся кирпичный фасад, пыльные окна.

Но иногда «просто» значит «хорошо», думает Джанет. Она провела год за границей и училась радоваться тому, как петляют и кружат городские улочки. Училась бродить без цели, проводить целые дни в неудобной скуке.

Иногда, заходя в какое-нибудь кафе, она ждет, что встретит там Тору. Увидит его демоническую улыбку, услышит его продающие речи, его доводы, почему им стоит стать партнерами еще в одном проекте. Она разочарована, что этого еще не произошло. Без Тору дни кажутся пустыми. Без их постоянных разговоров, сотрудничества, замыслов она не умеет думать, не знает, как быть. Но может, именно так ощущается новое начало. Первое время чувствуешь себя голой.

— И еще, простите, мисс, что беспокою. Но моя подруга спрашивает, где вы купили эти очки?

Джанет снова оглядывается и видит еще одну маленькую голову, наполовину скрытую за девочкой с тонкими волосами. Глаза моргают терпеливо, выжидательно. Она думает, стоит ли рассказывать им историю про рынок на холме. Как она его нашла. Как обменяла браслет на большие синие очки, в которых она похожа на жука, но все равно их любит.

— Слыхали про блошиные рынки?

Подростки с энтузиазмом кивают. Говорят, что смотрели про это видос. Там правда так шумно или люди редактируют аудио?

Джанет рассказывает им истории, а они в ответ рассказывают свои. Она узнает про их любимые цвета и самые нелюбимые предметы в школе. Узнает, что у одной из них болит зуб, но она боится идти к стоматологу, а у второй есть краш по имени Джейд.

— О, гляди! Там на стене внутри старые часы! — говорит девочка, прижимая лицо к стеклу.

Джанет не заметила, как близко они уже ко входу. Она оглядывается назад, где очередь продолжает расти, и смотрит, как люди жалуются друг другу, задают вопросы, шутят, сравнива-

ют впечатления. Некоторые даже обсуждают погоду.

Глядя на это все, Джанет борется с желанием снова сбежать. Думает о том, зачем пришла. Почему вернулась в Нью-Йорк. Она вспоминает, что обо всех консультантах в области человечности позаботились. Все они приняли предложения, которых Джанет и Тору упорно добивались для них после Распределения. Все решили вернуться на путь, о котором мечтали прежде. Все, кроме одной.

Узнав, что Ли отклонила предложения Большой пятерки, Джанет забеспокоилась. Чувство вины разрасталось. В чем дело? Станет ли девочка снова собой?

Девчонки рядом с ней болтают, прижав лица к стеклу.

Джанет снимает солнечные очки, глубоко вздыхает, наклоняется и тоже заглядывает в окно. Внутри полно людей, столько людей! С восторгом запихивают в рот омлет, жадно поливают шоколадным соусом тосты, беспечно роняют вилки, восхищаются пухлым меню, смеются.

Ошеломительно и хаотично. Но уже понятнее, почему Ли захотела от всего отказаться, чтобы открыть такой бизнес; на первый взгляд безумие,

но может во что-то вырасти.

Джанет смотрит на Ли через стекло, как некогда, уже очень давно, и чувствует что-то вроде облегчения. А когда уже было уходит…

Я оборачиваюсь.

Нутром чуяла, что однажды Джанет заглянет. И надеялась, что с ее приходом смогу закрыть ту главу моей жизни, чтобы она становилась все меньше и меньше — пылинка на чердаке моего прошлого.

Но я вижу ее за стеклом, и меня небольно накрывает озарение, и я как будто всегда знала: ничто никогда по-настоящему не заканчивается. Обычные на первый взгляд моменты — случайный сосед по комнате, неожиданная работа — рождают волны. Что угодно может изменить все.

Джанет улыбается — та самая закрытая улыбка, которая раньше меня нервировала, — и я киваю в ответ. Она исчезает в толпе, а на меня снова обрушивается реальность дайнера. Я доливаю кофе кому-то в чашку и плыву посреди этой суеты. Разговоры. Легкий джаз. Сладко-соленый запах бекона и сиропа. Все неумолимо тянет меня назад, в этот самый момент, напоминая, что я здесь, пусть лишь на время.

Благодарности

Спасибо моему крутейшему агенту Даниэль Буковски за то, что прочитала мою рукопись и полюбила Ли именно за ее странности, а не вопреки им; за то, что дала мне шанс и вывела эту книгу в мир.

Миллион благодарностей моему редактору Грейс Макнами, которая подтолкнула меня развить эту историю дальше, чем я рассчитывала. Ты поняла идею с самого начала. Я так горжусь тем, что мы сделали, что мы создали вместе.

Бесконечная благодарность моим преподавателям и наставникам с магистерской программы по творческому письму Университета Колумбии Уэнди С. Уолтерс, Лесли Джеймисон, Дэниэлу Магариэлу, Ларе Вапняр, Лиз Харрис, Деборе Айзенберг, Алану Фельзенталю, Джен Джордж, Бренде Уайнэппл, Ривке Галчен, Кларенсу Ку и многим другим. Спасибо, что позволяли мне пройти курсы, которые мне не полагались, и за то, что оберегали мои идеи и подталкивали писать то, к чему меня звала судьба.

Лорен Моузли, Лорен Оллерхед Фрайз, Кенли

Янг, Джиллиан Рамирес, Хэтти Лефейвор, Акшая Айер, Мёнхи Квон и всему дому *Bloomsbury* — спасибо за то, что сделали книгу красивой, довели историю до идеала и представили ее книжным магазинам и читателям. Вы настоящие чудотворцы.

Первые читатели рукописи оказались бесценны не только потому, что их отзывы придали книге форму, но и потому, что я вручила им кусочек своего сердца и попросила сказать правду. Опасная работа! Мэг Ричардсон, Ханна Каудерс, Кристина Маккосленд, Джейк О'Хара (Джейки Футбол), Ева Дански и Хелен Ван дер Слёйс: спасибо, что мечтали со мной, когда эта история еще не созрела. Спасибо, что воспринимали мои идеи всерьез и убеждали, что я смогу вытянуть это безумие.

Спасибо, Нью-Йорк, ты абсолютно чокнутый рай. Спасибо твоим бариста, твоим жителям, дайнерам и кулинариям. Ты сломал меня, собрал заново и познакомил с моим внутренним писателем.

Друзья близкие и дальние, вы вдохновили каждое слово. Спасибо за танцы под *Jungle*, за разговоры под остывающий кофе, за то, что стали моей «симфонией женственности», за смех до

сведенных челюстей, за то, что проверяли, как я добралась до дома, за то, что отвечали на звонки и сообщения и были настоящими рассказчиками историй.

Сэм. Ты мой придурок. Иногда я думаю: а что, если бы мне пришлось закончить черновик этой книги прежде, чем мир позволил нам встретиться. Спасибо за то, что ты моя открытая книга, моя скала, моя наскальная книга. Я [отредактировано] тебя.

Без моей семьи я никто: мама, папа, Брукс, Хилл, Ларри, Скай и Элли. (Мам, спасибо, что научила меня соревноваться и нелепо дурачиться. Пап, ты не поверишь, но мой талант рассказывать истории и умение видеть красоту там, где другие не видят, — это все от тебя.) Я пишу и стираю, набираю и удаляю, потому что нет слов, чтобы передать, как вы все для меня важны, как вы формировали меня, подталкивали, учили смеяться, любить, быть человеком в этой прекрасной неразберихе жизни. Я живу и пишу для вас. Всегда.

И наконец, спасибо вам, читатели, за то, что провели время с Ли, Джанет, Вероникой, Крисом и всей бандой. Надеюсь, если когда-нибудь вам станет одиноко, вы сможете вернуться к этим

страницам и знать: вся эта история, и дурацкий сигнал тревоги, который рифмуется с «дорогой» и «грогом», и все эти герои — для вас.